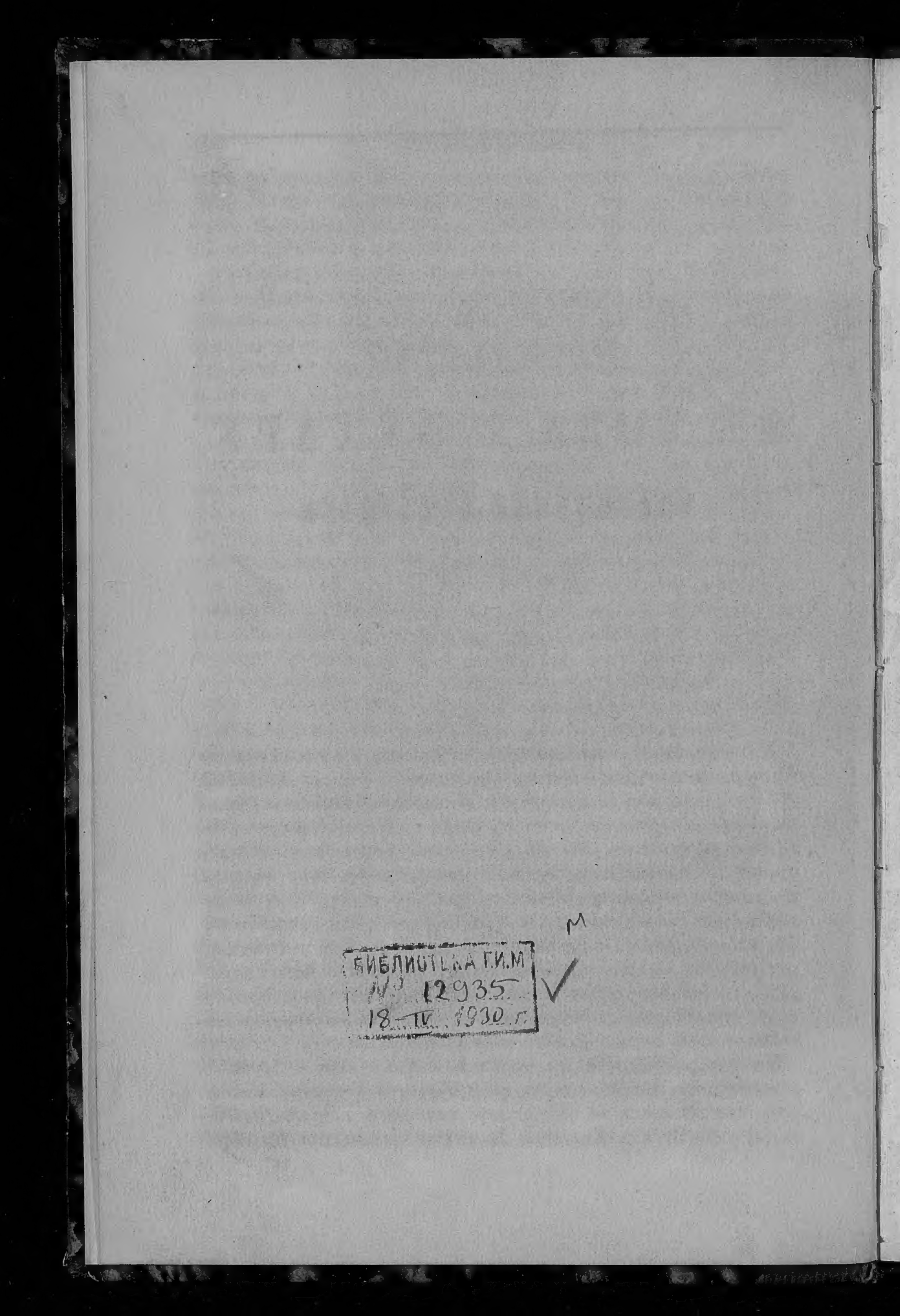

K 43 9/92

3

Карт. вклей

ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ И БУХАРУ ПОЛКОВНИКА ИГНАТЬЕВА ВЪ 1858 ГОДУ

I.

Въ статьяхъ о сношеніяхъ Россіи съ государствами Средней Азіи, помѣщенныхъ нами въ *Военномъ Сборникѣ* 1861, 1863 и 1866 годовъ, мы разказали какъ безплодно кончилось дипломатическое порученіе Бутенева въ Бухарѣ и какихъ результатовъ добились въ 1841—42 годахъ отъ Хивы миссіи Никифорова и Данилевскаго. Прошло шестнадцать лѣтъ, не разъ въ продолженіи этого времени появлялись внезапно предъ кордонами Оренбургской линіи посыльные люди владѣтелей Турана, представляли своихъ аргамаковъ и шали; случалось доѣзжали до Петербурга, чтобъ излить и тамъ, въ сотый разъ, цвѣты восточнаго краснорѣчія, и затѣмъ, нагрузившись подарками, преблагополучно возвращались восвояси, не принеся никакой пользы русскому дѣлу въ Средней Азіи.

Наступилъ 1857 годъ, до сосѣдей нашихъ дошли слухи о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя, и вотъ 20го іюля является въ Оренбургъ хивинскій посланецъ Фазиль-Ходжа-Islямъ-Ходжинъ, съ двумя аргамаками присла-

ными въ даръ къ Высочайшему двору, и свитой изъ 16 человѣкъ. Посланцу наняли квартиру и назначили содержанія по 2 руб. въ сутки, почетнымъ Хивинцамъ по 75, а простымъ по 25 копѣекъ на человѣка.

Не успѣли еще порядочно опомниться въ Оренбургѣ отъ пріема этихъ гостей, какъ пришло новое донесеніе изъ Орской крѣпости о прибытіи туда, 10го августа, бухарскаго посланца миръ-ахура (оберъ-шталмейстера) Мулладжанъ Ашурбаева, съ четырьмя аргамаками и 40 человѣками свиты. И кого только не было въ этой свитѣ! Тутъ находились и комендантъ бухарскаго двора, совѣтники и секретари посольства, адъютанты, походные полицеймейстеры, стража, конюхи и даже флейтистъ, барабанщикъ, швейцаръ и четыре камердинера, словомъ все что̀ угодно. Доставили и эту компанію въ Оренбургъ, наняли дома и назначили содержанія: посланцу по 2 руб., коменданту двора и совѣтнику по 1 р. 25 к., восьми почетнымъ лицамъ по 50, а остальнымъ по 25 к. въ сутки; на лошадей же приказано отпускать ежедневно по два гарнца овса и по 20 фунт. сѣна на каждую.

Отдохнувъ послѣ дальнаго пути, посланцы принялись по старому просить чтобъ ихъ немедленно отправили къ Высочайшему двору для личнаго представленія данныхъ имъ грамотъ отъ владѣтелей Хивы и Бухары, и писемъ отъ разныхъ своихъ сановниковъ, заявивъ при этомъ что цѣль ихъ посольства заключается въ принесеніи поздравленія Государю съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ. Въ грамотѣ Хивинскаго хана дѣйствительно кромѣ означеннаго порученія ничего и не говорилось, но за то во всѣхъ письмахъ лицъ хивинскаго правительства выражалось желаніе о назначеніи рѣки Сыръ-Дарьи границей между Хивинскимъ владѣніемъ и Русскимъ государствомъ.

Не такова была грамота владѣтеля Бухары. Выразивъ вначалѣ соболѣзнованіе о кончинѣ императора Николая Павловича и поздравивъ со вступленіемъ на престолъ Его Преемника, эмиръ счелъ необходимымъ увѣдомить тутъ же о своихъ побѣдахъ въ Шяхрисябзѣ, и съ важностію могущественнаго государя извѣстить о занятіи небольшихъ городковъ этого владѣнія, лежащихъ, какъ извѣстно, на пространствѣ 10—15 квадратныхъ верстъ; въ заключеніе было высказано желаніе видѣть въ Бухарѣ русскаго посла. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести вполнѣ этотъ любопытный доку-

ментъ въ приложенiи къ этой статьѣ, * какъ образецъ восточнаго краснорѣчiя и хвастливости. Такого же характера были письма сановниковъ бухарскихъ, хотя и болѣе краткаго содержанiя.

Чтобы познакомиться поближе съ самыми посланцами, будетъ не лишнее сказать объ нихъ нѣсколько словъ. Къ сожалѣнiю, документы того времени говорятъ очень мало о хивинскомъ послѣ: извѣстно только что онъ былъ крайне скупъ на разговоры. Что же касается бухарскаго посланнаго, то вотъ что писалъ о немъ знатокъ восточныхъ народовъ В. В. Григорьевъ въ азiятскiй департаментъ: „Мулладжанъ Ашурджановъ, титулуемый въ грамотѣ эмира на Высочайшее имя и въ письмахъ бухарскихъ сановниковъ миръ-ахуромъ, то-есть шталмейстеромъ, такой почетной должности при дворѣ эмира не занималъ, и титулъ этотъ получилъ вѣроятно лишь съ назначенiемъ въ посланцы къ россiйскому двору; до того же времени находился въ должности миръ-шеба или ночнаго полицеймейстера города Бухары и никакимъ особымъ довѣрiемъ эмира Нафуллаха не пользовался. Совѣтникъ и секретарь посольства—лица также не соотвѣтствующiя тому понятiю какое соединяется въ Европѣ съ обоими этими званiями: посланецъ обращается съ ними скорѣе какъ со слугами, нежели какъ съ чиновниками, имѣющими свое значенiе. На дняхъ, разсердившись на нихъ *за то что они спали когда онъ проснулся,* посланецъ собственноручно отколотилъ ихъ нагайкой, равно какъ и сына своего (коменданта бухарскаго двора)“. Далѣе говоря что посланецъ очень любознателенъ и охотно вступаетъ въ разговоры о своей странѣ, г. Григорьевъ присовокупляетъ: „Скупъ же онъ, а потому должно-быть и корыстолюбивъ, подобно прочимъ Азiятцамъ; доказательствомъ чему можетъ служить то что онъ отказался сдѣлать на собственный счетъ теплое платье для свиты своей, необходимое ей по позднему времени отправленiя въ С.-Петербургъ, вслѣдствiе чего шубами совѣтникъ и секретарь посольства и тулупами прислуга снабжены по распоряженiю генералъ-губернатора на счетъ нашего правительства“.

Таковы были лица которыя на этотъ разъ явились въ Россiю представителями Хивы и Бухары.

По полученiи въ Петербургѣ донесенiй о прибытiи послан-

---

* *Приложенiе* I.

цевъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о допускѣ ихъ ко двору, и 9го сентября хивинскій, а 23го октября бухарскій посланные, съ ограниченною весьма свитой, выѣхали въ Петербургъ.

Пребываніе пословъ въ столицѣ не было продолжительно. Удостоившись представленія Государю Императору, они получили отвѣтныя грамоты и письма * къ своимъ ханамъ и сановникамъ, затѣмъ насмотрѣвшись вдоволь балетовъ и другихъ диковинокъ, а главное набравъ достаточное число подарковъ, покойно вернулись въ Оренбургъ въ январѣ 1858 года. Обратный отъѣздъ посланцевъ изъ Оренбурга на родину послѣдовалъ: хивинскаго 28го февраля, а бухарскаго 24го мая.

Отвѣтомъ на эти посольства послужило со стороны Россіи оснаряженіе весной 1858 года въ ханства Хиву и Бухару особой миссіи подъ начальствомъ флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, генеральнаго штаба полковника Игнатьева, ** описаніе дѣйствій которой и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Еще прежде чѣмъ послы успѣли прибыть въ Петербургъ, высшее правительство, а также оренбургскій генералъ-губернаторъ, одновременно пришли къ убѣжденію въ необходимости отправить въ Туранъ нашего агента. Дѣйствительно, съ 1842 года никто изъ русскихъ чиновниковъ не ѣздилъ въ Среднюю Азію. Свѣдѣнія доставленныя о ханствахъ прежними миссіями уже не могли удовлетворять современнымъ потребностямъ, и притомъ въ топографическомъ отношеніи они касались только ближайшихъ къ городамъ Хивѣ и Бухарѣ мѣстностей, не говоря почти ничего о главной артеріи Средней Азіи, такъ важной въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ, о рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Наконецъ, съ 1853 года, примкнувъ къ рѣкѣ Сыру линіей нашихъ фортовъ, мы вошли въ непосредственное сношеніе съ Хивинскимъ владѣніемъ, а между тѣмъ у насъ не только не было вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи государствъ Средней Азіи, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о территоріи Бухарскаго ханства и другихъ владѣній прилегающихъ къ верховьямъ Аму, но даже, къ крайнему сожалѣнію, мы имѣли весьма смутное понятія о мѣстности лежащей по ту сторону Сыра. Эти обстоятельства уже сами по себѣ были на столько важны чтобы заставить обратить

* *Приложеніе* II и III.

** Нынѣ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, посолъ при его величествѣ султанѣ.

вниманіе на изученіе пограничной черты и ближайшихъ прилегающихъ къ ней, со стороны Средней Азіи, мѣстностей. Но кромѣ того стѣсненіе Азіятцами торговли нашихъ купцовъ непомѣрными пошлинами, рѣшеніе вопроса о возможности доставлять товары наши по Аму-Дарьѣ, задержка плѣнныхъ и пр., невольно вынуждали насъ еще разъ попытаться склонить владѣтелей Турана къ болѣе умѣренному и болѣе полезному для нихъ самихъ образу дѣйствій въ отношеніи Россіи. *

Придя къ такой мысли, правительство наше тѣмъ скорѣе рѣшилось привести ее въ исполненіе что получило словесныя заявленія хивинскаго посла и просьбу эмира о желаніи видѣть нашего агента въ среднеазіятскихъ ханствахъ.

Съ полученіемъ Высочайшаго повелѣнія объ отправленіи нашего агента въ ханства, въ Оренбургѣ дѣятельно начались приготовленія къ снаряженію миссіи и къ долженствовавшему произойти одновременно съ ея движеніемъ походу по степи оренбургскаго генералъ-губернатора, слѣдовавшаго для обозрѣнія Сыръ-Дарьинскаго края.

Путь миссіи былъ избранъ чрезъ бывшее Эмбенское укрѣпленіе, по западному берегу Арала и далѣе въ Хиву, Бухару, а отсюда обратно чрезъ Хиву въ Россію. Для охраненія въ походѣ по степи назначенъ особый казачій отрядъ, а для содѣйствія въ пути вдоль берега Арала и въ ханствахъ, какъ относительно перевозки тяжестей, такъ и съ цѣлію наилучшаго изученія Аму-Дарьи, въ вѣдѣніе агента поступила часть Аральской флотиліи, а потому прежде чѣмъ приступить къ подробному описанію снаряженія миссіи, скажемъ нѣсколько словъ о предоставленныхъ агенту сухопутныхъ и морскихъ средствахъ.

Въ то время степь Оренбургскаго вѣдомства, особенно западная ея половина, по которой именно пролегалъ путь миссіи, была далеко не покойна. Два года сряду предъ этимъ отряды наши неустанно гонялись здѣсь за шайкой извѣстнаго киргизскаго батыря Исета Кутебарова, и все напрасно; неуловимый сынъ степи каждый разъ откочевывалъ въ глубину Усть-Урта, куда отряды по совершенному истомленію лошадей, отъ недостатка корма и воды, не могли за нимъ слѣдовать. Въ 1858 году порядокъ вещей въ степи оставался тотъ же, а слѣдовательно миссію по необходимости нужно было оградить какимъ-нибудь конвоемъ, дабы не подвергнуть

* О томъ каковы были наши торговыя отношенія къ ханствамъ, см. *Приложеніе* IV.

нападенію Кутебарова. Въ этихъ видахъ долженствовавшій слѣдовать по одному пути съ миссіей до рѣки Эмбы, оренбургскій генералъ-губернаторъ, кромѣ назначенной для состоянія при агентѣ въ ханствахъ почетной стражи, въ числѣ 57 человѣкъ, долженъ былъ назначить ему до перваго хивинскаго населеннаго пункта изъ своего конвоя 75 человѣкъ, и сдѣлать распоряженіе чтобы рекогносцировавшій лѣтомъ этого же года западную окраину Усть-Урта, корпуса топографовъ поручикъ Скрябинъ, ко времени прохода миссіи по западному берегу Арала, направилъ поперегъ Усть-Урта на встрѣчу агента, и въ случаѣ нужды на помощь ему, летучую партію изъ 120 казаковъ. Что касается до Аральской флотиліи, то къ началу 1858 года, силы ея составляли, не считая деревянныхъ старыхъ судовъ и такихъ которые исключительно могли плавать только по рѣкѣ: 40ка-сильный желѣзный пароходъ *Перовскій*, построенный въ 1851 году, сидѣвшій съ 3.500 пудовъ груза въ водѣ 4 фута 1 д., 12ти-сильный желѣзный паровой барказъ *Обручевъ*, 390 пуд. груза, осадка въ водѣ 2 фута 3 д., желѣзный барказъ годный для плаванія по морю, съ грузомъ 300 пуд., и двѣ желѣзныя баржи поднимающія грузу въ морѣ до 2.500 пуд. Донося о состояніи судовъ, начальникъ флотиліи находилъ вполнѣ возможнымъ приспособить какъ пароходъ *Перовскій*, такъ и желѣзныя баржи къ морскому плаванію, сдѣлавъ имъ выдвижные кили и разныя другія улучшенія. Онъ полагалъ также все посольство съ почетнымъ конвоемъ размѣстить удобно на пароходѣ *Перовскій* и двухъ баржахъ, изъ коихъ одна должна была слѣдовать на буксирѣ парохода, и дойдя до Хивы, вернуться на Сыръ, а на пароходѣ съ другою баржей доставить посольство до Чарджуя, гдѣ, оставивъ баржу до обратнаго возвращенія миссіи изъ Бухары въ Хиву, сдѣлать въ это время рекогносцировку по Аму на пароходѣ до Балха. Указывая на трудности входа въ Аму и на происходящія отъ камышей задержки плаванія по ней до начала главнаго русла, начальникъ флотиліи тѣмъ не менѣе не сомнѣвался въ возможности провести посольство наше не только до Хивы, но даже и выше по рѣкѣ. Въ послѣдствіи мы увидимъ до какой степени всѣ эти надежды оказались несбыточными.

Снаряжая миссію, правительство не жалѣло издержекъ. Кромѣ того, самый выборъ въ начальники миссіи флигель-адъютанта Императора, не говоря уже о личныхъ достоинствахъ полковника Игнатьева, свидѣтельствовалъ о важномъ значе-

нія русскаго посольства долженствовавшаго пріобрѣсти особую цѣну въ глазахъ азіятскихъ владѣтелей.

Составъ миссіи былъ слѣдующій: Кромѣ агента, секретарь, два переводчика, два офицера генеральнаго штаба, два офицера корпуса топографовъ, два доктора, флотскій офицеръ астрономъ, фотографъ, чиновникъ отъ генералъ-губернатора и три топографа; кромѣ того при миссіи находился чиновникъ, посланный академіей наукъ для изученія восточныхъ нарѣчій, іеромонахъ слѣдовавшій въ Аральскую флотилію и студентъ С.-Петербургскаго университета, отправившійся по собственному желанію до хивинскихъ владѣній для изученія степи. Конвой миссіи, выбранный изъ отборныхъ людей, состоялъ изъ 23 конныхъ стрѣлковъ, 17 казаковъ Оренбургскаго Войска и 17 Уральскаго и 9 нестроевыхъ, съ прекраснымъ нарѣзнымъ оружіемъ, и 7 офицеровъ.

На пребываніе миссіи въ ханствахъ полагалось отъ 8—12 мѣсяцевъ, всѣмъ чинамъ ея повелѣно сохранить все содержаніе получаемое ими въ Россіи, и со дня выхода изъ Оренбурга по день возвращенія въ оный, производить такое же содержаніе изъ суммъ кибиточнаго съ Киргизовъ сбора, и кромѣ того отпускать порціонныя деньги: начальнику миссіи по 3 червонца, секретарю и чиновнику генералъ-губернатора по $1^1/_2$, драгоману, офицерамъ генеральнаго штаба, фотографу, флотскому офицеру и одному медику по 1, другому доктору и офицерамъ корпуса топографовъ по 2 руб. сер. въ сутки. Начальнику конвоя и начальнику оренбургской казачьей команды по 2 руб., переводчику и прочимъ офицерамъ конвоя по 1 р., фельдшеру и топографамъ по 50 к. въ сутки. Миссія была снабжена до хивинскихъ владѣній всѣми продовольственными припасами, въ томъ числѣ 24 пудами прессованныхъ овощей, спиртомъ и сухимъ фуражемъ на два мѣсяца; всѣ чины ея съ выходомъ изъ Оренбурга должны были получать отъ казны усиленное степное продовольствіе. Въ миссію были также отпущены разныя хозяйственныя принадлежности, астрономическіе, фотографическіе и геодезическіе инструменты, чертежные припасы, равно и съемки какъ степной мѣстности, такъ и произведенныя въ прежнее время въ ханствахъ.

Для поднятія двухъ-мѣсячнаго довольствія и фуража было нанято 220 верблюдовъ, съ платой по 6 р. въ мѣсяцъ за каждаго, и кромѣ того 110 верблюдовъ собственно для постояннаго багажа чиновъ миссіи, съ платой отъ Оренбурга до Хи-

вы по 15 р. за каждаго, съ должнымъ числомъ верблюдовожатыхъ при караванъ-башѣ, четырехъ посыльныхъ Киргизахъ и двухъ вожакахъ.

На заготовленіе подарковъ было ассигновано 11.000 руб., на эти деньги по распоряженію азіятскаго департамента были куплены разныя вещи, къ сожалѣнію весьма мало соотвѣтствовавшія характеру и вкусу Азіятцевъ; кромѣ того миссіи было отпущено при выступленіи изъ Оренбурга: двойное жалованье всѣмъ чинамъ посольства и почетнаго конвоя и порціоны за годъ, а на наемъ верблюдовъ и вожаковъ до Хивы и на чрезвычайные и другіе расходы въ Средней Азіи 30.000 руб., а всего 74.972 руб. звонкою монетой. Въ почетный конвой отпущено по 200 патроновъ на человѣка и 20 револьверовъ съ 100 патронами для вооруженія нестроевыхъ; въ составѣ конвоя находились: портной, саложникъ, хлѣбопекъ и слесарь.

На каждыхъ двухъ чиновъ миссіи позволено было взять по одной троечной степной фурѣ, что составило вмѣстѣ съ повозками агента 11 экипажей; присоединивъ къ этому походную кузницу, фуры для больныхъ, медикаментовъ, канцеляріи и денегъ, и для конвоя семь телѣгъ, получимъ что миссія выступили въ походъ, черезъ пески Барсуки и безплодную безводную равнину Усть-Урта, съ 23 повозками и почти съ 200 лошадьми, не считая добавочнаго конвоя въ 75 человѣкъ, назначеннаго изъ отряда генерала Катенина. Дѣло доселѣ неслыханное и считавшееся до такой степени невозможнымъ что открывая въ 1839 году экспедицію противъ Хивы, генералъ Перовскій рѣшился лучше подвергнуть свои войска всѣмъ случайностямъ суровой безпощадной зимы, нежели рискнуть съ отрядомъ при которомъ находилось много лошадей и тяжестей двинуться чрезъ Усть-Уртъ лѣтнею порой.

Одновременно со снаряженіемъ миссіи дѣлались распоряженія и по приготовленію судовъ Аральской флотиліи къ плаванію по Аралу и Аму-Дарьѣ. Начальникъ флотиліи, для ближайшихъ указаній, былъ вызванъ въ Оренбургъ и потомъ въ Петербургъ. Для укомплектованія флотиліи назначено три флотскихъ и пять штурманскихъ офицеровъ изъ Балтійскаго флота и 85 матросовъ изъ Астраханской флотиліи; заказаны паруса и такелажныя вещи въ Петербургѣ, баржи вооружены каждая двумя ¼ пудовыми единорогами на американскихъ станкахъ, заготовленъ антрацитъ и проч.

Съ приближеніемъ похода выяснились болѣе точно и самыя дѣйствія флотиліи при миссіи, равно отношенія начальника флотиліи къ агенту, доселѣ остававшіяся крайне неопредѣленными. По представленію начальника флотиліи было рѣшено что „къ 5му іюня пароходъ *Перовскій*, двѣ желѣзныя баржи и желѣзный барказъ спустятся къ устью Сыръ-Дарьи. Пароходъ *Обручевъ* присоединяется къ эскадрѣ, между 12мъ и 15мъ іюля, тогда пароходъ *Перовскій* отправится съ баржами въ заливъ Чернышева. По прибытіи туда посольства, отправляется баржа съ его депешами и съ приказаніемъ пароходу *Обручевъ* и барказу идти къ Талдыкскому устью Аму-Дарьи. У сего устья они ожидаютъ пароходъ *Перовскій*. Дойдя съ посольствомъ до юго-западнаго угла моря, означенный пароходъ и баржа перейдутъ къ Талдыкскому устью." Разсмотрѣвъ эти соображенія, Высочайше учрежденный въ Петербургѣ особый комитетъ, между прочимъ, находилъ: „Дѣйствія флотиліи нашей на Аральскомъ морѣ неизбѣжно подвержены многимъ случайностямъ. Они будутъ зависѣть отъ того, дозволитъ ли ханъ Хивинскій подняться вверхъ по Аму-Дарьѣ и въ какое время получится это увѣдомленіе; отъ большей или меньшей глубины водъ въ устьѣ рѣки и наконецъ отъ самыхъ непогодъ на Аральскомъ морѣ. Всѣ эти условія предусмотрѣть заранѣе нельзя, а потому комитетъ полагалъ бы: съ той поры когда *Перовскій* вступитъ въ Чернышевскій заливъ, гдѣ долженъ перейти на него полковникъ Игнатьевъ съ сопровождающими его лицами, всю флотилію предоставить въ полное распоряженіе полковника Игнатьева; такъ какъ миссія наша выѣдетъ изъ Оренбурга позже чѣмъ предполагалось, то весь разчетъ и соображеніе времени которымъ первоначально руководился комитетъ подвергается совершенному измѣненію. Самое возвращеніе экспедиціи изъ Аму-Дарьи до наступленія зимы становится сомнительнымъ, а потому необходимо предоставить мѣстному усмотрѣнію флигель-адъютанта Игнатьева и капитана 1го ранга Бутакова должно ли подвергнуть флотилію случайностямъ зимовки въ Чарджуѣ или другомъ мѣстѣ бухарскихъ владѣній, или во всякомъ случаѣ вернуться до зимы въ Аральское море, и такимъ образомъ подняться по Аму-Дарьѣ на столько на сколько дозволитъ время, и всею ли флотиліей или съ однимъ пароходомъ *Обручевъ*, буде воды не спадутъ въ то время когда получится разрѣшеніе двинуться въ устья рѣки, и пароходъ *Перовскій*

не въ состояніи будетъ проникнуть въ оныя. Комитетъ во всякомъ случаѣ не можетъ не выразить при этомъ своего желанія чтобы флотилія, по мѣрѣ возможности, не раздроблялась, а держалась вмѣстѣ, чтобы она употребила всѣ старанія изслѣдовать главнѣйшее устье Аму-Дарьи и потомъ на сколько возможно самую рѣку, и во всякомъ случаѣ не подвергла непріятнымъ послѣдствіямъ нашу миссію во время пребыванія ея въ Хивѣ, какими-либо преждевременными дѣйствіями въ Аму-Дарьѣ, близь хивинскихъ владѣній." Такое положеніе комитета было Высочайше утверждено.

Мы увидимъ въ послѣдствіи что рѣшенія комитета не могли быть выполнены вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній.

Отправляя агента въ ханства, военное министерство поручило ему собрать по возможности болѣе топографическихъ свѣдѣній, не только объ этихъ мало извѣстныхъ намъ земляхъ, но и о Киргизской степи, съемку которой приказано провѣрить. Оно предписало вести во время похода топографическій журналъ, составлять географическое и статистическое описаніе пройденныхъ странъ; собрать свѣдѣнія о старомъ руслѣ Аму въ Каспійское море, о Туркменахъ, ихъ военныхъ силахъ и отношеніяхъ къ сосѣдямъ, о дорогахъ пролегающихъ изъ ханства въ сосѣднія съ ними азіятскія страны, о военныхъ силахъ ханствъ и сосѣднихъ съ ними владѣній, въ особенности же изучить во всѣхъ отношеніяхъ рѣку Аму-Дарью.

II.

Къ концу апрѣля, лица предназначенныя въ составъ миссіи собрались въ Оренбургѣ, куда 1го мая пріѣхалъ и флигель-адъютантъ Игнатьевъ. Приготовленія къ походу шли день и ночь. Здѣсь нельзя не замѣтить о трудностяхъ снаряженія войскъ въ степь, которыя людямъ служившимъ постоянно внутри Россіи и привыкшимъ къ европейскимъ передвиженіямъ едва ли могутъ быть и понятны. Дѣйствительно, чтобы снарядить и отправить съ небольшимъ сто человѣкъ, нужно было своевременно позаботиться о самыхъ послѣднихъ мелочахъ одежды, продовольствія и передвиженія посылаемыхъ чиновъ. Генералъ-адъютантъ Катенинъ, при дѣятельной помощи всѣхъ подвѣдомственныхъ ему управленій и лицъ, и послѣ усиленныхъ трудовъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ, едва-едва могъ приготовить миссію къ походу въ половинѣ мая.

Прекраснымъ весеннимъ утромъ начался день 15го мая, и въ 8 часовъ, вся миссія уже благоговѣйно слушала путевой молебенъ на обширной равнинѣ за рѣкой Ураломъ: пронеслось послѣднее благословеніе священника, раздалась команда, и караванъ посольства длинною нитью потянулся въ невѣдомую даль, не зная навѣрно что ждетъ его впереди.

Весна 1858 года особенно благопріятствовала степнымъ движеніямъ. Подножный кормъ былъ вездѣ превосходный, и первые переходы миссія сдѣлала, сопутствуемая дождями и прохладой. Осмотрѣвшись нѣсколько въ походѣ, устроивъ порядокъ движенія охраннаго своего каравана, начальникъ миссіи могъ вполнѣ предаться обсужденію своихъ будущихъ дѣйствій. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, въ Оренбургѣ чины миссіи окончательно разстались съ европейскою жизнью, съ ея обычаями и законами, затѣмъ сразу слѣдовало забыть все прошедшее и подготовить себя къ встрѣчѣ съ самымъ дикимъ варварствомъ, съ отсутствіемъ всякаго понятія о международномъ правѣ вообще и о правѣ человѣка въ особенности. Не легкій переходъ предстоялъ нашему агенту. Много надо имѣть любви къ интересамъ отечества, много самоотверженія, энергіи и молодаго, пылкаго честолюбія, чтобы промѣнять службу въ Россіи на томительный, тяжелый походъ по степямъ, на жизнь исполненную лишеній и на столкновеніе съ средне-азіятскими владѣтелями, у которыхъ игра въ жизнь и смерть человѣка есть не болѣе какъ шутка.

Кому не извѣстна исторія съ Стодардтомъ, полномочнымъ посланнымъ лорда Пальмерстона и, конечно, ни одинъ человѣкъ близко знавшій азіятскія страны не могъ поручиться чтобъ и 1858 году не свершилась такая же катастрофа со всякимъ другимъ агентомъ, какая нѣкогда постигла англійскаго резидента.

Подтвержденіемъ словъ нашихъ всего лучше можетъ служить поступокъ Бухарскаго эмира съ посланнымъ отъ генерала Черняева не далѣе какъ въ 1865—66 годахъ дипломатическимъ чиновникомъ Струве и сопровождавшими его лицами, которыхъ Бухарцы продержали болѣе полугода въ плѣну, подвергали разнымъ истязаніямъ и едва не лишили жизни, и все это дѣлалось почти въ виду русскихъ войскъ, стоявшихъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Самарканда. Въ 1858 году мы не были какъ нынѣ повелителями чуть не половины Средней Азіи, и вмѣсто многочисленныхъ баталіоновъ и укрѣпленій,

раскинутыхъ нынѣ отъ Арала до верховьевъ Нарыка и Заревшана, занимали только частичку устьевъ Сыра тремя ничтожными фортами, съ гарнизономъ въ $1^1/_2$ баталіона пѣхоты съ 2—3 сотнями казаковъ.

Разумѣется все это очень хорошо зналъ агентъ и тѣмъ не менѣе принялъ на себя тяжелую миссію, посвятивъ ей свою дѣятельность. Перебирая въ умѣ всѣ возможныя случайности положенія своего въ ханствахъ, представляя всю изворотливость Азіятцевъ въ переговорахъ, полковникъ Игнатьевъ на первыхъ же переходахъ, съ бивуака у урочища Бишъ-Тамакъ, писалъ, 24го мая, директору азіятскаго департамента: * „Идучи по степи обдумываю я предстоящее мнѣ въ Хивѣ и Бухарѣ дѣло и рѣшился высказать вашему превосходительству нѣкоторыя мысли родившіяся у меня при сличеніи свѣдѣній находящихся въ Оренбургскомъ краѣ о Средней Азіи съ данною мнѣ инструкціей.... Жертвуя собою для пользы службы, не боюсь откровенности. Когда настанетъ время переговоровъ съ ханами, въ случаѣ сомнѣнія и противорѣчія мѣстныхъ обстоятельствъ съ указаніями мнѣ данными, рѣшусь на то что̀ по крайнему моему разумѣнію почту за наиболѣе для насъ выгодное и сообразнѣйшее съ общими видами министерства.“ Вопросы поднятые полковникомъ Игнатьевымъ главнымъ образомъ касались нашихъ торговыхъ сношеній съ ханствами и возможности участія нашего въ войнахъ Бухары съ Коканомъ. Мы приводимъ эту любопытную бумагу въ приложеніи, ** но не можемъ не указать здѣсь на одну мысль агента, исполненіе которой послѣдовало лишь въ послѣднее время: „Едва ли выгодно для насъ,“ писалъ полковникъ Игнатьевъ, „въ случаѣ еслибъ эмиръ Бухарскій попросилъ помощи Россіи въ войнѣ съ Коканомъ, отказать ему въ этомъ и не воспользоваться симъ случаемъ чтобы связать Сыръ-Дарьинскую линію съ Сибирскою, занявъ Туркестанъ и Ташкентъ.“ Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовали указанія министерства, полученныя агентомъ лишь 26го сентября, уже по прибытіи въ Бухару. Съ того же бивуака полковникъ Игнатьевъ послалъ нарочнаго къ начальнику Аральской флотиліи, капитану 1го ранга Бутакову, съ просьбой войти въ связь съ миссіей когда она при-

---

* *Приложеніе* V.

** *Приложеніе* VI.

будетъ къ Аралу, и именно къ заливу Чернышева, мотивируя такую просьбу слѣдующими побужденіями: „Необходимость ясно и положительно опредѣлить обоюдныя дѣйствія какъ ввѣренной мнѣ миссіи, такъ и Аральской флотиліи при дальнѣйшемъ ихъ направленіи къ предѣламъ Хивинскаго ханства, и уяснить тѣ затрудненія которыя могутъ ожидать флотилію въ случаѣ входа ея въ устье Аму-Дарьи указываетъ на неотлагательную надобность въ личномъ моемъ свиданіи и совѣщаніяхъ съ вашимъ высокоблагородіемъ прежде чѣмъ мы рѣшимся на какое-либо дѣйствіе.“

31го мая миссія благополучно достигла рѣки Эмбы, пройдя со своимъ огромнымъ обозомъ въ семнадцать дней 458 верстъ. Мы имѣли уже случай замѣтить о томъ взволнованномъ состояніи въ которомъ находилась степь вслѣдствіе разбоевъ извѣстнаго наѣздника Исета Кутебарова. Оренбургскій генералъ-губернаторъ, употребляя всѣ мѣры къ умиротворенію кочевниковъ, нашелъ наконецъ полезнымъ объявить амнистію всѣмъ бунтовавшимъ Киргизамъ и завести поэтому косвенные переговоры съ самимъ Исетомъ, съ цѣлію заставить его явиться съ повинной. Какъ ни убѣдительно дѣйствовали въ этомъ случаѣ посредники, но Исетъ, слѣдуя внушенію своей матери, сначала положительно отказался войти въ какія-либо сношенія съ оренбургскимъ начальствомъ и думалъ уже откочевать въ глубь Усть-Урта, когда неожиданно получилъ извѣстіе о движеніи миссіи подъ начальствомъ флигель-адъютанта Императора, и намѣренія его перемѣнились. Онъ рѣшился прежде свиданія съ генералъ-губернаторомъ отдать себя въ руки агента, какъ лица, по мнѣнію его, довѣреннаго у Государя, а слѣдовательно совершенно безпристрастнаго. Черта характерная и назидательная для нашихъ изслѣдователей причинъ частыхъ бунтовъ Киргизскаго народа. 4го іюня Исетъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ уже стоялъ безоружный въ палаткѣ полковника Игнатьева.

„Послѣ первыхъ привѣтствій, пишетъ агентъ, Исетъ принесъ полную покорность правительству, прося меня, какъ посланца Государя Императора, засвидѣтельствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ его покорность и готовность загладить прежнія свои вины ревностною и вѣрною службой. При этомъ онъ высказалъ мысль что, по недобросовѣстности посылавшихся доселѣ въ степь чиновниковъ и начальниковъ его преслѣдовавшихъ, онъ не могъ изъявить

чимъ своего раскаянія и дожидался для сего пріѣзда въ степь человѣка который могъ бы лично засвидѣтельствовать Его Императорскому Величеству объ его покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ поручиться въ безопасности при поѣздкѣ къ генералъ-губернатору.“ Такъ принесена была повинная знаменитымъ киргизскимъ батыремъ, за которымъ безполезно гонялись три года наши отряды. И этотъ недавній бунтовщикъ, не далѣе какъ черезъ четыре дня послѣ повинной, провожалъ уже нашу миссію по своимъ ауламъ съ тѣмъ гостепріимствомъ на которое такъ способны Азіятцы, далъ ей надежныхъ вожаковъ для прохода черезъ пески Барсуки, и наконецъ для сопровожденія агента въ Хиву, отдалъ ему любимаго сына, какъ доказательство предъ Хивинцами полной его покорности русскому правительству.

Дойдя 7го іюня до рѣки Чегана, начальникъ миссіи, согласно сношенію своему съ капитаномъ Бутаковымъ, выслалъ немедленно къ заливу Чернышева топографа, съ двумя вожаками, для открытія сообщенія съ флотиліей, и затѣмъ, замедливъ движеніе каравана по пескамъ, 12го числа самъ выѣхалъ на берегъ Арала, нетерпѣливо поджидая появленія судовъ.

Грандіозная картина открылась предъ чинами миссіи когда они поднялись на гору у бухты Кумъ-Суатъ: послѣ песчаныхъ, безжизненныхъ степей яркая синева Арала казалась невыразимо отрадною и поразительною. Слѣва, какъ бы въ туманѣ, виднѣлись слабыя очертанія сѣверо-восточнаго берега моря, прямо синева водъ сливалась съ горизонтомъ, справа же высился скалистый, угрюмый западный берегъ, спускаясь прихотливыми обрывами къ морю и придавая всей картинѣ своеобразный и дикій характеръ. Напрасно нѣсколько часовъ миссія простояла на берегу моря, на прекрасной синей поверхности его не отдѣлилось ни одной точки которую можно было принять за парусъ или за судно: повсюду была гладь и тишь. Оставаться долѣе у Чернышевскаго залива оказалось невозможнымъ, по совершенному отсутствію подножнаго корма и недостатку прѣсной воды. Отрядъ долженъ былъ сняться и сдѣлать ночной, усиленный и утомительный переходъ для достиженія ближайшихъ колодцевъ. Поздняя присылка изъ Оренбурга матеріаловъ для флотиліи удержала капитана Бутакова въ Фортѣ № 1 долѣе чѣмъ онъ предполагалъ, и онъ не могъ уже поспѣть къ Чернышевскому заливу ко времени прихода туда агента. 14го іюня, предъ миссіей, расположивше-

юся у мыса Бай-Губетъ, чернѣлся пароходъ *Перовскій*; но прошелъ мимо, не замѣтивъ сигналовъ дѣлаемыхъ съ берега миссіей. 19го, послѣ долгихъ попытокъ войти въ сношеніе съ полковникомъ Игнатьевымъ, капитанъ Бутаковъ былъ наконецъ радостно встрѣченъ на пустынномъ берегу Арала начальникомъ миссіи.

III.

По мѣрѣ приближенія къ хивинскимъ владѣніямъ, до полковника Игнатьева начали доходить болѣе и болѣе положительныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ ханствѣ. Такъ онъ узналъ что Аму-Дарья въ этомъ году разлилась до такой степени сильно какъ не помнили и старожилы, но что къ началу іюня ожидался уже спадъ воды; что борьба Хивинцевъ съ Туркменами продолжалась, и города Кунь-Ургенчъ и Ходжейли, чрезъ которые пролегалъ путь миссіи, содержались въ тѣсной блокадѣ Туркменскимъ ханомъ Ата-Муратомъ; что Хивинцы, предугадывая желаніе наше ввести флотилію въ Аму, не хотятъ на это согласиться. Извѣстія эти были настолько важны, что начальникъ миссіи вынужденъ былъ измѣнить первоначальный планъ своихъ дѣйствій въ Хивинскомъ ханствѣ. Придавая, какъ это и слѣдовало, огромное значеніе изученію топографіи ханства вообще, и главнымъ образомъ Аму-Дарьи, полковникъ Игнатьевъ видѣлъ что замедленіе флотиліи, съ одной стороны, и нежеланіе хана пустить наши суда въ рѣку, съ другой, могли совершенно лишить его возможности, особенно при слѣдованіи миссіи на Кунь-Ургенчъ не только изслѣдовать низовья Аму, но даже близко взглянуть на эту рѣку. Въ то же время движеніе на Кунь-Ургенчъ ставило миссію въ самыя щекотливыя отношенія какъ къ Хивинцамъ, такъ и къ Туркменамъ; ибо къ первымъ миссія шла для заключенія дружественнаго трактата, а послѣдніе еще недавно присылали къ оренбургскому генералъ-губернатору генералу Катенину пословъ съ предложеніемъ подданства своего Россіи.

Всѣ эти извѣстія и соображенія заставили флигель-адъютанта Игнатьева принять слѣдующее рѣшеніе. „Дабы не потерять времени, доносилъ онъ, и хотя сколько-нибудь отстранить невыгоды слишкомъ поздняго прибытія нашего въ хивинскія владѣнія, а также не подвергаться неминуемому отказу хана на пропускъ флотиліи нашей въ рѣку и воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ ханства, я

рѣшился, принявъ въ соображеніе вышеизложенное, нагрузить въ Чернышевскомъ заливѣ нѣкоторыя изъ подарочныхъ вещей и тяжестей посольства и отправить оныя съ двумя офицерами (одинъ морской, другой генеральнаго штаба), съ баржей на буксирѣ, прямо въ Аму-Дарью до города Кунграда. О вышеизложенномъ я намѣреваюсь предупредить мехтара письмомъ,* и отправить оное съ посланцемъ прямо въ Хиву съ такимъ разчетомъ времени чтобы пароходъ нашъ успѣлъ войти въ устье *до* полученія ханскаго распоряженія изъ Хивы." ** Затѣмъ, послѣ уже свиданія съ Бутаковымъ, въ томъ же донесеніи, агентъ излагаетъ: „Я предъявилъ капитану 1го ранга Бутакову журналъ комитета препровожденный мнѣ вашимъ превосходительствомъ при письмѣ отъ 15го апрѣля, и отговариваю его отъ производства предварительной рекогносцировки рѣки Аму до Кунграда, признаваемой имъ необходимою. По свѣдѣніямъ собраннымъ капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ о состояніи въ настоящее время устьевъ рѣки Аму, Талдыкъ обмелѣлъ, а главная масса воды преимущественно обратилась въ старое, самое восточное устье.... Сборнымъ мѣстомъ всей флотиліи назначено капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ устье Талдыка. Флотилія состоящая изъ пароходовъ *Перовскій*, *Обручевъ* и двухъ баржъ соберется на этотъ пунктъ 23го числа.... Капитанъ 1го ранга Бутаковъ, взявъ два изъ судовъ флотиліи и наложивъ на нихъ подарочныя вещи, отправится въ устье Аму и поднимется до Кунграда, дѣйствуя въ смыслѣ изложеннаго мною въ письмѣ кунградскому градоначальнику, отправленномъ сегодня съ разсыльнымъ. Я просилъ капитана Бутакова не обращать вниманія на частныя непріязненныя дѣйствія Хивинцевъ и на какія-либо попытки остановить пароходъ, сообщая мнѣ по возможности чаще свѣдѣнія о плаваніи судовъ, въ особенности въ случаѣ какой-либо остановки, и прибыть въ Кунградъ 25го числа. Въ случаѣ еслибы встрѣтились непредвидимыя препятствія для плаванія нашихъ судовъ, то подарочныя вещи будутъ переложены въ хивинскія барки, съ тѣмъ чтобы на оныхъ постоянно находились Можайскій (морской офицеръ) и Салацкій (офицеръ генеральнаго штаба) и два матроса, въ видѣ прислуги этихъ офицеровъ."

Принявъ такое рѣшеніе въ отношеніи флотиліи, флигель-

---

* *Приложеніе* VII.

** *Приложеніе* VIII.

адъютантъ Игнатьевъ, въ видахъ достиженія той же цѣли, то-есть, главнымъ образомъ, изслѣдованія рѣки Аму-Дарьи, рѣшился измѣнить и самый путь миссіи, — направивъ ее вмѣсто Кунь-Ургенча на городъ Кунградъ. Какъ съ извѣстіемъ къ хивинскимъ властямъ о причинахъ входа нашихъ судовъ въ Аму и измѣненія маршрута миссіи на Кунградъ, такъ и для разузнанія впечатлѣнія произведеннаго этими дѣйствіями на хивинское правительство, былъ посланъ находившійся при миссіи съ товарами купца Зайчикова прикащикъ Панфиловъ, одна изъ тѣхъ бывалыхъ въ Средней Азіи личностей простаго русскаго люда которые мастера на все, все узнаютъ, все разсудятъ своимъ простымъ, но здравымъ умомъ и нигдѣ не потеряются.

Мотивируя доводы по которымъ миссія должна была избрать путь на Кунградъ, агентъ доносилъ между прочимъ: „На этомъ пути (то-есть къ Кунграду) я могу сохранить несравненно бо́льшую независимость дѣйствій въ отношеніи къ Хивинцамъ и въ особенности Туркменамъ, и скорѣе принять, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, роль посредника, нежели при движеніи чрезъ Кунь-Ургенчъ, гдѣ я могу быть поставленъ въ затруднительное положеніе къ Туркменамъ и возбудить противъ себя нечаяннымъ образомъ недоброжелательность и подозрѣнія Хивинцевъ.

„При слѣдованіи миссіи чрезъ Кунь-Ургнечъ, высылка для меня въ этомъ городѣ почетнаго хивинскаго конвоя могла только подать поводъ къ весьма непріятной для насъ схваткѣ узбековъ съ Туркменами.

„Мнѣ представляется возможность при слѣдованіи на Кунградъ прибыть восемью днями ранѣе къ хивинскимъ владѣніямъ и попытаться ввести нашу флотилію нѣсколько ранѣе до окончательнаго спаденія воды.

„Направляясь на Кунградъ, я могъ быть ближе съ караваномъ миссіи къ флотиліи и болѣе сосредоточить такимъ образомъ свои средства, а личнымъ моимъ присутствіемъ въ Кунградѣ отстранить тѣ важныя недоразумѣнія которыя могли бы произойти при отдѣльномъ отъ меня слѣдованіи,—при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Хивѣ,—или флотиліи, или каравана.

„Въ случаѣ ежели бы наши суда не вошли своевременно въ сношеніе съ миссіей, а также ежели бы они встрѣтили непреодолимыя препятствія ко входу въ рѣку или для дальнѣйшаго по рѣкѣ плаванія, то, слѣдуя на Кунградъ, я имѣю бо-

лѣе возможности нежели изъ Кунь-Ургенча принять иныя мѣры чтобъ изучить хотя часть рѣки или выручить изъ бѣды флотилію.

„Слѣдованіе миссіи чрезъ Айбугирскій заливъ на Кунградъ и оттуда на Хиву на баркахъ или сухимъ путемъ доставляетъ намъ случай изучить вполнѣ Айбугирскій заливъ, пройти малоизвѣстнымъ до сихъ поръ путемъ и обозрѣть съ пользой для науки низовую часть Хивинскаго ханства.“

Сдѣлавъ сообразно съ этимъ всѣ распоряженія и направивъ миссію къ Айбугирскому заливу, къ урочищу Ургѣ, полковникъ Игнатьевъ счелъ необходимымъ, кромѣ словесныхъ объясненій, снабдить начальника флотиліи особымъ предписаніемъ, * изъ котораго, для разъясненія дѣйствій миссіи, считаемъ необходимымъ привести слѣдующія выдержки: „Признаваемую вами необходимою предварительную рекогносцировку самаго устья рѣки можно бы было допустить только въ такомъ случаѣ ежели она будетъ произведена вами со всевозможною осмотрительностію и не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій для достиженія общей цѣли миссіи и флотиліи, то-есть свободнаго плаванія вверхъ по Аму-Дарьѣ; во всякомъ случаѣ я предоставляю обозрѣніе это вашему ближайшему усмотрѣнію и соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ, лишь бы только въ рѣкѣ не находилось ни подъ какимъ предлогомъ одновременно болѣе двухъ судовъ, что̀ противорѣчило бы извѣщенію, сдѣланному мною о флотиліи кунградскому начальнику.... Если же, какъ вы мнѣ сообщали словесно, вы найдете болѣе удобнымъ для судовъ нашихъ подняться по рѣкѣ не по Талдыкскому устью, а по вновь прорытому рѣкой восточному, то въ такомъ случаѣ я прошу ваше высокоблагородіе остановиться съ судами вошедшими въ рѣку въ мѣстѣ соединенія этого новаго рукава съ главнымъ русломъ рѣки, гдѣ и ожидать отъ меня дальнѣйшихъ извѣщеній. Какъ при проходѣ чрезъ одно русло рѣки, такъ равно и чрезъ другое, я покорнѣйше васъ прошу стараться прибыть къ Кунграду не ранѣе 25го числа сего іюня и не позже утра 26го, а если вы остановитесь нѣсколько выше означеннаго города, то не ранѣе 27го числа, то-есть ко времени прибытія миссіи въ окрестности мѣста вашей стоянки.“

Разставшись съ флотиліей и сдѣлавъ еще два перехода по

* *Приложеніе* IX.

западной сторонѣ Арала, миссія 21го іюня расположилась на урочищѣ Ургѣ, на берегу Айбугирскаго озера, сплошь поросшаго камышами и составляющаго рукавъ моря.

Во время этого движенія, рекогносцировочный отрядъ поручика Скрябина пересѣкъ Усть-Уртъ и вошелъ въ связь съ миссіей, но не встрѣчая въ немъ особой надобности, флигель-адъютантъ Игнатьевъ предписалъ Скрябину продолжать возложенную на него работу.

На пути къ Ургѣ миссія была встрѣчена посыльными Киргизцами ѣздившими въ Хиву отъ оренбургскаго генералъ-губернатора съ предупрежденіемъ о пріѣздѣ посланника. Киргизы эти, имѣвшіе свиданіе съ мехтаромъ и самимъ ханомъ, первые передали вѣсть агенту нашему что Хивинцы очень встревожены движеніемъ по степи генералъ-губернатора и разныхъ отрядовъ, а также значительнымъ конвоемъ миссіи, вслѣдствіе чего весьма боятся чтобы Русскіе не вступили противъ нихъ въ союзъ съ Туркменами и не перевели къ себѣ Киргизовъ населяющихъ южную часть ханства и имѣвшихъ во главѣ своей батыря Азбергеня, близкаго родственника и сподручника Исета. Чрезъ этихъ же Киргизовъ и въ виду того же опасенія за союзъ съ Туркменами, ханъ просилъ направить миссію не на Кунь-Ургенчъ, а на Кунградъ. Вслѣдствіе чего желаніе хана какъ нельзя кстати совпало съ предположеніями самого агента. Для встрѣчи миссіи былъ назначенъ кунградскій правитель и почетный конвой во 100 всадниковъ подъ начальствомъ кунградскихъ чиновниковъ, а въ качествѣ постояннаго пристава Диванъ-Баба, братъ Дивана-Беги, ханскаго секретаря и казначея. Не доходя верстъ 6 до урочища Урги, миссію встрѣтили начальники хивинскаго конвоя, которые въ разговорѣ старались издалека разузнать о цѣли посольства и о связяхъ его съ Туркменами.

Четыре дня миссія совершала тяжелую переправу на хивинскихъ лодкахъ черезъ Айбугиръ; причемъ плаваніе по сплошнымъ камышамъ въ продолженіи 8ми часовъ, при страшной жарѣ, составило первый опытъ тѣхъ мученій которыя привелось перенести въ послѣдствіи при плаваніи по Аму.

Съ урочища Урги былъ отправленъ обратно въ Уральское Укрѣпленіе добавочный конвой, и здѣсь же, за невозможностію вести огромный обозъ по пересѣченной мѣстности ханства, были сожжены офицерскія и другія лишнія повозки, четыре повозки отправлены съ добавочнымъ конвоемъ, и затѣмъ при миссіи

оставлены только подъ заболѣвающихъ двѣ легкія, крѣпкія телѣги. Здѣсь было уменьшено число нестроевыхъ, отдѣлены всѣ слабосильные, и убыль пополнена уральскими казаками изъ добавочнаго конвоя въ числѣ 10 человѣкъ. Верблюды миссіи, для обхода Айбугирскаго озера, были направлены въ бродъ у сліянія этого озера съ моремъ.

Сдѣлавъ переходъ отъ Айбугира до мѣста жительства родственника Исета Кутебарова, Азбергеня, явившагося къ полковнику Игнатьеву съ повинною, миссія на другой день, то-есть 28го іюля, вступила въ Кунградъ при огромномъ стеченіи народа, и слѣдуя грязными улицами, дошла до назначеннаго для ея пребыванія ханскаго дворца, очень похожаго на тюремный замокъ. Въ Кунградѣ слышанные отъ посыльныхъ Киргизовъ на Усть-Уртѣ разказы объ опасеніи Хивинцевъ оказались справедливыми, и очевидны стали боязнь и недовѣріе которыми прониклись хивинскіе чиновники въ отношеніи миссіи и ея порученія. Вотъ что между прочимъ доносилъ въ шифрованной депешѣ изъ Кунграда нашъ агентъ министерству иностранныхъ дѣлъ. „28го прибыли въ Кунградъ благополучно. Встрѣча хороша. Положеніе наше становится затруднительнымъ. Любезное письмо посланное генералъ-адъютантомъ Катенинымъ Туркменамъ перехвачено Хивинцами, считающими сіе уликой въ двойственности нашихъ дѣйствій“ (письмо заключало въ себѣ извѣстіе о слѣдованіи миссіи). „Изъ четырехъ разсыльныхъ Киргизовъ посланныхъ съ письмомъ, перехвачены и приведены въ Хиву трое, а четвертый пріѣхалъ ко мнѣ съ жалобой. Отрядъ нашъ и движеніе генералъ-губернатора встревожили ханство, такъ что собралась вездѣ милиція. Пароходъ усилилъ дурное впечатлѣніе. Торопятъ слѣдованіемъ въ Хиву, но я медлю, первоначально для парохода, а теперь для разъясненія обстоятельствъ. Пароходъ пытался войти въ различныя устья, надѣлавъ тревоги выстрѣлами и изысканіями, и съ 22го по 28е число не могъ войти, такъ что я вынужденъ согласиться на настоятельныя требованія Хивинцевъ перегрузить подарки на хивинскія барки.... Медлю для выигранія времени, но иду впередъ. Сажусь въ Кунградѣ на хивинскія лодки“. Дѣйствительно всѣ обстоятельства сложились такъ чтобы возможно больше напугать и безъ того недовѣрчивыхъ Хивинцевъ. Начать съ того что хивинское правительство, получивъ извѣстіе съ Сыръ-Дарьи о приготовленіи къ плаванію флоти-

ліи, прежде всего рѣшило во что бы то ни стало не пропускать судовъ нашихъ въ Аму, такъ что правитель Кунграда, подъ страхомъ потерять голову, уже съ 24го іюня сталъ приступать къ полковнику Игнатьеву съ просьбой о запрещеніи судамъ входить въ рѣку. Между тѣмъ агентъ отдавши приказаніе судамъ пройти къ Кунграду, вынужденъ былъ медлить какъ своимъ движеніемъ, такъ и распоряженіемъ объ остановкѣ флотиліи, что конечно не успокоивало Хивинцевъ; а капитанъ Бутаковъ, съ 22го по 28е іюня тщетно ища прохода въ рѣку по различнымъ устьямъ, естественно обратилъ на себя вниманіе хивинскихъ чиновниковъ, имѣвшихъ положительное приказаніе хана не пускать его въ Аму-Дарью, и наконецъ привелъ ихъ въ совершенное отчаяніе и усилилъ еще болѣе подозрѣніе, когда 29го іюня пароходъ Перовскій съ баржей открылъ новое восточное русло Аму-Дарьи, Улькунъ-Дарью, перешелъ баръ и поплылъ вверхъ къ Кунграду; причемъ баржа, отдавая честь брейдъ-вымпелу Бутакова, произвела пальбу изъ пушекъ, которая окончательно убѣдила Хивинцевъ въ непріязненности нашихъ дѣйствій. Если къ этому прибавить предшествовавшее приходу миссіи въ хивинскія владѣнія движеніе нашихъ отрядовъ, въ особенности по Усть-Урту, прибытіе съ огромною свитой генералъ-губернатора на Сыръ, и перехватъ письма писаннаго по приказанію генералъ-адъютанта Катенина султаномъ-правителемъ къ Туркменамъ, то мы поймемъ причину страха Хивинцевъ и ихъ подозрѣнія относительно союза нашего съ Туркменами, этими заклятыми ихъ врагами. При такихъ обстоятельствахъ, окруженный недовѣрчивостію и недоброжелательствомъ кунградскихъ властей, получивъ извѣстіе что письма миссіи въ Россію захватываются и читаются, флигель-адъютантъ Игнатьевъ, снисходя на убѣдительныя настоянія хивинскихъ чиновниковъ, просившихъ именемъ хана слѣдовать скорѣе въ Хиву, рѣшился, не дожидаясь Бутакова въ Кунградѣ, сѣсть на хивинскія лодки, что давало ему возможность обозрѣть бо́льшую часть теченія Аму, и 1го іюля отплыть въ Хиву. Лошади миссіи съ частью конвоя, по настоянію Хивинцевъ, были направлены, подъ начальствомъ Уральскаго Войска есаула Бородина, при топографскомъ офицерѣ Зеленинѣ, отъ Кунграда къ Хивѣ сухопутно, по правой сторонѣ Аму. Въ то же время агентъ отправилъ одного изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ, лейтенанта Можайскаго,

навстрѣчу Бутакову, подъ благовиднымъ предлогомъ принятія съ парохода подарковъ, но съ цѣлію осмотрѣть рукавъ Талдыка, войти въ сообщеніе съ Аральскою флотиліей, узнать что случилось съ нашимъ пароходомъ и извѣстить Бутакова о положеніи дѣлъ. Можайскій спустился внизъ по Талдыку, но попавъ въ другой рукавъ, принужденъ былъ возвратиться къ Кунграду, гдѣ уже и нашелъ наши суда на якорѣ.

IV.

Оставивъ на время миссію тянуться бичевой вверхъ по Аму-Дарьѣ, обратимся къ плаванію нашей флотиліи. Подойдя къ Талдыкскому устью Аму, флотилія напрасно искала прохода въ рѣку въ продолженіи четырехъ дней, и капитанъ Бутаковъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію что осмотрѣнныя имъ въ 1848—49 годахъ устья Аму совершенно засорены и даже заросли камышомъ. Лишь 27го числа, направляясь съ баржей къ восточному устью Аму, онъ увидѣлъ противъ мыса Кара-Джара далеко выходившую въ море прѣсную воду, и послалъ шлюпку осмотрѣть нѣтъ ли тутъ новаго протока.

„Посланные офицеры",—писалъ Бутаковъ,—„донесли мнѣ что протокъ есть, широкій и глубокій, называемый киргизами Улькунъ-Дарья (большая рѣка); что въ него направилась главная масса воды Аму; что на барѣ не было нигдѣ трехъ футовъ глубины. Вслѣдствіе чего, такъ какъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ сообщилъ мнѣ что Хивинцы соглашаются на плаваніе двухъ нашихъ судовъ по Аму-Дарьѣ, лишь только вѣтръ стихнетъ, я перегружаю тяжести съ парохода на баржу и вхожу въ Улькунъ-Дарью".

29го іюня Бутаковъ вошелъ въ рѣку, а 30го, имѣя на буксирѣ баржу, пошелъ вверхъ по Улькунъ-Дарьѣ, несмотря на увѣренія подъѣзжавшаго къ нему каракалпакскаго бія что ханъ не велѣлъ пускать судовъ нашихъ вверхъ, и требованіе его возвратиться въ море.

Идя по протоку Кульдень, ведущему изъ Улькунъ-Дарьи въ Талдыкъ, Бутаковъ былъ прижатъ теченіемъ на крутомъ поворотѣ къ берегу, въ это время появились хивинскіе чиновники изъ Кунграда и собралось человѣкъ 20 простыхъ Хивинцевъ, кричавшихъ чтобъ онъ не шелъ далѣе, но Бутаковъ, отговорясь тѣмъ что везетъ подарки хану и не можетъ остановиться, продолжалъ свой путь. При проходѣ Талдыкомъ, яви-

лись вооруженные Хивинцы и требовали чтобъ ихъ впустили на пароходъ, но Бутаковъ приказалъ объявить имъ „что послѣ солнечнаго заката на суда Русскаго царя чужихъ не пускаютъ, и чтобъ они лучше отправлялись спать". Ночью опять множество лодокъ окружило пароходъ, и Хивинцы требовали впуска, но также безуспѣшно.

Въ 6 часовъ утра 3го іюля суда наши наконецъ стали на якорь противъ Кунграда, и Бутаковъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ отправился къ правителю города. При свиданіи, начальникъ флотиліи выразилъ желаніе слѣдовать за миссіей, но правитель наотрѣзъ объявилъ что, по ханскому повелѣнію, онъ ни за что̀ не пропуститъ суда и откроетъ непріязненныя дѣйствія; ибо иначе ему самому грозитъ висѣлица. При этомъ правитель выразилъ желаніе чтобъ офицеры жили на берегу, но Бутаковъ весьма благоразумно отклонилъ такое предложеніе. Утромъ 6го іюля прибылъ къ флотиліи лейтенантъ Можайскій, успѣвъ сдѣлать сондировку и съемку Талдыку, и извѣстилъ Бутакова, по приказанію флигель-адъютанта Игнатьева, что Хивинскій ханъ не соглашается на плаваніе нашихъ судовъ вверхъ по рѣкѣ; въ тотъ же день вечеромъ возвратилась въ Кунградъ и команда наша съ лошадьми, по невозможности двигаться по дорогѣ указанной Хивинцами, претерпѣвъ въ пути многія бѣдствія. * 7го іюля пріѣхалъ въ Кунградъ съ письмомъ посланный изъ Хивы Киргизъ отъ прикащика Панфилова; правитель отнялъ это письмо и задержалъ посланнаго, но когда Бутаковъ чрезъ одного изъ своихъ офицеровъ объявилъ правителю что флотилія такими поступками вынуждена будетъ идти вверхъ по рѣкѣ, тогда все дѣло устроилось, и правитель, испугавшись, опять сталъ ласковъ и предупредителенъ къ Русскимъ.

11го іюля команда съ лошадьми вновь выступила изъ Кунграда и отправилась по новой дорогѣ въ Хиву.

17го іюля вечеромъ пріѣхалъ на пароходъ посланный отъ кунградскаго правителя съ вопросомъ: что̀ значитъ появленіе третьяго русскаго судна (лейтенанта Колокольцова) въ Аму-Дарьѣ?

„Я отвѣчалъ",—пишетъ Бутаковъ,—„что оно везетъ ко мнѣ каменный уголь и провизію, и что имъ опасаться совершенно нечего.

„— Правитель хочетъ остановить его.

---

* *Приложеніе* X.

„— Оно не остановится безъ моего приказанія.

„— Правитель непремѣнно велитъ остановить его, и если оно не послушаетъ, то будетъ драка.

„Посланный къ правителю нашъ офицеръ для объясненія прихода баржи не могъ его успокоить, и правитель на всѣ доводы отвѣчалъ что онъ непремѣнно остановитъ судно".

На слѣдующее утро баржа подъ всѣми парусами шла по протоку Кульдень, и Бутаковъ подалъ ей сигналъ „не салютовать".

„Колокольцевъ,—пишетъ Бутаковъ, — „быстро подвигался впередъ, и ему оставалось до выхода въ Талдыкъ всего версты двѣ, какъ вдругъ его прижало къ берегу на крутомъ заворотѣ у Измаилъ-багé-Тубадá. Еще верстъ за 10 до того мѣста онъ былъ встрѣченъ верховыми Хивинцами, кричавшими чтобъ онъ остановился; онъ отвѣчалъ имъ съ привѣтливыми поклонами: якши, якши (хорошо, хорошо), и продолжалъ идти. Потомъ встрѣтилась ему лодка съ хивинскими чиновниками, хотѣвшими пристать: ей нарочно бросили неловко конецъ, за который они не ухватились, разумѣется, и баржа пролетѣла мимо. Верховые между тѣмъ продолжали скакать вслѣдъ за нею, крича свое, а лейтенантъ Колокольцевъ продолжалъ улыбаться и кланяться, притворяясь что не понимаетъ чего они хотятъ—потому что не знаетъ языка, а переводчикъ очень плохъ. Наконецъ когда баржу прижало къ берегу, Хивинцы ухватились за ванты, за снасти, кто за что могъ, и объявили что пусть имъ хоть отрубятъ руки, но они не отстанутъ и не пустятъ баржу дальше".

Вечеромъ 19го іюля прибылъ на пароходъ самъ правитель и передалъ предписаніе полковника Игнатьева, отъ 16го іюля, объ отправленіи подарковъ и всѣхъ чиновниковъ миссіи съ парохода въ Хиву, объ отплытіи флотиліи къ устью Улькунъ-Дарьи. Правитель былъ принятъ на пароходѣ ласково, но отказался отъ предложеннаго въ честь его салюта изъ 5 выстрѣловъ; за то съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на поднятый сигнальный флагъ, когда ему объявили что это флагъ губернаторскій и поднятъ въ честь его прибытія.

21го іюля отправилась вверхъ по рѣкѣ хивинская лодка съ чинами миссіи и подарками; въ тотъ же день и флотилія пошла обратно къ устью Улькунъ-Дарьи.

Такъ кончилось плаваніе судовъ нашихъ въ устьяхъ Аму, не мало надѣлавшее хлопотъ агенту во время пребыванія его въ Хивѣ, но за то, благодаря смѣлости капитана Бутакова, флотилія изслѣдовала прихотливыя устья Аму, составила пре-

красную карту дельты рѣки, а главное, доказала Хивинцамъ возможность добраться хотя до Кунграда не только сухопутьемъ, но и водой, и притомъ на страшныхъ, невиданныхъ ими доселѣ судахъ, которыя безъ паруса, безъ бичевы, извергая дымъ и огонь, идутъ безостановочно вверхъ по рѣкѣ.

V.

Выше было сказано что 1го іюля миссія, въ сопутствіи своего пристава Диванъ-Баба, потянулась на хивинскихъ лодкахъ бечевой вверхъ по Аму. Какъ берега на большомъ протяженіи были еще затоплены, а во многихъ мѣстахъ сплошь покрыты камышами, то можно судить какимъ мученіямъ подвергалась миссія во время плаванія, при постоянной температурѣ 36° Реомюра, безъ малѣйшаго вѣтерка. День и ночь въ усиленной испаринѣ, подъ страшнымъ палящимъ солнцемъ, въ открытой лодкѣ, и притомъ подвигаясь на бичевникѣ какъ ракъ. Для знакомства съ этимъ способомъ передвиженія, считаемъ не лишнимъ привести выдержки изъ частнаго письма одного изъ офицеровъ сопровождавшихъ флигель-адъютанта Игнатьева.

„Плаваніе на хивинскихъ лодкахъ представлялось въ началѣ въ высшей степени для насъ интереснымъ; при неизвѣстности Аму-Дарьи, мы готовились точно къ какому-то открытію въ новомъ свѣтѣ, но увы, наши иллюзіи скоро разсѣялись... Лодки тянулись лямкой по четыре человѣка каждая и дѣлали отъ двухъ до трехъ верстъ въ часъ; плаваніе бичевой, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, неутѣшительно, а съ хивинскими лодочниками просто мученье. Паруса Хивинцы страшно боятся, и когда наши растягивали полога, лодочники бросали бичеву и сидѣли сложа руки пока не снимали этого, по ихъ понятіямъ, „шайтана“ (чорта). Путь отъ Кунграда до Ургенча, мимо городовъ Хаджейли и Кипчака, то пролегалъ по самой рѣкѣ, то входилъ въ узкія дефиле, пробитыя водой въ густыхъ камышахъ, то тянулся искусственными канавами, которыя вслѣдствіе сильнаго напора воды размылись и обратились въ цѣлые каналы. Вообще вода въ настоящемъ году чрезвычайно велика, и по словамъ туземцевъ, они давно не помнятъ такого громаднаго разлива рѣки. Разливы эти нерѣдко представлялись намъ на 4—5ти-верстномъ простран-

ствѣ, затопляя прибрежные сады и жилища. Ночевали мы по большей части въ густыхъ камышахъ выше человѣческаго роста. Мученіе страшное. Днемъ въ одномъ бѣльѣ лежимъ почти безъ движенія въ открытыхъ лодкахъ, совершенно мокрые отъ испарины, съ закатомъ же солнца появляются милліоны комаровъ и за ночь такъ уродуютъ наши физіономіи и даже тѣло, прокусывая бѣлье и кителя, что насъ узнать нельзя; подъ пологомъ задохнешься; открыться невозможно, и такъ каждый день. Даже лодочники, люди привыкшіе, ставятъ себѣ полога. Переправы съ одного берега на другой мы дѣлали очертя голову. Хивинцы пускаютъ лодки на произволъ теченія, и куда прибьетъ ихъ, то и хорошо. Въ двухъ мѣстахъ мы попали на страшные водовороты, и если не пошли на дно Аму, то такъ было угодно Богу. Рѣка все-таки грандіозна, почти вездѣ отъ 400 до 600 саж. ширины."

Въ то время когда наши суда успѣли уже пробиться къ Кунграду, миссія тянулась на лодкахъ вверхъ по рѣкѣ, и агентъ находился въ совершенной неизвѣстности того что̀ дѣлала флотилія, что̀ однакоже хорошо знали сопровождавшіе лодку хивинскіе чиновники, получая свѣдѣнія при каждомъ сообщеніи съ берегомъ. Только 15го числа, подходя уже къ городу Ургенчу, полковникъ Игнатьевъ получилъ чрезъ сына Исета и чрезъ хивинскаго разсыльнаго письма изъ Кунграда отъ капитана Бутакова и отъ офицеровъ сопровождавшихъ нашихъ лошадей. Изъ писемъ этихъ вполнѣ обнаружилась неблагонамѣренность кунградскаго правителя, Есаула-баши, по распоряженію котораго у нашихъ посыльныхъ, отнимали письма и прочитывали. Достоинство агента требовало не оставлять подобныхъ поступковъ безъ вниманія, и флигель-адъютантъ Игнатьевъ, по полученіи писемъ, тотчасъ рѣшился высказать неудовольствіе окружавшимъ его Хивинцамъ: „Желая проучить хотя нѣсколько Хивинцевъ, доносилъ нашъ посланникъ, и показать имъ что я не намѣренъ сносить подобныя дѣйствія, я остановилъ не доходя Урченча лодки, позвалъ къ себѣ Диванъ-Бабу (приставъ), объявилъ ему сколь неприличны и непростительны поступки Хивинцевъ, и что если до свѣдѣнія хана не будетъ доведено немедленно мое неудовольствіе на Есаулъ-баши и требованіе чтобы тотчасъ было сдѣлано распоряженіе объ облегченіи слѣдованія лошадей и половины конвоя въ Хиву, то я не только не буду продолжать плаванія своего далѣе, но вернусь

тотчасъ же въ Кунградъ. Диванъ-Баба извинялся, упрашивая меня доѣхать хотя до Ургенской пристани, говорилъ что я его приведу на плаху послѣ возвращенія въ Кунградъ, послалъ тотчасъ донесеніе хану и ручался въ томъ что всѣ мои требованія будутъ исполнены.

„16го мы простояли у Ургенской пристани, я весь день не выходилъ изъ лодокъ и въ лодкѣ же принялъ высланныхъ ханомъ изъ Хивы для принятія насъ даргу (въ родѣ гофмаршала), одного изъ шести самыхъ приближенныхъ лицъ къ хану, шаркраукъ-бія (должность соотвѣтствующая царемоніймейстеру) и минъ-башу, съ большою свитой и съ почетнымъ конвоемъ. Дарга разсыпался въ учтивостяхъ, въ любезностяхъ и увѣреніяхъ дружбы и пріязни; выразилъ мнѣ что дѣйствія Есаула-баши не одобряются ханомъ, и что послано немедленно изъ Хивы приказаніе принять мѣры къ ускоренію слѣдованія лошадей, которыя должны быть уже на походѣ, по болѣе удобному и кратчайшему пути. Долго уговаривалъ меня дарга выйти на берегъ и слѣдовать въ Хиву на высланныхъ отъ хана лошадяхъ, нагрузивъ тяжести на 200 арбъ, также присланныхъ изъ Хивы на берегъ. Имѣя въ виду затруднительность и неприличность такой перевозки, а также желая имѣть случай изслѣдовать подробнѣе прежняго каналы протекающіе изъ рѣки Аму внутрь ханства, и заставить Хивинцевъ озаботиться скорѣйшимъ прибытіемъ нашихъ лошадей въ Хиву, я объявилъ хивинскимъ посланцамъ что пока мои лошади и часть конвоя не присоединятся ко мнѣ, я не могу явиться къ хану и не отойду отъ лодокъ. Вслѣдствіе чего послѣдовало ханское разрѣшеніе везти насъ на лодкахъ вплоть до загороднаго дворца намъ отведеннаго.“

„Вы не можете представить“, писалъ въ это же время одинъ изъ сопровождавшихъ полковника Игнатьева офицеровъ, „какое волненіе поднялось въ нашей маленькой флотиліи когда разнеслась вѣсть что мы повернемъ внизъ по теченію рѣки. Большинство, а оно конечно не знало ничего о ходѣ переговоровъ и всѣхъ обстоятельствахъ миссіи, положительно недоумѣвало: кто говорилъ что оскорбили нашихъ чиновъ на флотиліи, другіе разказывали что посланникъ нашъ не надѣется на наши средства, въ случаѣ открытаго нападенія Хивинцевъ, которое неминуемо, что нашихъ лошадей всѣхъ утопили и пр. Тяжело было все это слушать: какъ, думали мы, прогуляться три мѣсяца по степи по жару, переиспытать все-

возможныя лишенія чтобы увидать эти невѣдомыя страны, достичь почти цѣли, и назадъ! Нѣтъ, это невозможно; и что̀ могутъ сдѣлать намъ Хивинцы? Мы всѣ тогда почувствовали въ себѣ тройныя силы (насъ всего на всего было человѣкъ 40), но каждый казакъ проникся тѣмъ же духомъ и объявилъ во всеуслышаніе что пойдетъ хоть на 100 Хивинцевъ, что это сволочь нестоящая и вниманія и пр. Офицерство кучкой ходило около лодки начальника миссіи, и видя его всегда ласковое, доброе лицо озабоченнымъ, съ нетерпѣніемъ ждало конца переговоровъ съ даргой. Наконецъ сомнѣніе разрѣшилось. Дарга вылѣзъ изъ лодки агента красный, распотѣвшій, видно было что ему досталась недаромъ аудіенція, и затѣмъ мы услышали приказаніе идти дальше.“

Убѣждаясь изъ безпрерывныхъ переговоровъ съ Хивинцами что одною изъ самыхъ важныхъ причинъ ихъ подозрительности къ нашимъ дѣйствіямъ составляло пребываніе судовъ аральской флотиліи въ рѣкѣ Аму, постоянно раздражавшее хана, и получивъ предъ Ургенчемъ отъ Бутакова донесеніе отъ 3го и письмо * отъ 7го іюля, въ которомъ начальникъ флотиліи, увѣдомляя о мелководьѣ и недостаткѣ у него топлива и продовольствія, просилъ у агента разрѣшенія уйти въ Улькумъ-Дарью ближе къ морю, за мелкія мѣста,—флигель-адъютантъ Игнатьевъ, на основаніи такихъ данныхъ, вынужденъ былъ предписать, 16го іюля, капитану Бутакову, по отправленіи подарковъ и нашихъ чиновниковъ на хивинской лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, отвезти флотилію ближе къ морю и послать къ р. Сыру за запасомъ угля (о прибытіи второй баржи въ миссіи тогда не было извѣстно) и провіанта и ожидать дальнѣйшихъ отъ агента извѣщеній въ Улькунъ-Дарьѣ.

„Еще на Усть-Уртѣ“, доноситъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ, „обсуждали мы съ капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ вопросъ о плаваніи нашей флотиліи въ р. Аму въ нынѣшнемъ году, и онъ мнѣ объяснилъ что на пароходъ *Обручевъ* нечего разчитывать, ибо это судно можетъ плавать по морю только при самой благопріятной погодѣ, идти же свободно противъ теченія такой широкой и быстрой рѣки какъ Аму на немъ невозможно; а что пароходъ *Перовскій* едва ли можетъ идти далеко вверхъ по рѣкѣ, ибо при обмеленіи можетъ засѣсть въ оной на зиму; подвергаться же случайностямъ зимовки въ рѣкѣ съ флотиліей капитанъ 1го ранга Бутаковъ считалъ

* *Приложенія* XI и XII.

едва ли возможнымъ. Имѣя въ виду вышеизложенное и безполезность парохода въ рѣкѣ, при недостаточности топлива, и не считая себя въ правѣ принять на свою отвѣтственность, вопреки мнѣнія начальника флотиліи, опасность которой могъ подвергаться въ рѣкѣ пароходъ *Перовскій* съ баржей при пребываніи въ Кунградѣ и плаваніи вверхъ по рѣкѣ до Чарджуя и до высоты Балха, до поздней осени, я согласился на предложеніе капитана 1го ранга Бутакова, тѣмъ болѣе что можно было предвидѣть что переговоры въ Хивѣ продолжатся не менѣе мѣсяца, то-есть до конца августа, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ осенняя прибыль воды бываетъ незначительна и непродолжительна; плаваніе же по Аральскому морю позже 1го октября начальникъ аральской флотиліи считалъ для своихъ судовъ крайне опаснымъ.... Совершенно возвратить пароходъ на р. Сыръ я считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе что присутствіе нашихъ судовъ въ устьѣ рѣки можетъ быть весьма полезно въ случаѣ совершенной неудобности и невозможности пройти прямо въ Бухару. Въ послѣдствіи, 2го августа, получилъ я бумагу отъ капитана 1го ранга Бутакова, который увѣдомилъ меня что хотя, съ прибытіемъ второй баржи подошедшей къ Кунграду, у него образовался достаточный запасъ антрацита чтобы подняться до Чарджуя и даже выше, но что онъ все-таки полагаетъ благоразумнѣе спуститься къ устью рѣки, ибо опасается что пока въ Хивѣ будутъ длиться переговоры, вода, упавшая уже на два дюйма, успѣетъ понизиться на столько что судамъ нашимъ затруднится возвращеніе изъ Аму. *

17го іюля миссія поплыла далѣе и, слѣдуя разными каналами проведенными изъ Аму, 18го числа подошла по каналу Полванъ-Ата къ загородному дворцу отведенному для ея пребыванія въ Хивѣ. Восемь дней прожила она во дворцѣ, уничтожая безпощадно разные фрукты и хивинскія сласти, прежде чѣмъ дождалась своихъ лошадей, прибывшихъ въ Хиву 26го іюля. Наконецъ 28го числа было назначено первое представленіе къ хану, и часовъ въ 5 пополудни миссія узрѣла повелителя Ховарезма.

(До слѣд. №).

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

---

* См. *Приложеніе* XIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо Бухарскаго эмира къ Государю Императору. *

Извѣстіе о переселеніи изъ тлѣннаго міра въ вѣчный могущественнаго государя и о возшествіи на императорскій престолъ Великаго Монарха дошло до высокаго нашего слуха въ то время когда высокосвященное существо наше было занято завоеваніемъ владѣнія Шагаръ-Кишъ, благодаря Всевышняго и благости Его, при моленіи святыхъ знаменитаго царства, повѣялъ зеѳиръ побѣды и славы, и по неисчерпаемой милости и щедротамъ Создателя, владѣнія Шагаръ-Кишъ, Китабъ, Утракирганъ и Шаматанъ, со всѣми подвѣдомственными округами, покорены и подпали подъ власть всепобѣждающаго государства. Вслѣдствіе сихъ причинъ поставлено въ обязанность отправить посольство для того чтобы помолиться объ упокоеніи души доблестнаго государя, принести поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ Монарха по достоинствамъ равнаго Джемшиду, и доставить радостное извѣстіе о завоеваніи названныхъ владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно отправлено для бо́льшаго скрѣпленія узъ существующихъ еще со временъ предковъ, и для упроченія взаимныхъ отношеній предшествовавшихъ великихъ царей. Почему повелѣно нами ѣхать въ качествѣ посланника почтенному и уважаемому искреннему доброжелателю нашего могущества миръ-ахуру Мулладжану, который извѣстенъ правотой и справедливостію между нашими вельможами. Когда онъ удостоится благосклоннаго царскаго пріема, то мы надѣемся что будутъ оказаны ему разныя царскія ласки, и увѣренія его милостиво выслушаны, а затѣмъ будетъ ему даровано позволеніе возвратиться. Потомъ да обратятъ драгоцѣнный и свѣтлый умъ на отправленіе изъ той стороны посольства. Кромѣ сего другихъ желаній не будетъ. Итакъ, да будетъ открыта дорога къ дружбѣ и взаимнымъ отношеніямъ между обоими высокими государствами, дабы караваны и купцы двухъ державъ приходили и уходили спокойно. Въ память посланы: одинъ коверъ кашемирской ткани, двѣ шали резаи-мѣшкинъ, пара вороныхъ и пара чубарыхъ лошадей. Да сіяетъ вѣчно солнце могущества въ предѣлахъ государства. Затѣмъ привѣтствіе тому который послѣдуетъ истинѣ.

---

* См. выше стр. 423.

II.

Высочайтій отвѣтъ эмиру. *

Обладателю Бухары эмиру Наф-Уллѣ-Бегадуръ-Хану нашего Императорскаго Величества дружеское привѣтствіе:

Посланецъ вашъ миръ-ахуръ Мулладжанъ, по прибытіи сюда, былъ Намъ, Великому Государю, представленъ и вручилъ грамоту вашего высокостепенства. Выраженныя въ оной намѣренія ваши сохранять дружественныя связи съ Россіей приняты Нами съ благоволеніемъ. Съ своей стороны можемъ увѣрить васъ въ Нашемъ миролюбивомъ расположеніи, желаемъ только чтобы вы устраняли поводы къ неудовольствію, оказывали у себя Нашимъ подданнымъ то же покровительство какимъ пользуются ваши купцы пріѣзжающіе по торговымъ дѣламъ въ Россію, и возвратили всѣхъ русскихъ плѣнныхъ находящихся въ неволѣ въ вашемъ ханствѣ. Согласно просьбѣ изъявленной вами, Мы въ скоромъ времени отправимъ къ вамъ, для лучшихъ переговоровъ о всѣхъ дѣлахъ, Нашего посланца, надлежащимъ образомъ уполномоченнаго. Надѣемся что вы его примете съ тою честію которая подобаетъ довѣренному лицу отъ Высокой Особы Нашей.

За симъ желаемъ вамъ успѣха въ добрыхъ вашихъ начинаніяхъ.

Дано въ престольномъ Нашемъ градѣ С.-Петербургѣ, 24го декабря 1857, царствованія же Нашего въ третье лѣто.

III.

Отвѣтное письмо министра иностранныхъ дѣлъ бухарскому визирю. **

Дружеское письмо ваше, отправленное съ посланцемъ высокостепеннаго эмира Бухарскаго, миръ-ахуромъ Мулладжаномъ, я получилъ и съ удовольствіемъ прочелъ въ немъ выраженіе вашихъ ко мнѣ чувствованій. Мнѣ пріятно увѣрить васъ въ томъ же дружескомъ къ вамъ расположеніи.

Посланецъ вашего эмира, допущенный къ Высочайшему двору, удостоенъ былъ благосклоннаго пріема Его Императорскаго Величества. Пріемъ этотъ уже показываетъ миролюбивость намѣреній Всемилостивѣйшаго Государя нашего. Бухарскому правительству остается только своимъ поведеніемъ оправдать тѣ надежды которыя на него возлагаетъ Его Величество Императоръ.

Если намѣренія хана дѣйствительно таковы какъ выражены они въ грамотѣ на Высочайшее имя, если Бухара искренно ищетъ дружбы съ Россіей, то надобно: 1) чтобы Русскіе пріѣзжающіе къ вамъ по торговымъ дѣламъ пользовались

---

* См. выше, стр. 424.

** См. выше, стр. 424.

точно такимъ же покровительствомъ какое нами оказывается Бухарцамъ; 2) чтобы всѣ русскіе плѣнные, которые содержатся у васъ, были немедленно возвращены, и чтобы впредь строго было запрещено держать въ неволѣ и пріобрѣтать русскихъ плѣнныхъ.

Впрочемъ, для лучшаго переговора обо всѣхъ дѣлахъ и скорѣйшаго ихъ рѣшенія, Великій Государь нашъ соизволилъ снизойти на просьбу изъявленную самимъ эмиромъ вашимъ и повелѣлъ въ скоромъ времени отправить къ вамъ своего посланника. Надѣюсь что вы примете его съ честью и будете ему содѣйствовать къ достиженію благихъ предначертаній нашего правительства, одинаково полезныхъ для Россіи и Бухары

Письмо это доставитъ вамъ посланецъ миръ-ахуръ Мулладжанъ, съ которымъ отправлена также часть подарковъ пожалованныхъ высокостепенному эмиру вашему Его Императорскимъ Величествомъ. Остальную часть подарковъ привезетъ съ собою нашъ посланецъ.

При семъ препровождаются къ вамъ нѣкоторыя издѣлія нашихъ фабрикъ; я прошу принять ихъ въ знакъ моей дружбы къ вамъ.

Въ заключеніе желаю вамъ всякаго благополучія и успѣха.

Писано въ престольномъ градѣ С.-Петербургѣ, декабря 24го дня 1857 года.

IV.

Краткая записка о невыгодномъ для Россіи положеніи торговли ея съ Среднею Азіей. *

Торговля Россіи съ владѣніями Средней Азіи находится съ нѣкотораго времени въ положеніи совершенно для насъ невыгодномъ: среднеазіятскіе торговцы почти исключительно овладѣли какъ закупкой русскихъ товаровъ на мѣстѣ производства и распродажей ихъ въ Азіи, такъ закупкой на мѣстѣ среднеазіятскихъ произведеній и распродажей ихъ въ Россіи. Отъ этого происходятъ для насъ двѣ невыгоды: вопервыхъ, всѣ купеческіе барыши отъ производства торговли достаются на долю однимъ среднеазіятскимъ купцамъ; вовторыхъ, русскіе товары обходятся среднеазіятскимъ потребителямъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, тогда какъ русскіе потребители среднеазіятскихъ произведеній пріобрѣтаютъ ихъ, за отсутствіемъ соперничества со стороны русскихъ купцовъ и по причинѣ стачекъ между среднеазіятскими, относительно дорого.

Русскіе торговцы не могли сдѣлать того что сдѣлали среднеазіятскіе, то-есть не могли забрать въ свои руки оборотовъ среднеазіятскими товарами въ Россіи и русскими въ Средней Азіи. Не отъ нихъ зависѣло даже соперничествовать съ среднеазіятскими торговцами, дѣля торговые барыши, хотя на половину. Многіе изъ русскихъ торговцевъ и въ томъ числѣ люди съ большими капиталами, предпріимчивые и

---

* См. выше, стр. 425. *Записка* исправлена рукою В. В. Григорьева.

понимавшіе дѣло не хуже Бухарцевъ или Хивинцевъ, долго и постоянно стремились къ упроченію за собою и своими соотечественниками выгодъ отъ среднеазіятской торговли, но всѣ усилія ихъ окончились тѣмъ что они выжиты были туземцами со среднеазіятскихъ рынковъ и больше туда не показываются.

Этому были двѣ причины: вопервыхъ, покровительство оказываемое въ Россіи среднеазіятскимъ торговцамъ; вовторыхъ, стѣсненія коимъ русскіе торговцы изъ христіанъ подвергаются въ Средней Азіи отъ тамошнихъ правительствъ, и неудобства терпимыя ими тамъ вслѣдствіе фанатизма обитателей и происковъ туземныхъ купцовъ. Русское правительство, не поставляя никакого различія между подданными своими и Среднеазіятцами, взимаетъ съ тѣхъ и другихъ за привозимые изъ Азіи товары одинаковую пошлину, а за отпускаемые почти никакой, и на одинаковыхъ съ Русскими правахъ, дозволяетъ Среднеазіятцамъ торговать повсюду внутри Имперіи, при безопасности у насъ личности и собственности каждаго и болѣе или менѣе устроенныхъ путяхъ и средствахъ сообщенія, они пользуются этимъ правомъ съ такою же свободой и удобствомъ какъ сами Русскіе.

Правительства среднеазіятскія, за людей почитая однихъ магометанъ, а христіанъ унижая всѣми мѣрами, взимаютъ съ послѣднихъ за ввозимые въ Азію и вывозимые оттуда товары двойную (какъ въ Хивѣ) и даже четверную (какъ въ Бухарѣ) пошлину противъ платимой магометанами; въ Кокандскомъ же ханствѣ, при двойной съ христіанскихъ торговцевъ пошлинѣ, по истеченіи полугода, взимается она вновь со всѣхъ оставшихся не распроданными товаровъ.

Затѣмъ, при фанатизмѣ, шаткости правительственной власти и частыхъ внутреннихъ междоусобіяхъ повсюду въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, христіанскій торговецъ въ самыхъ столицахъ тамошнихъ долженъ жить въ постоянномъ опасеніи за жизнь свою и собственность, не говоря уже о личныхъ оскорбленіяхъ; во внутренности же означенныхъ владѣній не можетъ онъ производить съ удобствомъ почти никакихъ оборотовъ по затруднительности средствъ сообщенія и отсутствію безопасности на дорогахъ. Наконецъ, видя явную для себя выгоду въ вытѣсненіи русскихъ купцовъ съ рынковъ своихъ, среднеазіятскіе купцы нерѣдко прибѣгаютъ для этого къ возбужденію невѣжественныхъ и подозрительныхъ и даже нелѣпыхъ опасеній противъ Русскихъ, вслѣдствіе чего караваны нашихъ купцовъ много разъ были задерживаемы безпричинно, съ огромными отъ того для нихъ убытками; сверхъ того среднеазіятскіе торговцы завлекаютъ соотечественниковъ нашихъ въ разныя непріятности, которыми мѣстные чиновники пользуются для вымогательства отъ нихъ взятокъ, тогда какъ въ Азіи и безъ того шагу нельзя ступить безъ разорительныхъ подарковъ.

По изложеннымъ обстоятельствамъ, съ 1852 года русскіе торговцы христіане не ѣздятъ болѣе въ Среднюю Азію и со-

вершенно прекратили торговлю съ нею или ведутъ ее уже чрезъ коммиссіонеровъ-магометанъ, казанскихъ Татаръ и Киргизовъ Зауральской Орды. Это представляетъ два главныя неудобства: вопервыхъ, рискъ потерять затраченный на покупку товаровъ капиталъ, ибо коммиссіонеру-магометанину ничто не мѣшаетъ, присвоивъ себѣ эти товары, остаться въ Азіи навсегда, чему и бывали примѣры, тогда какъ съ русскими прикащиками этого никогда не случалось; вовторыхъ, невозможность предпринимать чрезъ этихъ невѣждъ-коммиссіонеровъ, годныхъ только для самыхъ обычныхъ операцій, какіе-либо новые обороты, безъ чего торговля съ Среднею Азіей будетъ постоянно находиться въ теперешнемъ ея жалкомъ состояніи.

Къ измѣненію такого невыгоднаго и, можно сказать, унизительнаго для насъ положенія дѣлъ представляются два средства:

Одно—требовать и настоять чтобы въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ съ русскихъ торговцевъ-христіанъ пошлина товарная взималась въ такомъ же размѣрѣ какъ съ магометанъ. Религіозныхъ препятствій къ этому не имѣется: уставы ислама опредѣляютъ только долю закята какая должна вноситься съ имущества торговцами изъ магометанъ; сборъ же въ томъ или другомъ размѣрѣ пошлины съ товаровъ принадлежащихъ христіанамъ установленъ повсюду въ Азіи свѣтскою властію, слѣдовательно тою же властію можетъ быть и отмѣненъ. Но зная коварный характеръ Азіятцевъ, должно ожидать что еслибы всѣ среднеазіятскія правительства, или какое-либо изъ нихъ, и согласились на означенную уступку официальнымъ образомъ, то на дѣлѣ всѣми мѣрами станутъ затруднять ея осуществленіе, и результатомъ права, добытаго съ трудомъ на бумагѣ, будутъ въ сущности лишь новыя потери для русскихъ торговцевъ, которые, понадѣясь на договоръ, вновь рискнутъ отправиться съ товарами въ Среднюю Азію. Поэтому одного пріобрѣтенія означеннаго права на бумагѣ недостаточно, а пользованіе имъ должно быть обезпечено какою-либо, въ случаѣ нарушенія его азіятскими правительствами, возможною и удобною къ исполненію угрозой. Такою угрозой могло бы быть объявленіе что въ случаѣ основательной жалобы русскихъ купцовъ на какія-либо уклоненія среднеазіятскихъ властей отъ точнаго исполненія вышеобъявленной уступки, торговцамъ той страны въ которой допустятся такія уклоненія воспрещено будетъ впредь ѣздить съ товарами своими внутрь Россіи, и дозволится имъ торговать у насъ лишь на мѣновыхъ дворахъ Оренбургской и Сибирской линій.

Другое, привести въ исполненіе воспрещеніе Среднеазіятцамъ торговать внутри Россіи и ограничить дѣйствія ихъ или мѣновыми дворами означенныхъ линій, или городами въ составъ этихъ линій входящими, каковы: Гурьевъ, Уральскъ, Оренбургъ, Орскъ, Верхнеуральскъ, Троицкъ, Петропавловскъ, не домогаясь уже въ такомъ случаѣ помянутаго выше равенства

правъ по уплатѣ пошлинъ въ самой Средней Азіи. Мѣрой этою купечество русское уравнится съ среднеазіятскимъ относительно возможности пріобрѣтенія выгодъ отъ торговли съ Среднею Азіей. Среднеазіятскіе купцы, торгуя на Оренбургской и Сибирской линіяхъ, все-таки въ предѣлахъ Россіи же будутъ сбывать свои товары и покупать русскіе, а нашимъ торговцамъ послѣ этого будетъ еще менѣе возможности показаться въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ; но по крайней мѣрѣ тогда среднеазіятскіе купцы не станутъ закупать русскихъ произведеній изъ первыхъ рукъ, и русскіе торговцы получатъ возможность сбывать имъ эти произведенія по гораздо выгоднѣйшимъ чѣмъ теперь цѣнамъ, вслѣдствіе чего для русскихъ потребителей должна наоборотъ понизиться цѣнность среднеазіятскихъ товаровъ.

Что касается до способа осуществленія первой изъ двухъ предложенныхъ мѣръ, равенства пошлинъ въ Средней Азіи для мусульманъ и христіанъ, то всего вѣрнѣе и проще было бы воспользоваться для этого осеннимъ отходомъ каравановъ изъ Оренбурга, и здѣсь, въ пограничной коммиссіи или окружной таможнѣ, собравъ наличное число бухарскихъ и хивинскихъ торговцевъ, предъявить означенное требованіе караванбашамъ, * и письменно обязавъ послѣднихъ довести объ этомъ требованіи до свѣдѣнія ихъ правительствъ, предувѣдомить что безъ положительнаго письменнаго по сему предмету отвѣта, среднеазіятскіе караваны въ предѣлы Россіи впущены не будутъ. Можно смѣло ручаться что если караванбаши и прочее среднеазіятское купечество увидятъ со стороны нашего правительства рѣшительное намѣреніе настоять на своемъ требованіи, то изъ опасенія лишиться крайне выгоднаго для нихъ права торговать на Нижегородской ярмаркѣ и закупать металлическіе товары изъ первыхъ рукъ на заводахъ Оренбургскаго края, сами явятся усерднѣйшими предъ правительствомъ своимъ ходатаями о требуемомъ уравненіи пошлинъ, сколько мѣра эта ни будетъ горестна для ихъ магометанской надменности и непріятна въ другимъ отношеніяхъ.

Такимъ же образомъ можно было бы повѣстить среднеазіятскихъ владѣльцевъ и о положительномъ воспрещеніи ихъ подданныхъ торговать внутри Россіи далѣе Оренбургской линіи, еслибы правительство рѣшилось принять эту мѣру.

„Но“, могутъ возразить на всѣ изложенныя соображенія, „что станемъ мы дѣлать если на требованія и угрозы наши среднеазіятскіе владѣльцы отвѣтятъ прекращеніемъ всякихъ съ нами торговыхъ сношеній?“

На такой вопросъ должно возразить вопросомъ же: „Если мелкіе среднеазіятскіе владѣльцы окажутся оскорблены въ такой мѣрѣ справедливыми требованіями и угрозами нашими,

* Караванбаши суть родъ торговцевъ-консуловъ, ибо званіе это получаютъ отъ своихъ правительствъ, съ обязанностію по всѣмъ дѣламъ единоземцевъ своихъ въ Россіи служить посредниками между ними и Русскими.

то въ какой же мѣрѣ должны оскорбляться честь и достоинство Россіи дѣйствительнымъ уже существованіемъ въ Средней Азіи такихъ унизительныхъ для насъ уставовъ каковы тамъ пошлинные?“

Далѣе: не можетъ этого случиться, потому что не допустятъ до того свои правительства, подъ угрозой возстанія, сами среднеазіятскіе торговцы, превосходно понимающіе что не Россія нуждается въ торговлѣ съ Среднею Азіей, а Средняя Азія въ торговлѣ съ Россіей, что для насъ временное прекращеніе этой торговли будетъ почти нечувствительно, тогда какъ ихъ разоритъ оно въ конецъ.

Главныя статьи привоза къ намъ изъ Средней Азіи суть хлопокъ, бумажныя издѣлія и мерлушка. Послѣдняя составляетъ для насъ предметъ преимущественно транзитнаго торга; прекращеніе ввоза среднеазіятскихъ бумажныхъ тканей было бы даже выгодно, ибо дало бы большій сбытъ такимъ же тканямъ собственнаго нашего производства, а хлопокъ привозимый изъ Средней Азіи составляетъ лишь $1/_{20}$ долю того количества хлопчатой бумаги которое получаемъ мы изъ Америки и Остъ-Индіи: что̀ же значило бы уменьшеніе привоза на столь малую долю? Второе мѣсто послѣ означенныхъ главныхъ статей занимаютъ въ привозѣ изъ Средней Азіи сухіе фрукты и марена. Первые такого дурнаго качества что не сто̀ятъ даже издержекъ доставки на Нижегородскую ярмарку и потребляются единственно низшимъ классомъ народонаселенія въ Оренбургскомъ и сосѣднемъ Сибирскомъ краѣ; а марена, и притомъ гораздо лучшая среднеазіятской, разводится съ возрастающимъ успѣхомъ въ нашемъ Закавказьѣ. Всѣ означенные товары Среднезіятцы не могутъ сбывать съ выгодой никуда, кромѣ Россіи: ни въ Персію, ни въ Авганистанъ, ни въ Индію, ни въ китайскій Туркестанъ товары эти не требуются, ибо страны эти производятъ ихъ въ изобиліи. Наоборотъ, отъ насъ Среднезіятцы вывозятъ преимущественно такого рода товары которыхъ, по цѣнамъ за какіе эти товары пріобрѣтаются въ Россіи, не могутъ они получать ни откуда въ мірѣ, и которые составляютъ при этомъ насущную потребность Средней Азіи. Таковы металлы: желѣзо, мѣдь, чугунъ и издѣлія изъ нихъ; товаръ кожевенный и деревянный. Безъ нашихъ произведеній, Среднезіятцу не въ чемъ будетъ сварить себѣ пищу, не во что̀ ноги обуть; сверхъ сего, сбытомъ намъ хлопка своего и фруктовъ пріобрѣтаютъ они и наличныя деньги, на которыя покупаютъ потомъ отъ Персіянъ и Авганцевъ то немногое что̀ пригодно имъ изъ произведеній британской промышленности. Послѣднее обстоятельство не выгодно для насъ въ особенности. Взамѣнъ своихъ привозимыхъ въ Россію товаровъ, Бухарцы берутъ нашими только $5/_7$, а остальныя $2/_7$ увозятъ звонкою монетой, вслѣдствіе чего въ прилинейныхъ городахъ Оренбургскаго края ощущается крайній въ ней недостатокъ, съ большими отъ того затрудненіями для всѣхъ внутреннихъ оборотовъ.

И зачѣмъ же терпимъ мы эти затрудненія?

Затѣмъ чтобы доставить Бухарцамъ возможность пріобрѣтать англійскія издѣлія, покупаемыя почти исключительно на чистыя деньги.

Всѣ изложенныя обстоятельства могутъ быть подтверждены обнародованными отчетами таможенъ Оренбургской линіи и другими уважительными свидѣтельствами.

Такимъ образомъ нѣтъ никакой причины опасаться чтобы вслѣдствіе справедливыхъ требованій нашего правительства объ уменьшеніи таможенной пошлины съ христіанъ въ Средней Азіи, или распоряженій его объ ограниченіи правъ среднезіятскихъ торговцевъ въ Россіи, могли произойти какія-либо вредныя для насъ торговыя потрясенія. Уменьшить же означенныя пошлины или ограничить права среднеазіятскихъ торговцевъ требуютъ и честь и выгоды Россіи.

V.

*Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 24го мая 1858.**

Идучи по степи, обдумываю я предстоящее мнѣ въ Хивѣ и Бухарѣ дѣло и рѣшился высказать вашему превосходительству нѣкоторыя мысли, родившіяся у меня при сличеніи свѣдѣній находящихся въ Оренбургскомъ краѣ о Средней Азіи съ данною мнѣ инструкціей. Примите ваше превосходительство эти строки за откровенную съ вами бесѣду, на которую вы меня сами неоднократно вызывали предъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга, а не почтите сіе къ вамъ обращеніе за выраженіе недоумѣнія. Жертвуя собою для пользы службы, не боюсь откровенности. Когда настанетъ время переговоровъ съ ханами, въ случаѣ сомнѣнія и противорѣчія мѣстныхъ обстоятельствъ съ указаніями мнѣ данными, рѣшусь на то что̀ по крайнему моему разумѣнію почту за наиболѣе для насъ выгодное и сообразнѣйшее съ общими видами министерства, но я долгомъ почелъ предувѣдомить васъ о моемъ взглядѣ на обстоятельства касающіяся до порученій Высочайше на меня возложенныхъ, въ томъ вниманіи что если вы увидите что я ошибаюсь, то еще есть время сообщить мнѣ положительныя приказанія министерства.

Въ моей инструкціи сказано что въ случаѣ согласія на всѣ наши требованія бухарскаго правительства, обѣщать ему исполненіе просьбъ предъявленныхъ посланцемъ миръ-ахуромъ Мулладжановымъ. Первая изъ этихъ просьбъ состоитъ въ томъ чтобы бухарскимъ купцамъ дозволено было ѣздить во всѣ, безъ исключенія, города и ярмарки Россійской Имперіи; а вторая, чтобы на Нижегородской ярмаркѣ отводимо было для куп-

* См. выше стр. 432.

цовъ бухарскихъ нѣсколько лавокъ, съ постояннымъ взносомъ за нихъ платы, будутъ ли лавки эти заняты или нѣтъ. Оренбургское начальство старалось убѣдить меня что уже много лѣтъ какъ Бухарцы ѣздятъ по всѣмъ городамъ и ярмаркамъ Имперіи, и что уже издавна разрѣшено оставлять за ними въ Нижегородской ярмаркѣ 19 лавокъ, съ постоянною платой за оныя впередъ. Еще въ 1841 и 1842 годахъ они воспользовались этимъ позволеніемъ, внеся впередъ слѣдующую плату за нѣсколько лавокъ, которыя и были за ними оставлены. Затѣмъ Бухарцы перестали уплачивать за лавки впередъ, и ярмарочная контора стала отдавать ихъ другимъ торговцамъ. Въ ноябрѣ прошлаго 1857 года они представили въ пограничную коммиссію 810 р. сер. за девять лавокъ на сей 1858 годъ. Коммиссія препроводила деньги къ г. нижегородскому военному губернатору, и лавки будутъ оставлены за Бухарцами. Сколько я могъ понять изъ разговоровъ съ бухарскимъ посланцемъ, Бухарцы желаютъ чтобы нѣкоторое число лавокъ было для нихъ предоставлено разъ навсегда, на подобіе того какъ въ Нижегородской ярмаркѣ устроены отдѣльныя лавки для китайскихъ торговцевъ. Что же касается до просимаго права торговать вездѣ въ Россіи безпрепятственно, то, какъ кажется, Бухарцы подразумѣваютъ освобожденіе отъ обязанности брать купеческія свидѣтельства съ опредѣленнымъ платежемъ, что дозволено имъ только до сего времени на Нижегородской, Ирбитской, Тюменьской и Коренной ярмаркахъ. Мнѣ не извѣстно сходится ли толкованіе это бухарскихъ просьбъ съ видами министерства; чтобы не обѣщать лишняго, употреблю по возможности въ проектѣ обязательнаго акта, который я долженъ представить эмиру, тѣ же самыя слова которыми выражены въ моей инструкціи обѣщанія наши, но опасаюсь что Бухарцы не оцѣнятъ этихъ даруемыхъ льготъ, и что эмиръ не сочтетъ себя достаточно удовлетвореннымъ для подписанія акта.

Сомнительно чтобы Бухарскій и Хивинскій ханы согласились на присутствіе въ Бухарѣ и въ Хивѣ нашихъ торговыхъ агентовъ; но можетъ-быть что соглашаясь на наши требованія, они положатъ условія чтобы во время ярмарки находились такіе же агенты изъ ихъ ханствъ. Соглашаться ли на сіе или нѣтъ? Я полагаю что первое было бы для насъ небезвыгодно, и что не только слѣдовало бы включить въ обязательные акты дозволеніе на пребываніе въ Оренбургѣ бухарскихъ и хивинскихъ торговыхъ агентовъ, но даже намѣренъ во время переговоровъ объ учрежденіи нашихъ агентствъ въ ханствахъ намекнуть ханамъ что въ случаѣ принятія нашихъ требованій будетъ соблюдена взаимность и съ нашей стороны, а также постараюсь выставить имъ ту пользу которую имъ могутъ принести постоянные представители въ Оренбургѣ.

Такъ какъ вообще обѣщанія наши взамѣнъ требуемыхъ нынѣ отъ правителей Бухары и Хивы будутъ въ сущности

ничтожны и преимущественно должны заключаться въ громкихъ, но пустыхъ фразахъ, то не лучше ли для убѣжденія хановъ въ необходимости принять и подписать предлагаемые имъ акты, угрожать въ случаѣ отказа отнять существующія доселѣ для Азіятцевъ торговыя льготы, выразивъ имъ при этомъ что мы безъ азіятскихъ товаровъ обойтись можемъ. Одобритъ ли министерство мои дѣйствія и поддержитъ ли въ случаѣ надобности мои угрозы? Во всякомъ случаѣ я намѣренъ, при крайности, испытать сей способъ убѣжденія.

Въ инструкціи мнѣ данной сказано также что въ случаѣ просьбы Бухарскаго хана помочь ему въ войнѣ противъ Коканцевъ, не давать ему положительнаго отвѣта; съ выходцами же и съ посланцами изъ Кокана и Ташкента быть осмотрительнѣе. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Коканцы не перестаютъ дѣйствовать тайно, а часто и явно, враждебно въ отношеіи къ намъ. Мнѣ кажется что достоинство Россіи требуетъ чтобы мы обращались съ Коканцами какъ съ людьми заслуживающими справедливаго наказанія, и не только не входили бы съ ними въ переговоры, но и въ Бухарѣ, гдѣ вполнѣ извѣстны безнаказанныя враждебныя дѣйствія Коканцевъ въ отношеніи къ намъ, мы не иначе о нихъ выражались какъ о разбойникахъ, съ которыми не стоитъ имѣть дѣла и которыхъ мы, при первомъ новомъ преступленіи, намѣрены наказать. Едва ли выгодно для насъ, въ случаѣ еслибъ эмиръ Бухарскій попросилъ помощи Россіи въ войнѣ съ Коканомъ, отказать ему въ этомъ и не воспользоваться симъ случаемъ *чтобы связать Сыръ-Дарьинскую линію съ Сибирскою, занявъ Туркестанъ и Ташкентъ.* Бухарское ханство, даже еслибы оно усилилось на счетъ Коканскаго, не можетъ сдѣлаться для насъ опаснымъ, по невоинственности народа и потому что эмиру трудно будетъ, какъ этому уже были неоднократно примѣры, удержать завоеванную часть Кокана въ покорности. Содѣйствовать даже только нравственно Коканцамъ противъ Бухарцевъ было бы совершенно противно нашимъ выгодамъ. Надежда эта на нашу помощь съ этой стороны заставила бы вѣроятно эмира быть сговорчивѣе на принятіе всѣхъ нашихъ требованій. Не видя никакой прямой пользы себѣ отъ союза съ Россіей, хитрый, опытный эмиръ едва ли поступитъ въ отношеніи ко мнѣ иначе какъ поступилъ съ нашею миссіей въ 1841 году, которая была принята весьма дурно, имѣла совершенный неуспѣхъ и не только не могла согласить эмира на удовлетвореніе хотя одного изъ нашихъ требованій, но подверглась различнымъ непріятностямъ.

Для убѣжденія хана Хивинскаго въ пользѣ дать русскимъ судамъ право свободнаго плаванія по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, необходимо обѣщать ему какія-либо денежныя выгоды; можно бы сказать хану что теперь караваны идущіе въ Бухару и изъ Бухары въ Россію не доставляютъ ему никакихъ доходовъ, но что съ допускомъ торговаго судоходства по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, все движеніе товаровъ обратится преимущественно

чрезъ хивинскія владѣнія, и что Россія согласна допустить сборъ двухъ-процентной пошлины съ дѣйствительной цѣнности проходящихъ на судахъ мимо хивинскихъ владѣній внизъ и вверхъ по рѣкѣ товаровъ, что очевидно принесетъ приращеніе ханской казнѣ. Намъ же пошлина будетъ не обременительна.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить взиманіе этой пошлины на первые два или три года, а потомъ, съ развитіемъ судоходства на Аральскомъ морѣ и рѣкѣ Аму-Дарьѣ, легче будетъ намъ потребовать отъ Хивинцевъ уничтоженіе пошлины съ судовъ не выгружающихъ свои товары въ хивинскихъ владѣніяхъ.

VI.

Предписаніе министра иностранныхъ дѣлъ флигель-адъютанту Игнатьеву, 19го іюля 1858. *

Въ письмѣ къ директору азіятскаго департамента, отъ 24го мая, вы изложили нѣкоторыя мысли относительно возложеннаго на васъ порученія. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Изъ отзывовъ оренбургскаго начальства и вашихъ разговоровъ съ бывшимъ здѣсь бухарскимъ посланцемъ, оказывается что послѣдній не ясно изложилъ ходатайство своего правительства о предоставленіи въ Россіи подданнымъ эмира нѣкоторыхъ преимуществъ по торговлѣ. Какъ вы должны обѣщать удовлетвореніе сего ходатайства, если эмиръ исполнитъ наши требованія, то необходимо разъяснить сомнѣніе.

2) Домогаясь права имѣть агентовъ въ Хивѣ и Бухарѣ, мы должны допустить пребываніе агентовъ обоихъ хановъ въ Оренбургѣ.

3) Угроза что бухарскіе и хивинскіе купцы лишатся льготъ которыми пользуются у насъ, если ихъ правительства отвергнутъ наши требованія, была бы дѣйствительнымъ средствомъ къ побѣжденію ихъ упорства.

4) Намъ надлежало бы помогать Бухарскому эмиру въ его войнѣ съ Кокаломъ и воспользоваться случаемъ для соединенія Сыръ-Дарьинской линіи съ Сибирскою занятіемъ Туркестана и Ташкента.

5) Вы полагаете что ваше обращеніе съ Коканцами и ваши отзывы о нихъ, особенно въ Бухарѣ, должны быть выраженіемъ мнѣнія нашего правительства о сихъ хищническихъ племенахъ, продолжающихъ оказывать враждебное къ намъ расположеніе.

6) Хивинскій ханъ охотно предоставитъ намъ право плаванія по Аму-Дарьѣ, если мы объявимъ что согласны на взиманіе въ его пользу $2^1/_2$ процентовъ, съ цѣнности русскихъ товаровъ которые будутъ провозимы по сей рѣкѣ.

Я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору о воз-

---

* См. выше стр. 432.

бужденныхъ вами вопросахъ, и въ разрѣшеніе ихъ послѣдовали Высочайшія резолюціи, которыя сообщаю вамъ къ исполненію:

1) Удостовѣрьтесь на мѣстѣ какихъ именно торговыхъ преимуществъ хотятъ Бухарцы. Нѣтъ другаго средства разъяснить сей предметъ.

2) Если намъ будетъ предоставлено право имѣть агентовъ въ Хивѣ и Бухарѣ, то мы допустимъ пребываніе въ Оренбургѣ торговыхъ агентовъ обоихъ хановъ.

3) Отъ вашего усмотрѣнія зависитъ, въ случаѣ нужды, намекнуть ханамъ о возможности отмѣны торговыхъ преимуществъ которыми пользуются у насъ ихъ подданные, но не прибѣгайте къ явной угрозѣ, которой мы не могли бы исполнить безъ вреда для нашей торговли, и которая при недѣйствительности оной, поставила бы насъ въ затруднительное положеніе.

4) Не желая, съ одной стороны, въ настоящее время распространенія нашихъ азіятскихъ владѣній вооруженною рукой, и будучи убѣждены, съ другой, что Бухарскій эмиръ не можетъ быть намъ надежнымъ союзникомъ, мы не имѣемъ повода къ принятію участія въ его войнѣ съ Коканомъ.

5) Ваше благоразуміе и ближайшія соображенія на мѣстѣ укажутъ вамъ какъ вы должны обращаться съ Кокандами, которыхъ вы встрѣтили въ хивинскихъ и бухарскихъ владѣніяхъ, и до какой степени могутъ быть откровенны ваши отзывы о нихъ.

6) Вопросъ, можно ли допустить установленіе въ пользу Хивинскаго хана пошлины съ русскихъ товаровъ которые были бы провозимы по Аму-Дарьѣ, въ случаѣ предоставленія намъ права плаванія по сей рѣкѣ, долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ въ министерствѣ финансовъ.

VII.

Письмо полковника Игнатьева къ мехтару. *

Посланцы высокостепеннаго хана передали просьбу Великому Государю моему о присылкѣ въ Хиву довѣреннаго лица для переговоровъ.

Избранный для сего лестнаго назначенія и облеченный довѣріемъ Государя, я снабженъ Высочайшими грамотами и подарками для хана, а также подарками къ высшимъ сановникамъ ханства.

Вамъ не безызвѣстно вѣроятно что примѣру всѣхъ народовъ свѣта, приславшихъ посольства къ Великому Государю моему съ поздравленіями, по случаю восшествія на прародительскій престолъ, и съ просьбой о дружбѣ и благорасположеніи, послѣдовалъ не одинъ ханъХоварезмскій, но также и Бухарскій. Въ отвѣтъ на сіе мнѣ Высочайше поручено быть

* См. выше стр. 436.

уполномоченнымъ посланцемъ, для веденія переговоровъ какъ въ Хивѣ такъ и въ Бухарѣ. Впрочемъ объ этомъ вы уже поставлены въ извѣстность письмомъ отъ господина оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора. Исполняя данное мнѣ порученіе, я отправился изъ Оренбурга, но несмотря на все мое стараніе прибыть наипоспѣшнѣйшимъ образомъ въ Хиву, мнѣ стоило много усилій, по множеству и громоздкости подарковъ и тяжести моего обоза, дойти до Аральскаго моря, тѣмъ болѣе что я постоянно опасался чтобы драгоцѣнные подарки везомые мною въ Хиву не были испорчены при вьючкѣ и развьючкѣ верблюдовъ. Дойдя такимъ образомъ 18го іюня до Аральскаго моря, я нашелся вынужденнымъ отказаться отъ своего намѣренія везти подарки сухимъ путемъ, и нагрузилъ эти вещи, а также часть тяжестей посольства, на два судна, изъ числа плавающихъ по Аральскому морю.

Желая какъ можно скорѣе представиться хану и опасаясь потерять время въ перепискѣ, а также убѣжденный въ дружелюбномъ расположеніи хана и въ намѣреніи его поддержать и укрѣпить существующія уже пріязненныя сношенія между Хивой и Россіей, я поставилъ себѣ обязанностію, продолжая слѣдовать лично съ моею свитой сухимъ путемъ въ Хиву, отправить безотлагательно двухъ изъ моихъ чиновниковъ съ подарками Его Величества къ хану и съ частью вещей посольства на двухъ судахъ въ рѣку Аму-Дарью, предписавъ имъ идти прямо въ городъ Кунградъ, гдѣ ожидать для дальнѣйшаго плаванія по рѣкѣ Аму, до ближайшаго въ Хивѣ удобнаго мѣста для выгрузки подарковъ, прибытія ханскаго чиновника коему поручено будетъ сопровождать означенныя суда. Считаю нужнымъ васъ предувѣдомить что посылаемыя мною суда нужны мнѣ будутъ въ рѣкѣ Аму-Дарьѣ также для того чтобы плыть рѣкой въ бухарскія владѣнія и избѣгнуть такимъ образомъ, бѣдственнаго лѣтомъ и осенью, для каждаго путешественника, а для большаго посольства невозможнаго, странствованія изъ Хивы безводными песками Кизиль-Кума, въ Бухару.

Письмомъ отъ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора предупреждены вы что важныя обязанности на меня возложенныя лишаютъ меня удовольствія оставаться такъ долго какъ желалъ бы я этого въ счастливой столицѣ Хивы и принуждаютъ меня, пробывъ въ ханствѣ только нужное для веденія переговоровъ время, поспѣшить отъѣздомъ въ Бухару. Обязанностью вмѣняю себѣ увѣдомить васъ также что опрашивая попадавшіеся мнѣ навстрѣчу караваны шедшіе изъ Хивы, а также Киргизовъ бывшихъ недавно въ ханствѣ, съ соболѣзнованіемъ узналъ я о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Туркменовъ противъ владѣній высокостепеннаго хана и объ осадѣ въ которой находятся теперь города Кунь-Ургенчъ и Ходжейли. Хотя Туркмены неоднократно обращались къ Великому Государю моему съ просьбой о принятіи ихъ въ наше подданство, а Атамуратъ ищетъ нашего покровительства, но

я, зная пріязненное расположеніе Государя моего къ высокостепенному хану и желая доказать всѣмъ желаніе наше заключить съ высокостепеннымъ ханомъ дружественный актъ,—избѣгаю близкихъ сношеній съ Туркменами, несмотря на ихъ пламенное желаніе видѣться со мною, и рѣшаюсь чтобы не встрѣтиться съ Атамуратомъ, несмотря на удобства представляемыя путемъ пролегающимъ чрезъ Кунь-Ургенчъ и Ходжейли,—не слѣдовать на эти города, а избрать болѣе трудный путь на Хиву, ведущій чрезъ Кунградъ,—ежели только окажется возможнымъ переправиться моему каравану чрезъ Айбугирскій заливъ.

Нахожусь въ убѣжденіи что высокостепенный ханъ сумѣетъ оцѣнить вниманіе оказанное ему Императоромъ Россійскимъ отправленіемъ моимъ въ Хиву и побужденія заставившія меня, изъ желанія угодить хану, пренебречь трудностями пути мною теперь избраннаго, и пожелаетъ доказать свои мирныя и дружелюбныя намѣренія скорымъ заключеніемъ со мною письменнаго трактата.

Въ заключеніе прошу васъ, почтенный и уважаемый мехтаръ, довести до свѣдѣнія хана все то изъ моего письма что почтете за нужное и испросить у хана приказаніе:

1) Отмѣнивъ отправленіе почетнаго конвоя для моей встрѣчи въ Кунь-Ургенчъ (исполненіе сего было бы для васъ теперь едва ли и возможно), командировать довѣреннаго чиновника въ Кунградъ, для встрѣчи посольства и сопровожденія меня по ханству.

и 2) Предписать сему лицу имѣть особенное раченіе о безпрепятственномъ плаваніи судовъ моихъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ и о доставленіи всякаго пособія командированнымъ мною на оныхъ чиновникамъ для доставленія въ цѣлости упомянутыхъ подарковъ и вещей въ Хиву.

За симъ прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и пріязненныхъ чувствахъ и въ твердомъ моемъ намѣреніи употребить всевозможное стараніе содѣйствовать скрѣпленію дружбы и пріязни между Россіей и Хивой.

VIII.

Письмо полковника Игнатьева къ кунградскому градоначальнику. *

Уполномоченный для веденія переговоровъ въ Хивѣ, вслѣдствіе просьбы высокостепеннаго хана Харезмскаго, я долгомъ считаю увѣдомить васъ что, по невозможности везти сухопутьемъ, чрезъ Усть-Уртъ, великолѣпныя и громоздкія подарочныя вещи, посланныя Великимъ Государемъ моимъ высокостепенному хану, а также нѣкоторыя изъ тяжестей посольства, я былъ поставленъ въ необходимость, дойдя изъ

* См. выше стр. 436.

Оренбурга съ большими затрудненіями до Аральскаго моря, приказать нагрузить помянутыя вещи, которыя могутъ быть доставлены безвредно въ Хиву только водой, на два изъ нашихъ судовъ плавающихъ по Аральскому морю и отправить при нихъ двухъ изъ моихъ чиновниковъ. Этимъ довѣреннымъ чиновникамъ предписано, войдя на упомянутыхъ судахъ въ рѣку Аму-Дарью, подняться по рѣкѣ безостановочно прямо до города Кунграда и выждать въ этомъ городѣ для дальнѣйшаго плаванія по рѣкѣ Аму, до ближайшаго къ Хивѣ удобнаго мѣста для выгрузки подарковъ, прибытія ханскаго чиновника, о высылкѣ котораго для сопровожденія судовъ, съ цѣлію безпрепятственнаго слѣдованія оныхъ выше Кунграда, а также для оказанія пособія моимъ чиновникамъ, я просилъ почтеннаго мехтара письмомъ отъ 12го іюня, посланнымъ съ урочища Каска-Джула, по Аральскому морю, съ нарочнымъ прямо въ Хиву.

Нахожусь въ убѣжденіи что вы, зная дружелюбныя отношенія хана къ Россіи и пріязненныя отношенія существующія между Хивой и Россіей, постараетесь содѣйствовать общимъ усиліямъ всѣхъ благомыслящихъ людей скрѣпить еще болѣе эту дружбу новыми доказательствами благорасположенія двухъ государствъ другъ къ другу, сдѣлавъ не только надлежащія распоряженія для воспрепятствованія кому-либо поступать недружелюбно въ отношеніи нашихъ двухъ чиновниковъ и судовъ на коихъ они находятся, но и примете ихъ какъ слѣдуетъ, то-есть привѣтливо и дружелюбно, а также окажете имъ всякое содѣйствіе, какъ для безпрепятственнаго плаванія по рѣкѣ, такъ и для отправленія, въ случаѣ надобности, извѣщеній ко мнѣ, и будете содѣйствовать доставленію моихъ приказаній на эти суда, ежелибы я встрѣтилъ въ томъ надобность.

Наслышавшись про ваше благоразуміе и мудрость, я убѣжденъ что вы остережетесь подать поводъ къ какому-либо неудовольствію относительно пріема чиновниковъ и плаванія судовъ, несущихъ драгоцѣнные подарки высокостепенному хану, и вашими дѣйствіями заслужите вполнѣ мою личную благодарность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшаю васъ увѣдомить что я, лично, со ввѣренною мнѣ миссіей, слѣдую сухимъ путемъ по Усть-Урту, и затѣмъ, переправившись черезъ Айбугирскій заливъ, имѣю намѣреніе идти чрезъ Кунградъ прямо въ Хиву. Надѣюсь, такимъ образомъ, имѣть въ скоромъ времени удовольствіе съ вами лично познакомиться.

Долгомъ почелъ поставить васъ въ извѣстность о вышеизложенномъ на тотъ случай ежелибы вы не успѣли до прибытія моихъ чиновниковъ получить отъ мехтара предписаніе относительно пріема судовъ нашихъ и принятія мѣръ для встрѣчи посольства и безпрепятственнаго слѣдованія онаго въ Хиву.

IX.

Предписаніе капитану 1го ранга Бутакову, 20го іюня 1858. *

На основаніи Высочайше утвержденнаго и извѣстнаго вашему высокоблагородію положенія комитета о дѣйствіяхъ въ Хивѣ Аральской флотиліи и посольства, предполагалось подчиненнымъ вамъ судамъ войти въ рѣку Аму-Дарью не иначе какъ съ предварительнаго на это согласія Хивинскаго хана. Имѣя въ виду, съ одной стороны, что подобное согласіе, по свойственной Азіятцамъ подозрительности, или могло быть вовсе не получено, или еслибъ и получилось, то въ такое позднее время когда проходъ судовъ былъ бы невозможенъ, а съ другой, то что въ морскомъ отношеніи особую важность имѣетъ изслѣдованіе фарватера рѣки, преимущественно до города Кунграда, я рѣшился, вслѣдствіе настоящаго положенія дѣлъ въ ханствѣ, направить два изъ судовъ флотиліи, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ рѣку Аму-Дарью до города Кунграда, одновременно съ движеніемъ туда миссіи по сухому пути. Собственно предлогъ будетъ состоять въ порученіи судамъ нашимъ перевезти водой подарки Хивинскому хану, которые, по своей драгоцѣнности и громоздкости, ни подъ какимъ видомъ не могли быть подвергнуты случайностямъ сухопутнаго передвиженія. Объяснивъ подробно въ письмѣ къ мехтару, содержаніе коего вамъ извѣстно, причины вынудившія меня дать приказаніе двумъ судамъ нашимъ войти въ рѣку Аму-Дарью, и просивъ его, съ доклада хану, выслать для встрѣчи и препровожденія этихъ судовъ довѣреннаго чиновника, я обращаюсь къ вашему высокоблагородію съ покорнѣйшею просьбой исполнить слѣдующее: По нагрузкѣ на пароходъ *Перовскій* всѣхъ сдаваемыхъ туда миссіей подарочныхъ и другихъ вещей, какъ это будетъ объяснено ниже, отправиться завтра, то-есть 21го іюня, къ устьямъ рѣки Аму-Дарьи, откуда съ двумя какими-либо судами флотиліи, которые вы сочтете наиболѣе удобнѣйшими для плаванія, слѣдовать вверхъ по рѣкѣ до города Кунграда.

Признаваемую вами необходимою предварительную рекогносцировку самаго устья рѣки можно бы было допустить только въ такомъ случаѣ ежели она будетъ произведена вами со всевозможною осмотрительностію и не повлечетъ за собой никакихъ дурныхъ послѣдствій для достиженія общей цѣли миссіи и флотиліи, то-есть свободнаго плаванія вверхъ по Аму-Дарьѣ; во всякомъ случаѣ я предоставляю обозрѣніе это вашему ближайшему усмотрѣнію и соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ, лишь бы только въ рѣкѣ не находилось ни подъ какимъ предлогомъ одновременно болѣе двухъ судовъ, что

* См. выше, стр. 438.

противорѣчило бы извѣщенію сдѣланному мною о флотиліи кунградскому начальнику.

Если же, какъ вы мнѣ сообщали словесно, вы найдете болѣе удобнымъ для судовъ нашихъ подняться по рѣкѣ не по Талдыкскому устью, а по вновь прорытому рѣкой восточному руслу, то въ такомъ случаѣ я прошу ваше высокоблагородіе остановиться съ судами вошедшими въ рѣку въ мѣстѣ соединенія этого новаго рукава съ главнымъ русломъ рѣки, гдѣ и ожидать отъ меня дальнѣйшихъ извѣщеній.

Какъ при проходѣ чрезъ одно русло рѣки, такъ равно и чрезъ другое, я покорнѣйше прошу васъ стараться прибыть къ Кунграду не ранѣе 25го числа сего іюня и не позже утра 26го, а если вы остановитесь нѣсколько выше означеннаго города, то не ранѣе 27го числа, то-есть времени прибытія миссіи въ окрестности мѣста вашей стоянки. Для доставки сухопутьемъ отъ мѣста высадки и до Хивы ящиковъ съ подарочными вещами, я назначаю гвардіи генеральнаго штаба штабсъ-капитана Салацкаго и топографа Недорѣзова, которымъ предписано немедленно явиться на пароходъ *Перовскій.*

Затѣмъ желательно было бы относительно производства самаго плаванія по Аму-Дарьѣ придержаться нижеслѣдующихъ правилъ, если только по мѣстнымъ обстоятельствамъ исполненіе для флотиліи окажется удобнымъ и возможнымъ.

1. Сообразовать плаваніе флотиліи по Аму-Дарьѣ съ содержаніемъ изложеннаго въ письмѣ моемъ къ кунградскому начальнику, въ копіи у сего прилагаемомъ.

2. Въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій Хивинцевъ противъ судовъ которые будутъ слѣдовать по Аму-Дарьѣ, и если эти дѣйствія будутъ производимы мѣстными жителями и притомъ въ видѣ какихъ-либо ничтожныхъ попытокъ задержать флотилію, то, не обращая на нихъ вниманія, продолжать путь къ Кунграду.

3. Въ случаѣ остановки плаванія флотиліи какимъ-либо офиціальнымъ лицомъ изъ Хивинцевъ, предъявить ему открытое предписаніе данное мною штабсъ-капитану Салацкому и отвѣчать прямо что инымъ способомъ подарочныя вещи, какъ имѣющія особую драгоцѣнность, направлены быть не могли, въ особенности изъ опасенія порчи ихъ при перевозкѣ сухимъ путемъ, и что поэтому, безъ особаго моего разрѣшенія, вещи эти, а слѣдовательно и самое плаваніе судовъ остановлено быть не можетъ. Если же, несмотря на это, хивинскій чиновникъ будетъ требовать положительно остановки судовъ, то въ такомъ случаѣ просить его послать за приказаніемъ на этотъ счетъ ко мнѣ нарочнаго, объяснивъ однакоже при этомъ что, задерживая подарки, чиновникъ тѣмъ самымъ вредитъ интересамъ хана, оказывая на первыхъ же порахъ недовѣріе къ такой могущественной державѣ какъ Россія, дружественно расположенной къ Хивѣ.

4. Наконецъ, еслибы Хивинцы допустили перевозку вещей водой, но неиначе какъ на собственныхъ хивинскихъ судахъ,

то въ крайнемъ случаѣ, согласясь на это предложеніе, слѣдуетъ однакоже настоять всѣми мѣрами чтобы на судахъ этихъ для надзора за вещами непремѣнно слѣдовали штабсъ-капитанъ Салацкій, одинъ изъ морскихъ офицеровъ и два матроса въ видѣ прислуги. Морской офицеръ командируемый для этой цѣли выбирается начальникомъ флотиліи и долженъ получить инструкцію для общаго обозрѣнія и возможно подробнаго изслѣдованія фарватера рѣки.

5. При отправкѣ ко мнѣ нарочнаго, штабсъ-капитану Салацкому, испросивъ предварительно согласіе ваше, стараться присоединить къ нему подъ какимъ-либо предлогомъ, и если не будетъ угрожать особой опасности, топографа Недорѣзова, дабы такимъ образомъ доставить Недорѣзову возможность набросать топографическій очеркъ той прибрежной части ханства по которой онъ будетъ проѣзжать. Вообще оказаніе со стороны морской содѣйствія, при всякомъ удобномъ случаѣ, штабсъ-капитану Салацкому или состоящему при немъ топографу, для обзора различныхъ мѣстностей, я считалъ бы крайне полезнымъ.

Сообщая о вышеизложенномъ вашему высокоблагородію, считаю нужнымъ покорнѣйше просить васъ набросать на основаніи всѣхъ извѣстныхъ вамъ данныхъ о плаваніи судовъ по Аму-Дарьѣ краткую программу для дѣйствій отправляемой въ эту рѣку нашей флотиліи, и какъ эту программу, такъ равно инструкцію которою вы снабдите того изъ гг. морскихъ офицеровъ который въ случаѣ необходимости будетъ посланъ на хивинскихъ судахъ, препроводить ко мнѣ при удобномъ случаѣ.

Кромѣ поименованныхъ уже лицъ, на пароходъ *Перовскій* поступаютъ нынѣ же іеромонахъ Фотинъ, назначенный на Аральскую флотилію и состоящій при миссіи фотографъ подпоручикъ Муренковъ, долженствующій слѣдовать на судахъ по Аму-Дарьѣ впредь до новаго распоряженія. Относительно же тяжестей, кромѣ сданныхъ уже вамъ семи вьюковъ съ различными вещами, на пароходѣ имѣютъ быть помѣщены также шесть вьюковъ съ фотографическими инструментами, два вьюка съ различными мелочными казенными вещами (вѣсомъ около 40 пудовъ) и пятидневное запасное продовольствіе на всю миссію, вѣсомъ приблизительно около 215 пудовъ. Для облегченія же парохода, взамѣнъ имѣющихъ поступить на него вещей, я прошу ваше высокоблагородіе находящіеся въ вѣдѣніи вашемъ 60 пудовъ прессованнаго сѣна приказать сдать начальнику конвоя миссіи, войсковому старшинѣ Буренину, а находящіяся на пароходѣ 25 четвертей овса переложить на одну изъ имѣющихъ отправиться съ вами вверхъ по Аму-Дарьѣ барокъ, съ тѣмъ чтобъ овесъ этотъ былъ переданъ миссіи въ городѣ Кунградѣ или въ другомъ какомъ-либо удобномъ пунктѣ.

Находящихся на пароходѣ пять уральскихъ казаковъ и пять пѣхотинцевъ прошу оставить на суднѣ впредь до особаго моего извѣщенія.

X.

Донесеніе есаула Бородина полковнику Игнатьеву, 7го іюля 1858. *

По выступленіи моемъ съ конвоемъ миссіи изъ Кунграда, для препровожденія лошадей, первоначально шелъ я внизъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Въ пяти верстахъ ниже Кунграда переправился черезъ Талдыкъ-Дарью на двухъ лодкахъ, а лошадей переправили вплавь; переправа продолжалась внизъ по теченію означенной рѣки; чиновники хивинскіе, провожавшіе меня, были впереди и наконецъ и совсѣмъ скрылись изъ виду, такъ что къ вечеру я шелъ совершенно одинъ, отыскивая себѣ дорогу, и не дошедши до назначеннаго ночлега, принужденъ былъ остановиться въ 10 часовъ вечера, гдѣ привелось. На пути отъ переправы до ночлега у меня пало три казенныя лошади; причины отношу къ затруднительной переправѣ черезъ Талдыкъ-Дарью. Въ этотъ день люди и лошади остались безъ продовольствія.

На слѣдующій день увидѣлъ я на Аму-Дарьѣ пароходъ, который оказался отъ ночлега только въ одной верстѣ; Хивинцы, увидѣвъ что идетъ пароходъ, объявили мнѣ что и насъ переправятъ черезъ рѣку здѣсь же и поведутъ меня сухимъ путемъ; для чего уѣхали въ Кунградъ за лодками, и я долженъ былъ ожидать ихъ возвращенія; они же вернулись только на слѣдующій день къ вечеру, съ извѣстіемъ что есаулъ-баши лодокъ не даетъ, а поведутъ насъ другою дорогой, вслѣдствіе чего я, 4го іюля, въ 4 часа утра, выступилъ на дальнѣйшее слѣдованіе къ тому мѣсту откуда нужно идти водой; прошедши до 12ти верстъ, хивинскіе чиновники бывшіе при мнѣ, по собраннымъ ими свѣдѣніямъ отъ кочующихъ въ этихъ мѣстахъ Каракалпаковъ, узнали что дорога по которой намъ слѣдовало идти вся затоплена водой, почему мы повернули въ обходъ и направились опять къ Талдыкъ-Дарьѣ, и продолжая идти вдоль ея теченія до 6 часовъ вечера, остановились близъ разливовъ, на безплодномъ мѣстѣ. Въ этотъ день пройдено слишкомъ 52 версты; день былъ жаркій; лошади и люди утомились, а провожавшіе Хивинцы объявили что продовольствія у нихъ какъ для лошадей, такъ и на людей нѣтъ, и что я долженъ идти безъ продовольствія до тѣхъ поръ пока не встрѣтимъ на Аму-Дарьѣ какой-то базаръ, гдѣ они обѣщались сыскать все нужное, а до него ходу не менѣе четырехъ сутокъ, и сами уѣхали въ аулъ.

Я же между тѣмъ узналъ отъ Каракалпаковъ что вода постоянно прибываетъ, и что нѣкоторые изъ нихъ откочевываютъ и они окапываются дабы ихъ не затопило, въ чемъ я лично удостовѣрился во время слѣдованія пройденнаго перехода,

---

* См. выше, стр. 443.

какъ вода заливала канавы бывшія сухими, которыя мы переходили, гдѣ вода была до сѣдельнаго вальтрапа.

На слѣдующій день я снова долженъ былъ обходить разливы и потомъ уже идти цѣлый день водой, доходящею до сѣдла лошади, а по словамъ кочующихъ Каракалпаковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вплавь. Они прибавляли, мы въ одинъ день никакъ не успѣемъ пройти воду, а для ночлега сухаго мѣста не найдется.

Сообразивъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, я никакъ не могъ идти далѣе, вопервыхъ, не имѣя продовольствія на людей и фуража на лошадей; вовторыхъ, нѣкоторые изъ конвойныхъ людей, не умѣющіе плавать и притомъ имѣя по пяти и шести заводскихъ лошадей, могли подвергнуться гибели при глубокихъ мѣстахъ или рытвинахъ; и втретьихъ, еслибъ я пошелъ водой и не успѣлъ въ одинъ день пройти ее, вода, постоянно прибывая, затопила бы и послѣднія мѣста гдѣ можно имѣть ночлегъ; тогда я подвергалъ какъ людей, такъ и лошадей всего отряда неизбѣжной гибели. То мѣсто гдѣ я ночевалъ съ отрядомъ находится не далѣе 15 верстъ отъ моря; повсемѣстно разливы покрытые камышемъ весьма затруднительны для перехода и въ обыкновенное время, а въ настоящее нахожу болѣе затрудненія ихъ перейти съ такимъ количествомъ людей и лошадей какъ у меня.

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, я вернулся обратно въ Кунградъ и видѣлся съ есауломъ-баши, который обѣщался отыскать другую дорогу, но также съ тѣмъ что за цѣлость людей и лошадей онъ не ручается; о чемъ почтительнѣйше имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія и доложить что въ продовольствіи моего конвоя я вездѣ встрѣчаю весьма ощутительный недостатокъ, который меня ставитъ въ совершенную невозможность идти такимъ трактомъ кромѣ какъ только на лодкахъ по слѣдамъ вашимъ, на что буду ожидать вашего разрѣшенія.

XI.

Изъ донесенія капитана Бутакова полковнику Игнатьеву отъ 3го іюля. *

Въ 8 часовъ утра сошелъ я на берегъ въ мундирѣ и эполетахъ, взявъ съ собой гг. Салацкаго, Муренко и топографа Недорѣзова. Я былъ принятъ съ большимъ почетомъ, но на всѣ мои доводы, кунградскій губернаторъ положительно объявилъ что онъ не можетъ позволить намъ пройти далѣе, что запрещеніе хана формальное, и что онъ долженъ будетъ отвѣчать своею головой. Тогда, принявъ въ соображеніе неутѣшительное состояніе въ которомъ находятся лейтенантъ Можай-

* См. выше стр. 448.

скій, лейтенантъ Зеленинъ, съ своими лошадьми, и даже вы сами съ вашимъ посольствомъ, въ совершенной зависимости у Хивинцевъ, я счелъ неосторожнымъ, ворвавшись почти силой въ Кунградъ, раздражать ихъ еще болѣе и увеличивать ужасъ который и такъ уже овладѣлъ ими при моемъ появленіи. Итакъ, имѣю честь ожидать вашихъ дальнѣйшихъ приказаній.

Считаю долгомъ представить на ваше усмотрѣніе слѣдующія обстоятельства:

1. Не могу скрыть отъ васъ что я добрался сюда съ большимъ трудомъ, и *единственно* только благодаря изобилію воды въ нынѣшнемъ году; каракалпакскіе старшины увѣряли меня что они не запомнятъ такого года, что въ обыкновенное время намъ было бы невозможно добраться до Кунграда, что тамъ гдѣ прежде воды было только по брюхо лошади, теперь можно переплывать.

2. Что у меня не болѣе 700 пудовъ угля, такъ какъ лейтенанту Колокольцову нѣтъ *никакой* физической возможности, по случаю затопленія береговъ Аму, передать мнѣ грузъ съ своей баржи.

3. На пути своемъ я встрѣчалъ одни только фруктовыя деревья, такъ что я не могу сдѣлать запаса дровъ *чтобъ имѣть возможность подняться вверхъ по Аму.*

4. Въ случаѣ если вы не позволите мнѣ пренебречь приказаніями хана и если политическія событія помѣшаютъ вамъ идти въ Бухару, и вы рѣшитесь возвратиться моремъ, а меня съ судами отослать въ Сыръ, мнѣ должно будетъ вернуться какъ можно скорѣе и ожидать васъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ Улькунъ-Дарьи; иначе, если спадетъ вода, я буду какъ въ западнѣ, безъ малѣйшей возможности двинуться назадъ или впередъ, безъ возможности запастись провіантомъ, потому что ханство Хива опустошено Туркменами, а еще болѣе алчностію самихъ хивинскихъ начальниковъ: какъ же найти возможность прокормить болѣе 100 человѣкъ, если я принужденъ буду зимовать въ Хивинскомъ ханствѣ, и если Хивинцы, видя насъ въ ихъ власти, не захотятъ помочь намъ? Я увѣренъ что при малѣйшемъ ихъ нерасположеніи они могутъ заставить насъ умереть съ голоду. Что же касается до васъ и до вашего посольства, вамъ будетъ легко соединиться со мной хоть на хивинскихъ лодкахъ, а я беру на себя помѣстить все посольство съ конвоемъ на *Перовскомъ*.

5. Что главная цѣль посланныхъ судовъ достигнута, вы же съ своей стороны тоже измѣряете рѣку по пути къ Хивѣ.

Итакъ, если я не долженъ подыматься по Аму, то имѣю честь просить вашего разрѣшенія вернуться, покуда вода еще не слишкомъ замѣтно убавляется, и позволить мнѣ остановиться на самомъ глубокомъ мѣстѣ Аму, нагрузить судно углемъ, послать одну изъ баржъ въ Сыръ за провіантомъ, и имѣть возможность сопровождать васъ (если вы не пойдете въ Бухару). Я сильно опасаюсь чтобы вы не лишились всѣхъ

вашихъ лошадей, и можетъ случиться что вы не найдете верблюдовъ чтобы вернуться сухимъ путемъ въ Россію.

Имѣю честь ожидать вашихъ распоряженій относительно лейтенанта Можайскаго, которому я посылаю съ нарочнымъ приказаніе вернуться въ Кунградъ, и если онъ увидитъ въ Талдыкѣ Колокольцова, сказать тому чтобы онъ вошелъ въ Улькунъ-Дарью и тамъ ожидалъ меня.

XII.

Выдержка изъ письма капитана Бутакова къ полковнику Игнатьеву отъ 7го іюля.

Какъ я уже писалъ вамъ, баржа лейтенанта Колокольцова не имѣетъ ни малѣйшей физической возможности пройти на Улькунъ-Дарью; берега совершенно затоплены, такъ что невозможно идти бичевой; быстрота теченія простирается отъ $3^1/_2$ до $5^1/_2$ верстъ въ часъ. Угля у меня на 1.500 или 1.700 пудъ менѣе того насколько я разчитывалъ. Въ настоящее время у меня его не болѣе 700 пудъ; съ этимъ я могу дойти до Хивы, но никакъ не далѣе. Вотъ почему я и просилъ вашего разрѣшенія, которое и возобновляю теперь,—позволить мнѣ *возвратиться*, какъ только отправлю подарки, и ожидать васъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ Улькунъ-Дарьи, если вы не отправитесь въ Бухару. Вы можете вернуться на хивинскихъ баркахъ до флотиліи, а тамъ моремъ до Форта № 1. Что же касается до вашихъ лошадей, то бо́льшая часть должна погибнуть. Если вы позволите мнѣ вернуться на Сыръ, я пошлю одну изъ баржъ за провіантомъ, иначе придется положиться на добрую волю Хивинцевъ, а вы знаете какова она.

Я не могъ никакъ сообщаться съ вами. Киргизскіе и каракалпакскіе рыбаки не имѣютъ лошадей, а береговые жители Улькунъ-Дарьи боятся служить намъ. Когда вы будете посылать мнѣ ваши приказанія, прошу васъ послать одного изъ вашихъ вожаковъ или посыльныхъ.

Донесеніе мое отъ 3го іюля, писанное изъ осторожности по-французски, должно было быть отправлено 4го, но я боюсь чтобы эти негодяи не удержали его нарочно. Я объявилъ имъ что если черезъ 8 дней не получу отъ васъ отвѣта, то поѣду за нимъ самъ, что ихъ чрезвычайно напугало. Чтобы вѣрнѣе получить отвѣтъ вашъ, я выжидалъ случая когда пошлютъ съ подарками Можайскаго, Салацкаго и другихъ. Что же касается до того чтобы послать какого-нибудь моряка сопровождать ихъ, то я думаю достаточно одного Можайскаго; изъ остальныхъ же каждый нуженъ на своемъ постѣ. Я говорилъ объ этомъ съ Ковалевскимъ, и онъ сказалъ мнѣ что считаетъ подобное назначеніе, какъ будто отрѣшеніе отъ должности, имъ вовсе незаслуженное.

Прошу васъ увѣдомить меня получили ли вы мой рапортъ отъ 3го іюля, въ которомъ находилось и письмо къ г. Струве, полученное мною изъ Казани желѣзнымъ барказомъ (я разказалъ вамъ его исторію въ моемъ рапортѣ). Дайте мнѣ также знать for God's sake, отправляетесь ли вы въ Бухару? Я полагаю что безъ особеннаго случая вы не найдете средствъ къ перевозкѣ. Извѣстите меня также о полученіи настоящаго письма. Народъ вашъ ведетъ себя отлично, и я совершенно имъ доволенъ.

XIII.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому отъ 20го августа. *

Изъ краткихъ шифрованныхъ донесеній моихъ изъ Кунграда, отъ 29го іюня, № 24, изъ Хивы, 25го іюля, № 26, а также изъ донесеній г. оренбургскому генералъ-губернатору, отъ 25го іюля, № 27, и 10го августа, № 29, вашему превосходительству уже извѣстно отчасти положеніе дѣлъ. Пользуюсь настоящимъ вѣрнымъ случаемъ чтобы представить вамъ болѣе полный отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ.

23го іюня, какъ извѣстно вашему превосходительству изъ донесенія моего № 18, посланнаго того же числа, переѣхалъ я на хивинскій берегъ. Еще наканунѣ стали являться ко мнѣ посланные отъ есаула-баши, временнаго начальника города Кунграда, и было наконецъ доставлено письмо отъ него, съ просьбою остановить пароходъ и запретить ему входить въ устье рѣки Аму, такъ какъ ханомъ запрещено впускать русскія суда въ рѣку, а разрѣшеніе пропустить ихъ еще не прибыло изъ Хивы. Съ переѣздомъ моимъ чрезъ Айбугиръ, эти просьбы участились. Чтобы выиграть время и дать возможность пароходу дойти до Кунграда, не нарушая пріязненныхъ отношеній съ Хивинцами, я сначала отвѣчалъ что сдѣлаю распоряженіе согласно желанію есаулъ-баши, какъ только переѣду на хивинскій берегъ и съ нимъ свижусь, потомъ объяснилъ я Хивинцамъ что продолжать немедленно путь въ Кунградъ не могу только потому что весь караванъ мой еще не переправился, по нерадѣнію хивинскихъ чиновниковъ завѣдующихъ переправой, пароходъ же остановить готовъ, но не знаю куда и какимъ образомъ отправить для сего своего чиновника, ибо не имѣю свѣдѣнія гдѣ пароходъ въ настоящее время находится и къ какому именно устью направился. Простоявъ на переправѣ до 27го утра, объявилъ что если окажется справедливымъ что пароходъ еще не въ Кунградѣ, то я по прибытіи въ этотъ городъ, ежели и получится до того времени ханское разрѣшеніе на пропускъ судовъ, о которомъ я про-

* См. выше стр. 449.

силъ мехтара, сдѣлаю распоряженіе о командированіи русскаго чиновника, совмѣстно съ хивинскимъ, для принятія съ пароходовъ подарковъ на хивинскую барку. Тотчасъ по пріѣздѣ на хивинскій берегъ, начали стекаться къ намъ со всѣхъ сторонъ неблагопріятныя извѣстія. Хивинскіе чиновники, принявшіе меня во главѣ почетнаго конвоя, при выходѣ изъ лодки, увѣряли что Бухарскій эмиръ возвратилъ караваны свои шедшіе въ Россію, и объявили намъ что прислано о томъ мнѣ извѣщеніе въ Хиву отъ коменданта Форта № 1го, что большія отмели воспрепятствуютъ пароходу войти въ устье, и что онъ можетъ-быть войдетъ въ рѣку тогда только когда получится въ Кунградѣ ханское повелѣніе и будетъ расчищенъ для пропуска нашихъ судовъ фарватеръ, что пароходъ нашъ пробовалъ уже войти въ устье, дѣлалъ промѣры на лодкахъ и отказался отъ сего предпріятія. Въ народѣ и въ почетномъ ханскомъ конвоѣ распространился внезапно слухъ что пароходъ нашъ открылъ непріязненныя дѣйствія противъ хивинскаго отряда посланнаго наблюдать за пароходомъ, и что мой караванъ не что иное какъ враждебный авангардъ, прикрывающій движеніе войскъ находящихся еще на Усть-Уртѣ. Относительно дѣйствій парохода, слова Хивинцевъ какъ бы подтвердились тѣмъ что я самъ явственно, со всѣми моими спутниками, слышалъ 24го числа пушечные выстрѣлы по направленію къ Талдыкскому заливу. Объясненія мои что эти выстрѣлы не что иное какъ салютъ, употребляемый нами для почета при всѣхъ встрѣчахъ, не разсѣивали ихъ опасеній. 28го числа вступили мы въ Кунградъ. Я старался собрать свѣдѣнія о флотиліи; всѣ подтвердили одно, что пароходъ переходитъ отъ одного устья къ другому, дѣлаетъ промѣры, но не можетъ войти въ рѣку. Нерасположеніе народонаселенія и въ особенности городскаго начальства возрастало. Есаулъ-баши, посѣтившій меня въ день моего прибытія, хотя принялъ меня съ почетомъ, но выразилъ свое недовѣріе и позволилъ было себѣ говорить со мною высокомѣрно. Въ то же время получилъ я свѣдѣніе что встревоженный движеніями нашихъ отрядовъ по степи и по Усть-Урту, а также извѣстіемъ полученнымъ съ Сыра о приготовленіяхъ Аральской флотиліи къ экспедиціи, ханъ Хивинскій убѣжденъ что приближеніе миссіи служитъ только благовиднымъ предлогомъ для внезапнаго нападенія войскъ нашихъ и судовъ, и что мы дѣйствуемъ заодно съ Туркменами, ибо принятіе депутаціи туркменской генералъ-губернаторомъ не осталось для него неизвѣстнымъ. Въ ханствѣ стали собирать милицію, а на случай моего отправленія къ Кунь-Ургенчъ, былъ высланъ трехъ-тысячный отрядъ съ однимъ орудіемъ, для враждебной встрѣчи и преграждения дороги, и безъ того почти непроходимой въ настоящее время. Пароходы приказано мѣстнымъ властямъ подъ страхомъ смертной казни остановить, если они вошли въ рѣку, и не впускать, ежели они еще не проникли въ устье. Въ подтвержденіе своихъ сомнѣній относительно цѣли миссіи

и предположенія что мы намѣрены принять сторону Туркменовъ, Хивинцы приводили письмо перехваченное ими и посланное, по ихъ словамъ, генералъ-губернаторомъ Атамурату, предводителю Туркменовъ племени Ямудовъ. Впослѣдствіи въ Хивѣ оказалось что это было письмо отъ султана, правителя Западной Орды, писанное Атамурату, по приказанію генералъ-адъютанта Катенина, по поводу извѣщенія о слѣдованіи миссіи. На случай моего согласія на движеніе миссіи чрезъ Кунградъ въ Хиву, было приказано отъ хана принять меня съ почетомъ и выпроводить какъ можно скорѣе изъ Кунграда въ Хиву, чтобы не дать завладѣть городомъ и помѣшать совокупному враждебному дѣйствію флотиліи съ моимъ конвоемъ, увеличеннымъ чрезмѣрно въ глазахъ Хивинцевъ. Для сопровожденія миссіи и для доставленія ей средствъ безпрепятственно прослѣдовать до Хивы, былъ присланъ довѣренный ханскій чиновникъ Диванъ-Баба, человѣкъ очень хитрый, умный, пронырливый и ловкій. Со времени моего прихода въ Кунградъ, ханскіе чиновники неотступно стали просить меня отправиться въ Хиву, намекая что ханъ будетъ въ случаѣ замедленія моего думать что я пришелъ не мирнымъ посломъ, а непріятелемъ въ ханство и желаю выждать подхода десанта чтобы произвести нападеніе.

Предполагая что мелководье въ устьѣ воспрепятствовало Бутакову дойти до Кунграда, желая успокоить Хивинцевъ и добровольнымъ распоряженіемъ предупредить развитіе вреднаго для насъ убѣжденія что ханство, по свойству рѣки Аму, недосягаемо для нашей флотиліи, я послалъ вечеромъ 29го числа лейтенанта Можайскаго съ хивинскимъ чиновникомъ внизъ по Талдыку, въ Талдыкскій заливъ, принять отъ капитана 1го ранга Бутакова подарочныя вещи, привезти оныя въ Хиву по рѣкѣ и сдѣлать подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ рекогносцировку рѣки.

ПОСОЛЬСТВО
ВЪ ХИВУ И БУХАРУ
ПОЛКОВНИКА ИГНАТЬЕВА
ВЪ 1858 ГОДУ

Русскіе очутились въ Хивѣ въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для переговоровъ. Сомнѣніе Хивинцевъ въ мирной присылкѣ агента, вслѣдствіе разныхъ передвиженій русскихъ отрядовъ въ степи, плаванія флотиліи и пр., достигло высшей степени. Кромѣ того при сильномъ вліяніи Бухарскаго эмира на дѣла Хивы, опасеніе не сойтись въ цѣляхъ съ этимъ представителемъ Турана совершенно стѣсняло свободу дѣйствій правительства, и наконецъ самое важное: личности съ которыми привелось агенту вести переговоры, по своей обстановкѣ, совсѣмъ не подходили къ тому взгляду который установился у насъ въ Россіи на хивинскихъ сановниковъ и даже самого хана, на основаніи свѣдѣній установленныхъ бывшими миссіями Никифорова и Данилевскаго.

При покойномъ ханѣ Алла-Кулѣ, когда былъ въ Хивѣ Ники-

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 2.

форовъ, и въ особенности при наслѣдникѣ Алла-Кула, Магамедъ-Рахимѣ, въ бытность въ Хивѣ Данилевскаго, всѣми дѣлами ханства управлялъ старый мехтаръ Якубъ. Происшедшіе послѣ смерти Магомедъ-Рахима перевороты въ ханствѣ, а именно: убійство его преемника Кутлу-Мурата туркменскимъ посланцемъ во время аудіенціи, возведеніе на ханство Сеидъ-Магомета и умерщвленіе послѣднимъ Якуба, перевернули въ Хивѣ всѣ отношенія между ханомъ и его совѣтниками и послужили къ тому что Сеидъ-Магомедъ рѣшился самъ управлять дѣлами, входилъ во всѣ мелочи администраціи, никому не довѣрялъ, а если еще и поручалъ коекакія дѣла своимъ приближеннымъ, то почти исключительно старшему брату своему и Кушъ-Беги. Къ этимъ-то именно сановникамъ агентъ нашъ и *не имѣлъ* писемъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что не мало ихъ оскорбило и заставило дѣйствовать совершенно не въ пользу Русскихъ. При вліяніи этихъ лицъ, подозрѣнія хана дошли до того что, въ первое время пребыванія миссіи въ Хивѣ, онъ подъ страхомъ смерти запретилъ Хивинцамъ какое бы то ни было сообщеніе съ Русскими, останавливалъ посыльныхъ агента, сажалъ ихъ въ тюрьму, отбиралъ наши письма и почти дошелъ до убѣжденія что полковникъ Игнатьевъ поступитъ съ нимъ такъ же какъ туркменскій посланецъ съ Кутлу-Муратомъ, то-есть убьетъ его на аудіенціи. Будучи въ то же время неопытенъ въ дѣлахъ, Сеидъ-Магометъ вынужденъ былъ безпрерывно собирать во дворцѣ совѣты для обсужденія сношеній своихъ съ миссіей, но въ совѣтахъ все безмолвствовало предъ ханомъ, совѣщанія кончались ничѣмъ, о чемъ миссія получала точныя свѣдѣнія чрезъ прикащика Панфилова и чрезъ нѣкоторыхъ преданныхъ намъ Киргизовъ.

Положеніе миссіи сдѣлалось наконецъ въ высшей степени натянутымъ, когда въ Хиву дошла вѣсть о приходѣ въ Аму третьяго нашего судна (баржа Колокольцова), такъ что ханъ прислалъ одного изъ своихъ адъютантовъ спросить полковника Игнатьева „считать ли его за мирнаго посланца и прибылъ ли онъ съ дружелюбными намѣреніями или съ войной?“ Объясненіе хану что вслѣдствіе неполученія отъ насъ извѣстій въ Россіи, третье судно вѣроятно пришло затѣмъ чтобы принять почту, а также рѣшительный протестъ агента противъ арестованія нашихъ посланныхъ, и посылка 26го іюля

чиновника Галкина къ пароходу за почтой успокоили нѣсколько Сеидъ-Магомета, и онъ разрѣшилъ двумъ нашимъ судамъ стоять въ Улькунъ-Дарьѣ и вообще сдѣлался гораздо ласковѣе въ обращеніи съ Русскими. Требованіе хана чтобы посланникъ представлялся къ нему, снявъ оружіе — было отвергнуто, и не только самъ агентъ, но и вся его свита постоянно ходила по городу въ оружіи и притомъ въ европейскомъ костюмѣ—примѣръ довольно рѣдкій въ средне-азіятскихъ ханствахъ. Подозрительность однако не оставляла хана, и онъ объявилъ агенту что будетъ лично вести съ нимъ переговоры, а для сохраненія достоинства посла, предложилъ ему въ случаѣ нужды посылать къ министрамъ секретаря миссіи и драгомана.

2го августа агентъ объявилъ хану требованія Россіи, и затѣмъ начались безконечные азіятскіе переговоры. 2го же августа агентомъ былъ отправленъ нарочный Киргизъ съ увѣдомленіемъ къ бухарскому визирю о прибытіи посольства. 15го августа, Кушъ-Беги, отъ имени хана, пригласилъ къ себѣ чиновъ миссіи на обѣдъ, послѣ котораго вновь возобновились переговоры съ 5ю сановниками. Хивинцы боялись разсердить Россію, не принявъ ея предложеній, но въ то же время за согласіе на нихъ, особенно на плаваніе по Аму, боялись отвѣтственности предъ эмиромъ Бухары, который чрезъ своихъ посланцевъ безпрерывно подтверждалъ хану не дозволять ни подъ какимъ предлогомъ судамъ нашимъ ходить по рѣкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ безсильной злобѣ на того же эмира, они, какъ всѣ слабые люди, подстрекали противу него агента и совѣтовали ему не идти въ Бухару. Обязательный актъ который предложилъ агентъ подписать хану былъ составленъ крайне умѣренно и заключалъ слѣдующее:

Во имя Всемогущаго и Милосердаго Бога.

Отъ владѣтельнаго Харезмскаго шаха, высокостепеннаго Сеидъ-Магомедъ-Богадуръ-хана, данъ настоящій актъ въ томъ, что имѣя искреннее желаніе пребывать въ постоянномъ мирѣ и тѣсной дружбѣ съ пресвѣтлою и могущественною Россійскою Имперіей, упрочивать пріязненныя съ нею связи и соблюдать во всей строгости правила миролюбивыхъ и добрыхъ сосѣдей, мы обязуемся за себя самихъ, за нашихъ преемниковъ и потомковъ и за всѣ подвластныя намъ племена:

1) Отнынѣ впредь не предпринимать никакихъ явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи и не возбуж-

дать ближайшіе къ хивинскимъ владѣніямъ Туркменскіе, Киргизскіе и Каракалпакскіе рода къ непріязни съ Россіей и взаимной враждѣ другъ съ другомъ.

2) Не потворствовать никакимъ грабежамъ, захватамъ, содержанію въ плѣну русскихъ подданныхъ, и въ случаѣ еслибы подвластныя Хивѣ племена произвели таковыя дѣйствія, предавать виновныхъ немедленному наказанію, а ограбленное имущество передавать русскимъ властямъ для возвращенія законному владѣльцу.

3) Отвѣтствовать за личную безопасность и за сохранность имущества всякаго россійскаго подданнаго находящагося въ Хивинскихъ владѣніяхъ; не дѣлать русскимъ подданнымъ никакихъ насилій и притѣсненій, а также и караванамъ идущимъ въ Россію и изъ Россіи, въ случаѣ же смерти русскаго подданнаго во время бытности въ Хивинскомъ ханствѣ, отпускать въ цѣлости оставшееся послѣ смерти имущество для передачи законнымъ его наслѣдникамъ.

4) Дозволить россійскимъ судамъ свободное плаваніе по рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

5) Для наблюденія за ходомъ торговли и завѣдыванія дѣлами русскихъ подданныхъ дозволить постоянное пребываніе въ Хивѣ русскаго торговаго агента (караванъ-баши).

6) Съ товаровъ привозимыхъ россійскими купцами въ хивинскія владѣнія установить постоянную пошлину, не свыше $2^1/_2\%$ съ дѣйствительной цѣнности товара, то-есть сообразно съ продажными цѣнами, и взимать эту пошлину единожды, при ввозѣ товаровъ, производя оцѣнку оныхъ безобидно для русскихъ торговцевъ.

Въ удостовѣреніе вышеизложеннаго утвердили мы сей актъ нашею золотою печатью и вручили оный уполномоченному со стороны могущественной Россійской Имперіи, высокородному полковнику Игнатьеву, флигель-адъютанту Его Императорскаго Величества. Данъ въ городѣ Хивѣ. 12 году эгиры мѣсяца „ “ дня.

На копіи обязательнаго акта Хивинскаго владѣльца русскій уполномоченный долженъ былъ сдѣлать надпись:

Получивъ для доставленія Его Императорскому Величеству, Великому Государю и Самодержцу Всероссійскому вышеозначенный актъ отъ высокостепеннаго владѣтеля Хивинскаго Сеидъ-Магомедъ-Богадуръ хана, я, на основаніи даннаго мнѣ уполномочія, удостовѣряю симъ что во взаимство постановленныхъ въ томъ актѣ условій, могущественная Россійская держава:

1) Предаетъ совершенному забвенію прежнія нарушенія данныхъ хивинскимъ правительствомъ торжественныхъ обѣ-

щаній и отступленія отъ заключенныхъ до сего между хивинскими владѣтелями и Россійскою Имперіей дружественныхъ актовъ.

2) Предаетъ забвенію непріязненныя подстрекательства Туркменскихъ и Киргизскихъ племенъ подданныхъ Россіи къ междуусобной враждѣ, и въ знакъ особеннаго благорасположенія къ хану и желанія утвержденія тѣсной съ нимъ дружбы, соглашается не требовать на этотъ разъ удовлетворенія за незаконное отправленіе фирмановъ къ подданнымъ Россіи Киргизскимъ племенамъ, за дѣлаемыя Киргизамъ враждебныя видамъ русскаго правительства наущенія и за покровительство оказанное въ хивинскихъ владѣніяхъ преступникамъ нашимъ.

3) Отказывается, въ случаѣ исполненія принятыхъ нынѣ Хивой обязательствъ, отъ требованія удовлетворенія русскихъ купцовъ за разграбленные до сего времени караваны и нанесенный ущербъ нашей торговлѣ.

4) Предоставляетъ въ своихъ владѣніяхъ хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества коими пользуются купцы другихъ азіятскихъ народовъ.

5) Въ доказательство милостиваго расположенія Государя Императора къ Хивинскому хану, разрѣшаетъ подданнымъ хивинскимъ, женившимся въ Россіи на мусульманкахъ и прижившимъ отъ нихъ дѣтей, вывезти на родину женъ и дѣтей своихъ, буде сіи жены и дѣти, ежели взрослыя, на то̀ согласятся.

6) Соглашается дозволить пребываніе въ Оренбургѣ для наблюденія за ходомъ торговли постояннаго хивинскаго торговаго агента (караванъ-баши).

7) Соглашается допустить сборъ пошлины съ товаровъ которые будутъ привозиться на русскихъ судахъ по рѣкѣ Аму мимо хивинскихъ владѣній, по $2^1/_2\%$ съ дѣйствительной цѣнности оныхъ, съ тѣмъ чтобы пошлина эта взимаема была на одномъ только назначенномъ пунктѣ при возвращеніи судовъ изъ Бухаріи въ Аральское море и чтобы при этомъ судамъ не было дѣлаемо никакой задержки; съ товаровъ же разгружаемыхъ въ хивинскихъ владѣніяхъ съ судовъ, предоставляетъ взимать по 5%.

Таковое дѣлаемое мною удостовѣреніе подтверждено будетъ письменно доблестнымъ и высокомощнымъ россійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ отъ Высочайшаго имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Самодержца Всероссійскаго.

Соглашаясь на всѣ пункты предложеннаго акта, *Хивинцы* и слышать не хотѣли о принятіи 4го параграфа, насчетъ пла-

ванія по Аму, и во всякомъ случаѣ утвержденіе его обусловливали предварительнымъ согласіемъ эмира.

Принятію сказаннаго требованія противодѣйствовали и торговцы хивинскіе, ибо они были твердо убѣждены что при перевозкѣ товаровъ на судахъ, вся торговля непремѣнно перейдетъ въ руки русскихъ купцовъ; чего они страшно боялись и въ чемъ разубѣдить ихъ не могли самые положительные доводы агента.

Переговоры тянулись и, казалось, настойчивыя требованія полковника Игнатьева даже относительно плаванія по Аму клонились къ благопріятному разрѣшенію, какъ вдругъ новое донесеніе кунградскаго правителя опрокинуло всѣ надежды миссіи и положило конецъ переговорамъ. 21го августа въ Хивѣ было получено донесеніе что съ парохода *Перовскій* посылаются лодки для производства съемокъ и промѣровъ, и что изъ Кунграда бѣжалъ на наше судно плѣнный Персіянинъ, котораго хивинскіе чиновники хотя и пытались вытребовать отъ командира парохода, но напрасно. Собрался ханскій совѣтъ, въ которомъ порѣшили что пароходы наши отнюдь не слѣдуетъ пускать въ рѣку; ибо изслѣдуя мѣстность, мы можемъ внезапно овладѣть ханствомъ, а увозъ безнаказанно плѣнныхъ разоритъ окончательно Хиву; къ чему можетъ насъ понудить дружба съ Персіей, по понятіямъ Хивинцевъ доходившая до того что въ Персіи „чеканятъ монету на имя Государя Императора, и шахъ при себѣ держитъ вмѣсто гвардіи русское войско“.

Чтобы вполнѣ уразумѣть такое рѣшеніе, надобно знать до какой степени важны для тунеядцевъ-Хивинцевъ рабы-Персіяне, и тогда будетъ понятно какою гибелью угрожало благосостоянію Хивинцевъ освобожденіе плѣнныхъ Персіянъ, единственныхъ работниковъ въ ханствѣ. На основаніи этого рѣшенія, ханъ въ тотъ же день потребовалъ выдачи Персіянина и прекращенія съемокъ, но агентъ отозвался неимѣніемъ донесеній съ парохода и обѣщалъ послать туда письмо съ отправляющимися больными русскими чиновниками. Въ то же время полковникъ Игнатьевъ получилъ извѣстіе что посланный имъ чиновникъ Галкинъ вынужденнымъ нашелся поссориться съ сопровождавшимъ его хивинскимъ приставомъ, по поводу того же Персіянина, и остаться на пароходѣ. За симъ агентъ, видя упорство Хивинцевъ относительно пропуска

нашихъ судовъ по Аму-Дарьѣ, въ чемъ ихъ убѣждалъ не только эмиръ Бухары, но и Кокандскій ханъ, рѣшился прервать переговоры.

23го августа миссія дала праздникъ для хивинскихъ министровъ, съ чаемъ, фейерверкомъ и разными закусками; причемъ министры, кромѣ поднесенныхъ каждому подарковъ, сочли не лишнимъ запрятать себѣ въ халаты и стащить въ тихомолку разныя, преимущественно фарфоровыя и серебряныя вещи изъ чайнаго сервиза.

25го августа ханъ прислалъ подарки Государю Императору, состоявшіе изъ двухъ аргамаковъ съ полною упряжью и ковра, и отвѣтную грамоту; причемъ на вопросъ агента: когда ханъ назначитъ ему прощальную аудіенцію? хивинскіе чиновники отвѣчали: вѣроятно въ этотъ же день вечеромъ.

Такъ кончились переговоры миссіи въ Хивѣ, и затѣмъ чтобы судить о послѣднихъ сношеніяхъ нашего посланника съ ханомъ и объ окончательныхъ убѣжденіяхъ вынесенныхъ имъ изъ Хивы въ пользѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Азіятцами, предоставимъ говорить самому агенту. „Замѣтивъ что письмо ханское (къ Государю)“, доноситъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ, „запечатано, я объявилъ хивинскимъ чиновникамъ что требую копіи съ онаго, и ежели не получу до аудіенціи, то непремѣнно буду лично просить о томъ хана. Каково было мое удивленіе, когда вечеромъ, напрасно прождавъ приглашенія ѣхать къ хану, узналъ я наконецъ что его высокостепенство, чтобъ избѣгнуть объясненія со мною и необходимости дать какой-либо положительный отвѣтъ, удалился въ загородный дворецъ, поручивъ чиновнику своему пожелать мнѣ добраго пути. Я написалъ тотчасъ Кумъ-Беги что требую прощальной аудіенціи, желаю знать положительный отвѣтъ хана на предложенныя мною условія и прошу доставить копію съ письма писаннаго отъ хана къ Государю Императору“.

„26го числа, послѣ полудня, Кумъ-Беги прислалъ мнѣ Диванъ-Бабу съ отвѣтомъ чтобъ онъ не смѣлъ доложить моего письма хану. Получивъ извѣстіе что ханъ вернулся въ Хиву, я тотчасъ же послалъ секретаря миссіи, Килевейна, съ драгоманомъ прямо въ ханскій дворецъ, чтобъ еще разъ словесно потребовать отъ Кумъ-Беги, копію съ письма хана къ

и объяснить что я буду считать себя обиженнымъ ежели не буду приглашенъ на прощальную аудіенцію и повторить неоднократно уже выраженное мною требованіе о выдачѣ намъ уральскаго урядника взятаго въ плѣнъ Джанъ-Ходжей и находящагося у Хивинцевъ. Застигнутый врасплохъ во дворцѣ, Кумъ-Беги долженъ былъ принять Киливейна и объявилъ ему что ханъ не хочетъ дать мнѣ прощальной аудіенціи; потому что хивинскій посланецъ Фазилъ-Хаджа не былъ принятъ Его Императорскимъ Величествомъ болѣе одного раза, то я не могу считать себя обиженнымъ, ибо былъ принятъ съ почетомъ и отличіемъ, несравненно лучше нежели Фазилъ-Хаджа въ Петербургѣ, и наконецъ что мнѣ не дадутъ копіи съ ханскаго письма, потому что это не въ обычаѣ въ Хивѣ, и что притомъ Фазилъ-Хаджѣ было неизвѣстно содержаніе письма Государя Императора къ хану, тогда какъ мнѣ словесно два раза были уже объяснены отвѣты хана на предложенныя мною условія для заключенія дружественнаго акта. Къ сему Кумъ-Беги присовокупилъ что въ письмѣ заключается повтореніе уже мнѣ извѣстнаго.

„Вслѣдствіе вышеизложеннаго я рѣшился выступить 28го августа изъ Хивы, направляясь чрезъ городъ Ханки, близь котораго я переправлюсь черезъ Аму-Дарью, и затѣмъ поѣду правымъ берегомъ на Кукертли, чрезъ Каракулъ, въ Бухару.“ При этомъ полковникъ Игнатьевъ, донеся что Хивинцы собираются назначить въ Россію посла, съ объясненіемъ своихъ требованій, просилъ министерство иностранныхъ дѣлъ не допускать его далѣе Оренбурга или Форта № 1 и вообще объявить ему что ни одно посольство хивинское Его Императорскимъ Величествомъ принято не будетъ, пока Хивинцы не докажутъ, поднесеніемъ Его Императорскому Величеству письменнаго согласія хана на всѣ наши условія безъ изъятія, что они умѣютъ цѣнить вниманіе оказанное имъ посылкой русскаго агента.

Для объясненія тогдашняго положенія миссіи, приводимъ отрывокъ изъ частнаго письма одного изъ спутниковъ полковника Игнатьева, отъ 27го августа: „Наша жизнь въ Хивѣ незавидна, подозрѣваютъ во всемъ, хватаютъ нашихъ почтарей, и трактата не подписываютъ. Нѣкоторые изъ членовъ миссіи, люди особенно слабонервные, ходятъ съ вытянутыми физіономіями, не спятъ ночи и ежеминутно ожидаютъ нападенія. Дѣйствительно, мы каждый день почти получаемъ свѣдѣ-

нія что на ханскихъ совѣтахъ трактуютъ какъ бы отъ насъ отдѣлаться: одни предлагаютъ отравить, другіе поджечь, а третьи, чтобы снять отвѣтственность съ хана, совѣтуютъ нанять шайку Туркменъ которая передушила бы насъ гдѣнибудь по дорогѣ изъ Хивы. Какъ видишь, утѣшительныхъ извѣстій мало, а тутъ еще проклятый Кумъ-Беги важничаетъ и держитъ по нѣскольку часовъ въ своей пріемной нашего драгомана и отпускаетъ его безъ всякаго отвѣта, а почтенный приставъ нашъ Диванъ-Баба только и занятъ мыслію какъ бы вымолить у нашихъ докторовъ конфертативу. Конвой, отъ нездоровой болотной мѣстности, изобилія фруктовъ, нестерпимыхъ жаровъ, недостатка движенія и непривычнаго образа жизни, страшно болѣетъ. Тоска смертельная. И кто это выдумалъ вести съ Хивинцами переговоры на европейскій ладъ, когда они понимаютъ и цѣнятъ только палку, деньги и конфертативъ!...“

Затрудненія и непріятности встрѣченныя агентомъ въ хивинскихъ владѣніяхъ произвели весьма тяжелое впечатлѣніе въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и не остались безъ послѣдствій. Такъ, усматривая изъ первыхъ писемъ изъ Хивы о затруднительномъ положеніи миссіи, генералъ-адъютантъ Катенинъ сдѣлалъ распоряженіе о задержаніи, впредь до выхода изъ ханства миссіи, хивинскихъ каравановъ въ Оренбургѣ, а министерство иностранныхъ дѣлъ испросило Высочайшее разрѣшеніе, въ случаѣ если Хивинцы не пустятъ агента въ Бухару, слѣдовать миссіи въ Фортъ № 1. Но оба эти распоряженія были получены агентомъ уже на пути въ Бухару, при переправѣ черезъ Аму, когда обстоятельства измѣнились; а потому, по сношеніи съ генераломъ Катенинымъ, послѣднимъ было тотчасъ же приказано отпустить хивинскіе караваны.

Для перехода изъ Хивы въ Бухару нужно было преодолѣть не мало затрудненій, кромѣ естественныхъ препятствій неизслѣдованнаго пути. Не только Хивинцы, но даже и Бухарцы не желали допустить чтобы Русскіе прошли долиной Аму въ Бухару, доселѣ недоступною для Европейцевъ. Ханъ предпочиталъ чтобы миссія вернулась въ Оренбургъ старою дорогой или же прошла бы на Сыръ, то-есть на Фортъ № 1. Русскую миссію не остановили ни требованія Хивинцевъ, ни увѣщанія, совѣты и предостереженія, ни распущенные слухи о предстоящемъ разграбленіи туркменскими шайками, заходя-

щими нерѣдко въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ и на правый берегъ Аму. За нѣсколько дней до выхода миссіи, нѣкоторые изъ нашихъ Киргизовъ и Бухарцы предупредили начальника миссіи что нѣсколько сотъ человѣкъ Туркменцевъ подговорены разгнѣванным ханомъ напасть на нашъ караванъ, съ цѣлію поживиться несмѣтными богатствами предполагавшимися въ каждомъ изъ нашихъ ящиковъ и отучить Русскихъ приходить въ эти края и дерзко противиться волѣ ханской. Сеидъ-Магометъ полагалъ, конечно, что съ него снята будетъ отвѣтственность за послѣдствія, такъ какъ гости не послушались его предостереженій.

Ожидавшіяся испытанія не повліяли на рѣшеніе полковника Игнатьева. Нанявъ съ трудомъ верблюдовъ у возвращавшихся Киргизовъ, русская миссія, отпраздновавъ царское тезоименитство въ Хивѣ, выступила на другой день рано утромъ, съ военными предосторожностями, съ заряженными ружьями и пистолетами, готовая на неравный бой и направляясь прямо къ рѣкѣ Аму. Такъ кончилось пребываніе нашего агента въ этомъ ханствѣ. Не мало перенесъ онъ за это время тяжелыхъ трудовъ и даже огорченій, и уходилъ изъ Хивы не подписавъ трактата. Но сожалѣть ли объ этомъ, и къ чему бы повелъ этотъ трактатъ, еслибъ онъ не былъ поддержанъ съ нашей стороны силой? Доказанное уже дѣло что Среднеазіятцы никакихъ трактатовъ не исполняютъ, если за трактатомъ не стоитъ угроза которая во всякую минуту можетъ быть приведена въ исполненіе. Мы главнымъ образомъ добивались свободнаго плаванія по Аму, но въ то время когда Хивинцы почти соглашались на наше требованіе, они уже рыли у Кунграда каналъ, чтобы спустить воды въ Айбугирскій заливъ и сдѣлать невозможнымъ для нашихъ судовъ входъ въ эту рѣку и строили крѣпость у озера Дау-Кара, дабы не позволить и тамъ какъ-нибудь прорваться пароходу восточнымъ устьемъ Аму. Допустимъ однако что пароходы наши все-таки бы прошли и начали плавать по рѣкѣ, несмотря на то что хивинскіе купцы наотрѣзъ отказались возить на нихъ свои товары; тогда потребовалось бы устроить для нашихъ судовъ гдѣ-либо въ устьяхъ Аму, даже именно около Кунграда, какъ перваго населеннаго пункта въ дельтѣ, станцію, ибо плаваніе по неизвѣданной еще рѣкѣ, прихотливой относительно глубины своихъ водъ, заставляло необходимо имѣть на всякій случай сзади сильный опорный пунктъ, около котораго, въ

случаѣ невзгоды, могла бы укрыться наша флотилія. Такимъ образомъ плаваніе по Аму предварительно должно было вести къ занятію пункта въ дельтѣ рѣки и притомъ въ населенной части ханства, чтобы гарнизону было чѣмъ питаться, а занятіе подобнаго пункта требовало значительныхъ денежныхъ и морскихъ средствъ для своего исполненія, къ затратѣ которыхъ правительство въ то время вовсе не готовилось; безъ такой же представительности нашего имени въ Хивинскомъ ханствѣ, можно смѣло сказать что и всѣ другіе пункты трактата никогда не были бы въ точности исполнены. Въ заключеніе о посольствѣ въ Хиву, находимъ нужнымъ привести взглядъ самого агента на пользу трактатовъ съ Хивинцами, что конечно примѣнимо и къ прочимъ среднеазіятскимъ народамъ и повліяло на измѣненіе взгляда правительства на отношенія къ симъ послѣднимъ. „Еслибы гоняться только за заключеніемъ трактатовъ, большею частію ни къ чему не ведущихъ“, пишетъ полковникъ Игнатьевъ генералъ-адъютанту Катенину, „подобно тому какъ договоръ заключенный Данилевскимъ въ 1841 году, но никогда не соблюдавшійся, то можно было бы и теперь заключить договоръ, принявъ въ соображеніе что нынѣшнія уступки Хивинцевъ несравненно важнѣе тѣхъ коими мы до сихъ поръ довольствовались. Я почелъ за долгъ совѣсти не продолжать болѣе переговоровъ и не подписывать дружественнаго акта; ибо ханъ не согласился на свободное плаваніе по рѣкѣ Аму судовъ нашихъ. Договоры съ Хивой безполезны, пока Хивинцы не убѣдятся въ необходимости насъ слушаться и свято исполнять обѣщанное намъ, а этого съ такимъ безсовѣстнымъ и вѣроломнымъ народомъ нельзя достигнуть одними разсужденіями и объясненіемъ доводовъ, тѣмъ болѣе что Русскіе оставляли до сего времени безъ послѣдствій своеволіе Хивинцевъ.“

Результаты трудовъ миссіи въ Хивѣ во всякомъ случаѣ были весьма важны и достигли разрѣшенія одного изъ наиболѣе интересовавшихъ наше правительство вопросовъ, а именно изслѣдованія рѣки Аму-Дарьи. Дѣйствительно, кромѣ плаванія судовъ до Кунграда и подробной съемки устьевъ капитаномъ Бутаковымъ, теченіе Аму было изслѣдовано и снято: лейтенантомъ Можайскимъ, во время плаванія по Талдыку и потомъ съ подарочными вещами до Хивы, чинами генеральнаго штаба и корпуса топографовъ, во время слѣдованія миссіи на лодкахъ и при доставленіи подарковъ, не говоря о любопытной

съемкѣ прибрежной полосы и сухопутной дороги на правомъ ея берегу, во время передвиженія лошадей нашихъ отъ Кунграда до Хивы.

Караванъ миссіи, при движеніи въ Бухару, состоялъ изъ 170 верблюдовъ, кромѣ почетнаго хивинскаго конвоя, сопровождавшаго нашего агента въ числѣ отъ 7 до 10 человѣкъ, подъ начальствомъ Минъ-Баши, до границы ханства. Пройдя городъ Ханки, миссія въ продолженіи 2го и 3го сентября совершила переправу черезъ рѣку Аму-Дарью, и здѣсь подъ ея защиту поступили два каравана, въ 50 верблюдовъ каждый, слѣдовавшіе тоже въ Бухару. Опасеніе за нападеніе на миссію Туркменъ подкупленныхъ Хивой съ каждымъ переходомъ пріобрѣтало болѣе и болѣе вѣроятія, и даже самъ Минъ-Баши не скрывалъ своего страха, конечно ни слова не говоря объ участіи въ этомъ дѣлѣ своего правительства и уговаривая агента то замедлить движеніе, то совсѣмъ остановиться, между тѣмъ въ конвоѣ посланника какъ нарочно половина людей была больна страшными лихорадками, такъ что на ночлегахъ привелось наряжать въ караулы всю частную прислугу чиновниковъ миссіи. „Отовсюду", писалъ агентъ, „получаю извѣстія, въ особенности отъ Бухарцевъ, что скопища Туркменъ, посланныя самимъ ханомъ Хивинскимъ, намѣрены на насъ напасть на правомъ берегу Аму: надѣюсь что Богъ поможетъ намъ пройти, несмотря на препятствія." Принявъ всѣ надлежащія военныя предосторожности во время слѣдованія каравана и бивачнаго расположенія, миссія продолжала безостановочно движеніе, не обращая вниманія на Хивинцевъ и на грозные слухи. Движеніе, перемѣна мѣстности и воздуха, а также общее возбужденіе, овладѣвшее даже больными, болѣе способствовали быстрому выздоровленію тифозныхъ и лихорадочныхъ и сохраненію здоровья отряда чѣмъ постоянные пріемы хины, какіе долженъ былъ предписывать нашъ медикъ. Путь миссіи послѣ переправы шелъ по мѣстности со времени путешествія англійскаго купца Томсона, то-есть съ 1740, не посѣщавшейся никѣмъ изъ Европейцевъ; онъ пролегалъ вверхъ по правому нагорному берегу Аму, а потому, по своей новизнѣ и по возможности слѣдить за рѣкой, не мало представлялъ интереса для Европейца, хотя и отличался совершенною пустынностію. 4го числа было послано извѣстіе въ Бухару о прибытіи миссіи. 10го сентября она достигла урочища Кукертли, границы Хивинскаго ханства, а 16го вступила въ населенныя

мѣстности бухарскаго владѣнія и была съ почетомъ встрѣчена губернаторомъ близь лежащей крѣпости Усты.

Въ честь посланника устроили празднество извѣстное подъ названіемъ Курбани, причемъ, при произведенной весьма живописной скачкѣ, Бухарцы выказали себя весьма ловкими наѣздниками; затѣмъ ежедневно начались бухарскія угощенія. 18го, миссія прошла знаменитые пески Кизылъ-Кумъ, 19го ее встрѣтилъ особо высланный для привѣтствія изъ Бухары чиновникъ Мирза-Фазилъ, 20го прибыла въ городъ Каракуль, знаменитый своими мерлушками, а 22го, при огромномъ стеченіи народа, вступила въ Бухару и размѣстилась въ особо отведенномъ для нея домѣ, совершивъ въ двадцать два дня путь отъ Хивы до Бухары въ 502 версты. Во время пріѣзда агента, эмира въ Бухарѣ не было; онъ попрежнему воевалъ съ Коканомъ, и послѣ взятія Ура-Тюбэ, осаждалъ Ходжентъ, а потому, по просьбѣ визиря (Токсабэ), миссія, впредь до полученія особаго разрѣшенія эмира, должна была заключиться въ стѣнахъ своего глинянаго дворца, и только 5го октября всѣ русскіе люди стали ходить свободно по городу и притомъ въ своей одеждѣ. На другой день по приходѣ въ Бухару, полковника Игнатьева посѣтилъ визирь, а 5го октября агентъ со свитой отдалъ визитъ. Всѣ требованія посланника были немедленно заявлены визирю для донесенія эмиру. Требованія эти заключались въ уменьшеніи пошлины, правильной оцѣнкѣ товаровъ, свободномъ плаваніи судовъ по рѣкѣ Аму, въ отводѣ особаго караванъ-сарая для русскихъ торговцевъ, допускѣ временнаго торговаго агента и освобожденіи русскихъ плѣнныхъ. „Желая, пишетъ агентъ, доставить Аральской флотиліи благовидный предлогъ подняться вверхъ по Аму, я предложилъ эмиру чтобы наши суда, въ видѣ опыта, прибыли будущею весной къ Чарджую, для перевоза бухарскихъ товаровъ въ Фортъ № 1 или на Каратамакъ, откуда товары могутъ быть скоро перевезены на верблюдахъ въ Оренбургъ. Если эмиръ на это поддастся, то пароходъ *Перовскій* можетъ войти въ рѣку и безъ согласія Хивинцевъ, которыхъ эмиръ заставитъ въ такомъ случаѣ пропустить безпрепятственно наши суда. Это единственный способъ произвести миролюбивымъ образомъ плаваніе парохода по рѣкѣ Аму. Надо чтобы пароходъ, въ случаѣ согласія эмира, взялъ съ собою изъ Казалы какіе-нибудь не громоздкіе товары для доставки въ Бухару.

„Аму великолѣпная рѣка,—выше Кунграда не можетъ быть препятствій для плаванія пароходовъ“.

11го октября, эмиръ возвратился изъ своего побѣдоноснаго похода и въ 4 часа принялъ агента и чиновъ миссіи, и вслѣдъ затѣмъ подарки. При пріемѣ, Насыръ-Улла былъ чрезвычайно любезенъ и выразилъ глубокое уваженіе питаемое имъ къ Государю Императору. Всѣ наши предложенія были приняты эмиромъ немедленно, и тотчасъ же, по его приказанію, началась сдача въ миссію русскихъ плѣнныхъ съ ихъ семействами, даже принявшихъ исламизмъ. Всѣхъ плѣнныхъ миссіей было вывезено 11 человѣкъ.

Вотъ что доносилъ агентъ относительно переговоровъ съ эмиромъ, въ шифрованной депешѣ отъ 16го октября:

„Всѣ переговоры пришли къ успѣшному окончанію. Эмиръ выдалъ мнѣ всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ. Я возвратилъ эмиру тѣхъ которые обратились въ магометанство, не помнятъ своего происхожденія, обременены большимъ семействомъ и не изъявили желанія возвратиться въ Россію. Беру съ собой 11 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 8 служившихъ въ ханской пѣхотѣ. Кромѣ того эмиръ согласился на сбавку торговыхъ пошлинъ на половину противъ прежняго, на отведеніе для нашихъ торговцевъ отдѣльнаго караванъ-сарая въ Бухарѣ, на присылку изъ Оренбурга и временное пребываніе въ Бухарѣ нашего чиновника, въ качествѣ торговаго агента, и на свободное плаваніе судовъ нашихъ по рѣкѣ Аму, и обѣщалъ свое покровительство нашимъ торговцамъ. Въ бумагѣ Токсабэ, сообщающаго мнѣ это, сказано что если мы встрѣтимъ препятствіе со стороны Хивы, относительно плаванія судовъ, то эмиръ готовъ принять противъ этого мѣры, по взаимному съ нами согласію. Таксабэ сообщилъ мнѣ письмомъ что меня ожидаетъ опасность со стороны Хивинцевъ, на обратномъ пути къ рѣкѣ Сыръ, но я намѣренъ отклонить снаряженіе бухарскаго конвоя и не требовать высылки отряда изъ Форта № 1, полагая что конвой нашъ достаточенъ.

„Хотятъ послать отсюда посланца со слономъ и съ другими подарками. Слѣдовало бы принять его хорошо и допустить до С.-Петербурга. Не прикажете ли драгоману Баторшину состоять при посланникѣ бухарскомъ, такъ какъ онъ вполнѣ ознакомился съ ходомъ здѣшнихъ дѣлъ.

„Ежели Хивинцы узнаютъ объ успѣхѣ нашемъ въ Бухарѣ, они вѣроятно вышлютъ посольство въ Россію, а Киргизы хивинскіе перекочуютъ къ намъ.

„Съ нашей стороны не сдѣлано никакой уступки въ пользу Бухарцевъ, несмотря на сильныя жалобы бухарскихъ купцовъ на тарифъ, на просьбы ихъ о новыхъ льготахъ въ Россіи и старанія затруднить нашимъ торговцамъ пріѣздъ сюда. Я

избѣгнулъ даже предъявленія тѣхъ обѣщаній которыя имѣлъ право сдѣлать по инструкціи мнѣ данной и ограничился общими словами и дружественными увѣреніями. Посланникъ бухарскій вѣроятно будетъ ходатайствовать въ С.-Петербургѣ объ исполненіи различныхъ просьбъ бухарскаго правительства. Обыкновенно бухарскіе посланники принимаются на наше содержаніе въ крѣпости Орской. Полагаю приличнѣе принять и начать довольствіе посланца изъ Казалы. Ежели онъ придетъ со мною, я отпущу на сіе деньги изъ суммъ миссіи. Покорнѣйше прошу сооообщить министерству иностранныхъ дѣлъ."

Чтобы судить какъ жилось миссіи въ Бухарѣ, считаемъ не лишнимъ привести выдержку изъ частнаго письма одного изъ членовъ нашего посольства:

„Мы въ Бухарѣ, въ этомъ ученѣйшемъ мѣстѣ Средней Азіи. Что сказать тебѣ объ этой столицѣ съ 60—70 тысячъ жителей. Прочти описанія Мейендорфа, Борнса, Ханыкова, составленныя за нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, и ты получишь полное понятіе о настоящемъ городѣ. Вездѣ глина, грязь, все неподвижно, все, вѣроятно, будетъ такъ на многія еще столѣтія, пока какая-нибудь сила не расталкаетъ Бухарцевъ. Эмиръ деспотъ въ полномъ значеніи слова; чья бы то ни было жизнь не стоитъ для него и гроша. Торгующіе съ Россіей купцы не смѣютъ подумать о томъ чтобы гдѣ-нибудь было лучше Бухары и, являясь къ эмиру, говорятъ ему что Москва, Петербургъ, Лондонъ и въ подметки не годятся Бухарѣ, что нигдѣ нѣтъ такого правосудія, торговли и богатства какъ у нихъ, а объ образованности и говорить нечего. Словомъ сказать, на каждомъ шагу совершенное самообольщеніе, противъ котораго никакая дипломатія ничего не сдѣлаетъ, а если и будутъ со стороны эмира какія-либо уступки, то, повѣрь, только для вида. Такъ-называемыхъ ученыхъ (въ мусульманскомъ смыслѣ) здѣсь тьма—вездѣ встрѣчаются муллы, вездѣ медресэ, и это едва ли не главная причина полнаго застоя въ жизни народа. Что сказать о нашемъ положеніи? Поятъ и кормятъ насъ хорошо, мы расхаживаемъ по всему городу въ своихъ костюмахъ, и хотя мальчишки зачастую ругаютъ насъ собаками, но, сравнительно съ миссіей Бутенева, мы живемъ хорошо. Недавно эмиръ даже угостилъ насъ своею труппой изъ восьми музыкантовъ и нѣсколькихъ актеровъ, которые показали всевозможныя наши же ярмарочныя балаганныя штуки. Говорятъ, первый фокусникъ бѣжавшій казанскій Татаринъ, онъ имѣлъ удовольствіе, по прибытіи изъ Россіи, дать первое представленіе въ присутствіи эмира, и хотя получилъ за это 75 палокъ по пятамъ, но тѣмъ не менѣе ему позволено состоять при дворѣ. На дняхъ люди генералъ-губернатора Бухары, живущаго во дворцѣ, въ чемъ-то провинились, ихъ сейчасъ же перерѣзали, а у генералъ-

губернатора отобрали все имѣніе и продали съ аукціона, а самому дали 40 палокъ, посадили въ тюрьму и вѣроятно скоро снесутъ голову. Вотъ каковы тутъ судъ и расправа. Какъ тутъ толковать о международныхъ правахъ, о силѣ и могуществѣ Россіи, о развитіи торговли и пр. На первыхъ порахъ здѣсь все нужно дѣлать силой, а ее-то у насъ и нѣтъ; на фразахъ же далеко не уѣдешь... Полковникъ Игнатьевъ веселъ и доволенъ—онъ получилъ отъ эмира все что желалъ, даже можетъ-быть болѣе чѣмъ ожидалъ, остальное дѣло правительства.“

27го октября, утромъ, эмиръ прислалъ миссіи подарки, а именно: агенту — аргамака съ сѣдломъ, кашемировую шаль, шалевый халатъ и кушакъ, всѣмъ офицерамъ по шелковому халату, а рядовымъ по бумажному; надѣвъ этотъ фантастическій нарядъ сверхъ своей формы, миссія въ тотъ же день въ такомъ оригинальномъ костюмѣ отправилась на прощальную аудіенцію къ эмиру. Прощаніе Насыръ-Уллы съ агентомъ было еще болѣе дружественно чѣмъ первое свиданіе. Эмиръ выразилъ даже сожалѣніе что агентъ не остался цѣлый годъ у него въ гостяхъ и высказалъ желаніе чтобы русскіе послы чаще посѣщали Бухару. На обѣихъ аудіенціяхъ эмиръ протягивалъ агенту руку по-европейски.

30го октября, вечеромъ, агентъ, послѣ нѣкоторыхъ настояній, получилъ копію съ грамоты эмира къ Государю, съ письма визиря къ министру иностранныхъ дѣлъ (чего прежде никогда не бывало), въ которыхъ подтверждались всѣ обѣщанія Насыръ-Уллы, и затѣмъ на другой день утромъ выступилъ изъ Бухары, сопутствуемый вновь назначеннымъ въ Россію бухарскимъ посломъ Наджмеддинъ-Ходжей.

Для поднятія тяжестей миссіи было нанято 170 верблюдовъ, по 12½ руб. за каждаго, кромѣ тѣхъ которые должны были перевезти черезъ пески воду; заготовлено продовольствіе, виноградный спиртъ, новые полушубки и 600 турсуковъ для перевозки воды во время марша по безводнымъ мѣстамъ; для больныхъ были устроены особаго рода качалки, по двѣ на каждаго верблюда.

Оставляя на время миссію, скажемъ нѣсколько словъ объ окончательныхъ дѣйствіяхъ Аральской флотиліи въ устьяхъ Аму-Дарьи. 21го іюля, не выждавъ еще окончательныхъ распоряженій полковника Игнатьева насчетъ флотиліи, посланныхъ изъ Хивы только 27го августа, капитанъ Бутаковъ отошелъ съ обѣими баржами къ устью Улькунъ-Дарьи къ уроч. Тенке-Куму.

Здѣсь, 1го августа, прибылъ на флотилію посланный изъ Хивы чиновникъ Галкинъ, сопровождаемый хивинскимъ приставомъ Ишанъ-Ходжей. Сначала расположеніе пристава было очень миролюбиво, но вскорѣ онъ потребовалъ чтобы Бутаковъ отпустилъ отъ себя и послѣднюю баржу, и съ пароходомъ отошелъ бы въ море; когда же это требованіе не было исполнено, Ишанъ-Ходжа объявилъ что чиновникъ Галкинъ не получитъ лодки для обратнаго слѣдованія въ Хиву.

„Трудно придумать,“ пишетъ Бутаковъ, „для чего они (Хивинцы) это дѣлали? Они воображали у насъ какіе-то невозможные враждебные замыслы дѣйствовать противъ Хивы заодно съ Туркменами, разграбить Каракалпаковъ; кругомъ насъ ходили слухи что у острова Николая I стоитъ множество русскихъ судовъ съ войсками, которыя ждутъ только знака для нападенія на Хивинское ханство и т. п.“

Вечеромъ 31го іюля, перебѣжалъ на флотилію плѣнный Персіянинъ, умолявшій взять его съ собой и объявившій что въ плѣну у Каракалпаковъ томится 20 лѣтъ русская женщина. Капитанъ Бутаковъ, во избѣжаніе неминуемой смерти Персіянина, принялъ его и отправилъ на Сыръ, заплативъ хозяину 20 полуимперіаловъ. 6го сентября прибыли на пароходъ изъ Хивы больные наши чиновники. При совершенной невозможности больнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ продолжать слѣдованіе съ отрядомъ, благополучное доставленіе ихъ на нашу флотилію крайне озабочивало полковника Игнатьева. Отправляя ихъ на лодкахъ внизъ по теченію Аму, въ сопровожденіи пристава миссіи Диванъ-Бабы, имѣвшаго порученіе отъ хана осмотрѣть наши суда и наблюдать за ними, агентъ заявилъ Хивинцамъ, съ цѣлію заставить ихъ дорожить поспѣшнымъ и благополучнымъ доставленіемъ нашихъ больныхъ, что одинъ изъ пароходовъ долженъ будетъ уйти для отвоза больныхъ въ Фортъ № 1, другія же суда отойдутъ къ устью. 11го, флотилія вышла изъ устьевъ Аму въ море, употребивъ три дня на перетаскиваніе черезъ баръ Сыра; 22го сентября прибыла въ Фортъ № 1. 12го ноября миссія достигла благополучно Буканскихъ колодцевъ, гдѣ запасшись водой, двинулась черезъ безводные Кизылъ-Кумы. Желаніе увидѣть поскорѣе родину заставляло миссію дѣлать возможно большіе переходы, несмотря на сильно холодныя ночи, и вотъ 16го ноября утромъ мелькнуло впереди нѣсколько знакомыхъ пикъ, появились казаки съ офицеромъ, и миссія, послѣ 6ти-мѣсячка-

го странствованія, увидала впереди своихъ Русскихъ, услыхала знакомый родной языкъ. Выѣхавшій офицеръ оказался начальникомъ отряда высланнаго генераломъ Катенинымъ изъ Форта № 1 на встрѣчу миссіи, для ея охраны отъ Хивинцевъ, несмотря на то что полковникъ Игнатьевъ считалъ совершенно достаточнымъ для безопасности миссіи и того прикрытія которое состояло при немъ. Въ тотъ же день къ вечеру миссія подошла къ высланному отряду, состоявшему изъ казаковъ и пѣхоты при 2хъ орудіяхъ, грянуло *здравія желаемъ!* и изумленный бухарскій посланецъ былъ поздравленъ флигель-адъютантомъ Игнатьевымъ съ прибытіемъ на русскую границу, то-есть на рѣку Яны-Дарью, что̀ конечно онъ услыхалъ въ первый разъ въ своей жизни, такъ какъ границей нашей съ Бухарой мѣстные жители постоянно считали Сыръ-Дарью.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Сыру, пошла изморозь, сдѣлалось холоднѣе, приводилось на бивуакахъ резгребать снѣгъ чтобы ставить кибитки, спать не раздѣваясь, но несмотря на это, чины миссіи и конвоя слѣдовали бодро, и 26го ноября, утромъ, перейдя по льду Сыръ-Дарью у Форта № 1, направились прямо въ церковь. Странно было смотрѣть на эти закоптѣлыя, обросшія бородами физіономіи, въ самыхъ фантастическихъ нарядахъ, благоговѣйно слушавшихъ молебенъ; не одна слеза скатилась съ лица этихъ бородачей во время молитвы; и тотъ кто бывалъ въ Средней Азіи въ то время и вышелъ оттуда цѣлъ и невредимъ, тотъ пойметъ чувства оживлявшія путешественниковъ и эти благодарныя слезы.

Результатами топографическихъ трудовъ миссіи въ Бухарѣ были: прибрежная съемка Аму-Дарьи и пути между Хивой и Бухарой, описаніе пройденныхъ мѣстъ, а равно и изслѣдованіе пути отъ Бухары до Форта № 1 и опредѣленіе нѣкоторыхъ пунктовъ въ Бухарѣ астрономически.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Фортѣ № 1, сдавъ тутъ излишнія тяжести, нанявъ новыхъ верблюдовъ и сдѣлавъ распоряженіе о дальнѣйшемъ направленіи миссіи въ Оренбургъ, агентъ выѣхалъ съ однимъ офицеромъ и двумя вожаками въ Оренбургъ. Тогда еще не существовало почтоваго сообщенія до Уральскаго Укрѣпленія, и по найму были выставлены, на извѣстныхъ мѣстахъ, для проѣзда, сначала лошади, а потомъ верблюды.

Наступилъ декабрь, поднялась вьюга въ степи, повалилъ снѣгъ и задулъ сѣверный вѣтеръ. Тихо подвигался полков-

никъ Игнатьевъ на тройкѣ верблюдовъ къ Уральскому Укрѣпленію, когда въ одну ночь вожаки его сбились съ пути, заѣхали въ какой-то разливъ Арала, и наконецъ объявивъ ему что самъ шайтанъ не найдетъ теперь никакой дороги, бросили его и исчезли въ снѣжной равнинѣ. Буря разыгрывалась не на шутку, морозъ пошелъ за 20°, при сильномъ, пронзительномъ вѣтрѣ. Черезъ нѣсколько времени раздались жалобныя мольбы прислуги агента, расположившейся около его повозки и начинавшей мерзнуть. Чѣмъ было помочь этимъ людямъ въ глухую ночь въ безлюдной степи? Къ утру еще посвѣжѣло. Полковникъ Игнатьевъ и бывшій съ нимъ офицеръ съ ужасомъ стали замѣчать что и ихъ начинаетъ пронимать сильный знобъ. Приходилось, послѣ удачно оконченнаго порученія, претерпѣвъ всевозможныя физическія и нравственныя лишенія, достигнувъ благополучно родной земли, почти у дверей дома пропасть низачто, замерзнуть въ степи. Но чья-то молитва спасла этихъ людей; вожаки вспомнили наконецъ о нихъ и явились со свѣжими верблюдами; люди, страшно обморозивъ лица и руки, кое-какъ оттерлись снѣгомъ, а самъ агентъ съ офицеромъ принуждены были всю ночь возиться, толкая одинъ другаго чтобы какъ-нибудь разогрѣть кровь. Мы нарочно упомянули объ этой ночи чтобы показать какъ легко достаются азіятскіе походы и сколько силы, мужества и здоровья требуютъ они отъ людей посвящающихъ себя службѣ въ степи.

Дальнѣйшій путь агента и слѣдовавшей за нимъ миссіи былъ едва ли не тяжеле, по случаю выпавшаго въ огромномъ количествѣ снѣга; вьюга преслѣдовала ихъ вплоть до самаго Оренбурга, куда агентъ прибылъ въ ночь на 6е декабря, а конвой миссіи въ началѣ января. Такимъ образомъ походъ, начатый при 30—35° жара, былъ оконченъ при 35° мороза и постоянныхъ буранахъ.

Такъ кончилось тяжелое семи-мѣсячное путешествіе флигель-адъютанта Игнатьева, во время котораго порученная ему миссія потеряла только одного казака, умершаго на пути изъ Хивы въ Бухару, и 5 лошадей, а изъ отпущенныхъ ему на расходы денегъ было представлено до 30.000 р. звонкою монетой сбереженія.

Такимъ образомъ горсть Русскихъ, несмотря на встрѣчавшіяся разнообразныя препятствія, прошла благополучно изъ Оренбурга въ Хиву и Бухару и вернулась черезъ рѣку Сыръ

(прежде снаряжались всегда отдѣльныя миссіи въ каждое изъ ханствъ), удостовѣрилась въ возможности лѣтняго движенія на Хиву, по направленію избранному *Перовскимъ*, извѣдала Аму-Дарью на протяженіи слишкомъ 600 верстъ, отъ устья почти до того пункта гдѣ переправлялся Борнсъ, произвела обширную съемку и собрала топографическія и политическія свѣдѣнія въ краѣ, отплатила эмиру Бухарскому и хану Хивинскому за честь честью, освободила изъ неволи подданныхъ Русскаго Царя, доказавъ Киргизамъ и нашимъ пограничнымъ жителямъ что эмиръ не смѣетъ укрывать у себя нашихъ дезертировъ, ни держать въ неволѣ продаваемыхъ ему земляковъ нашихъ, и настояла въ Бухарѣ на своихъ требованіяхъ, не давъ съ своей стороны никакого обѣщанія, ни обязательства и предоставивъ Императорскому правительству полную свободу дальнѣйшихъ рѣшеній и дѣйствій. Миссія совершила задачу свою въ кратчайшій срокъ и съ несравненно меньшими пожертвованіями, нежели предполагалось при ея снаряженіи; причемъ казнѣ возвращена была бо́льшая часть суммъ предназначенныхъ на чрезвычайные расходы. Главнѣйшій же результатъ посылки нашего агента въ 1858 году въ Среднюю Азію заключался въ томъ что правительство узнало наконецъ настоящую цѣну *дипломатическихъ сношеній* нашихъ съ ханствами Средней Азіи. Съ тѣхъ поръ произошелъ крутой поворотъ въ характерѣ нашихъ сношеній съ этими коварными и вѣроломными сосѣдями; установился болѣе правильный взглядъ на наше положеніе въ Средней Азіи, сообразный съ достоинствомъ и съ дѣйствительными интересами Россіи.

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

XIV.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 20го августа, о прибытіи въ Хиву. *

Отношеніемъ отъ 24го іюня за № 36, я просилъ капитана 1го ранга Бутакова распорядиться своимъ плаваніемъ такимъ образомъ чтобы прибыть не ранѣе 25го и не какъ не позже утра 26го числа въ Кунградъ; ежели же онъ пройдетъ къ восточнымъ рукавамъ, отдѣляющимся, по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ, отъ Аму почти на высотѣ Ходжейли, то стараться прибыть сюда 27го числа, такъ какъ я предполагалъ не останавливаться въ Кунградѣ и выступить оттуда не позже 26го утромъ. Начальникъ Аральской флотиліи обѣщался мнѣ быть въ назначенный срокъ въ Кунградѣ и предполагалъ даже выполнить программу скорѣе раньше назначеннаго мною срока нежели позже.

По собраннымъ между тѣмъ свѣдѣніямъ и изъ объясненій съ есауломъ-башей и Диванъ-Бабой, оказалось что по причинѣ сильныхъ разливовъ нынѣшняго года, и новаго, временнаго прилива воды въ рѣкѣ, замѣченнаго за нѣсколько дней до прихода нашего въ Кунградъ, нѣтъ никакой возможности идти, съ такимъ тяжелымъ караваномъ какъ мой, по лѣвому берегу рѣки, гдѣ встрѣчаются безпрестанно переправы, по правому же берегу путь неудобенъ, вслѣдствіе переправъ черезъ рѣку Аму и моровой язвы уничтожающей верблюдовъ. Я воспользовался симъ случаемъ чтобъ объявить хивинскимъ чиновникамъ, на предложеніе идти правымъ берегомъ рѣки, что при затруднительности сего пути и необходимости отпустить верблюдовъ, не могу слѣдовать въ Хиву иначе какъ водой на лодкахъ. Такъ какъ Хивинцы жаловались на недостатокъ въ Кунградѣ лодокъ для поднятія всего каравана нашего вмѣстѣ съ лошадьми, и имѣя въ виду трудности пятнадцати-дневной перевозки на баркахъ бичевой 182 лошадей, я согласился на отдѣльное слѣдованіе по правому берегу Аму лошадей миссіи съ половиной конвоя и десятью одногорбыми, выбранными верблюдами, менѣе другихъ подверженными язвѣ. При этомъ было условлено что лошади наши прибудутъ въ восемь дней въ Ургенчь и тамъ будутъ насъ ждать.

Отправивъ Можайскаго, я еще пробылъ до утра 1го іюля въ Кунградѣ, на случай не пройдетъ ли *Перовскій* какимъ-либо неизвѣстнымъ доселѣ устьемъ, разошедшись съ Можайскимъ. Потерявъ наконецъ всякую надежду видѣть Бутакова въ Кунградѣ и не получая никакого отъ него извѣстія, я отплылъ 1го іюля, въ 11 часовъ утра, въ Хиву, вверхъ по Аму, на семи хивинскихъ лодкахъ. Насъ тянули большею частію

* Начало письма см. въ предыдущей книжкѣ.

бичевой, и по временамъ шли мы на шестахъ. Жара была нестерпимая, до 30° въ тѣни. Только изрѣдка дулъ вѣтеръ, но теплый, увеличивавшій только духоту. Ночью безпощадно кусали насъ маріады комаровъ и мошекъ. Разливы, густой камышъ и непроходимые колючіе кустарники мѣшали выходить изъ лодокъ, на коихъ мы оставались безвыходно даже и на ночь. Четырнадцать дней плыли мы такимъ образомъ до Ургенча. Не доходя этого города, въ первый разъ получилъ я извѣстіе о флотиліи и о лошадяхъ миссіи. Сынъ Исета привезъ мнѣ письмо изъ Кунграда, отъ капитана 1го ранга Бутакова и отъ офицеровъ оставленныхъ мною съ половиной конвоя при лошадяхъ. Черезъ полчаса хивинскій разсыльный привезъ мнѣ еще письмо изъ Кунграда. Изъ прилагаемой при семъ въ копіи бумаги Бутакова, писанной на французскомъ языкѣ, ваше превосходительство изволите увидѣть что обрекогносцировавъ всѣ устья рѣки Аму и убѣдясь въ невозможности въ оныя войти, онъ нашелъ наконецъ за мѣстечкомъ Кара-Джиръ, устье Улкунъ-Дарья (то-есть большая рѣка), не замѣченное имъ въ 1848 году, но означенное на картѣ Данилевскаго, подъ именемъ Умъ-Дарьи, и 30го іюня вступилъ въ оное. 3го іюля, рано утромъ, Бутаковъ подошелъ къ Кунграду и тамъ остановился.

Лошади же миссіи, выступивъ изъ Кунграда 1го іюля, направлены были есаулъ-башей по такому пути гдѣ заливы воспрепятствовали дальнѣйшему ихъ слѣдованію, а недобросовѣстность и мошенничество хивинскихъ чиновниковъ ихъ сопровождавшихъ были причиной что у нихъ не достало довольствія и фуража. Вмѣсто того чтобы прибыть 8го іюля въ Ургенчь, лошади вернулись въ Кунградъ 6го іюля. Офицеръ находившійся съ лошадьми и даже капитанъ 1го ранга Бутаковъ, въ письмахъ своихъ жаловались на явное недоброжелательство къ нимъ эсаулъ-баши, на распоряженія его, относительно слѣдованія лошадей, на распечатываніе писемъ и перехватываніе оныхъ. Письма доставленныя мнѣ изъ Кунграда, хивинскими разсыльными, были дѣйствительно распечатаны. Желая проучить хотя нѣсколько Хивинцевъ и показать имъ что я не намѣренъ сносить подобныя дѣйствія, я остановилъ, не доходя Ургенча, лодки, позвалъ къ себѣ Диванъ-Бабу, объяснилъ ему сколь неприличны и непростительны поступки Хивинцевъ, и что ежели до свѣдѣнія хана не будетъ доведено немедленно мое неудовольствіе на эсаулъ-баши и требованіе чтобы тотчасъ было сдѣлано распоряженіе объ облегченіи слѣдованія лошадей и половины конвоя въ Хиву, то я не только не буду продолжать плаванія своего далѣе, но вернусь тотчасъ же въ Кунградъ. Диванъ-Баба извинялся, упрашивая меня доѣхать хотя до Ургенчской пристани, говорилъ что я его приведу на плаху послѣ возвращенія въ Кунградъ, послалъ тотчасъ донесеніе хану и ручался въ томъ что всѣ мои требованія будутъ исполнены.

16го мы простояли у Ургенчской пристани; я весь день не выходилъ изъ лодокъ и въ лодкѣ же принялъ высланныхъ ха-

номъ изъ Хивы, для принятія насъ: даргу (въ родѣ гофмаршала), одного изъ шести самыхъ приближенныхъ лицъ къ хану, шаркраукъ-бія (должность соотвѣтствующая церемоніймейстеру) и минъ-башу, съ большою свитой и съ почетнымъ конвоемъ. Дарга разсыпался въ учтивостяхъ и увѣреніяхъ дружбы и пріязни; выразилъ мнѣ что дѣйствія эсаулъ-баши не одобряются ханомъ и что послано немедленно изъ Хивы приказаніе принять мѣры къ ускоренію слѣдованія лошадей, которыя должны быть уже на походѣ, по болѣе удобному и кратчайшему пути. Долго уговаривалъ меня дарга выдти на берегъ и слѣдовать въ Хиву, на высланныхъ отъ хана лошадяхъ, погрузивъ тяжести на 200 арбъ, также присланныхъ изъ Хивы на берегъ. Имѣя въ виду затруднительность и неприличность такой перевозки, а также желая имѣть случай изслѣдовать подробнѣе прежняго каналы протекающіе изъ рѣки Аму внутрь ханства и заставить Хивинцевъ озаботиться скорѣйшимъ прибытіемъ нашихъ лошадей въ Хиву, я объявилъ ханскимъ посланцамъ что пока мои лошади и часть конвоя не присоединятся ко мнѣ, я не могу явиться хану и не отойду отъ лодокъ.

Вслѣдствіе чего послѣдовало ханское разрѣшеніе везти насъ на лодкахъ вплоть до загороднаго дворца намъ отведеннаго. Предполагали первоначально насъ поставить въ городѣ, а узнавъ наше тробованіе перемѣстили и отвели дворецъ, съ очень большимъ и красивымъ фруктовымъ садомъ, находящимся у самаго канала Полванъ. Насъ угощали и принимали съ почетомъ не только въ Ургенчѣ, но и въ Ханкахѣ и въ самомъ дворцѣ. Дарга съ шаркраукъ-біемъ выѣзжали ко мнѣ на встрѣчу въ Ханкахѣ и въ Хивѣ.

Бутаковъ, въ бумагѣ отъ 3го іюня и въ письмѣ отъ 6го и 7го іюня, писалъ мнѣ что хотя устье Улькунъ и довольно глубоко, но близь соединенія сего устья съ Талдыкомъ, мелководіе затрудняетъ плаваніе; что не имѣя ни достаточно продовольствія, ни угля (у него было только 700 пудовъ съ собою), онъ не предполагалъ возможнымъ для 2й баржи войти въ рѣку безъ содѣйствія парохода, онъ не можетъ плыть вверхъ по рѣкѣ выше Хивы, а оставаться въ Кунградѣ до окончанія переговоровъ опасается, ибо при пониженіи въ рѣкѣ воды, можетъ засѣсть на мели въ самомъ критическомъ положеніи. Бутаковъ, ссылаясь на вышеизложенное, просилъ у меня разрѣшеніе уйти въ Улькунъ-Дарью, ближе къ морю, за мелкія мѣста.

Еще на Усть-Юртѣ обсуждали мы съ капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ вопросъ о плаваніи нашей флотиліи въ рѣкѣ Аму въ нынѣшнемъ году, и онъ мнѣ объяснилъ что на пароходъ *Обручевъ* нечего разчитывать, ибо это судно можетъ плавать по морю только при самой благопріятной погодѣ, идти же свободно противъ теченія такой широкой и быстрой рѣки какъ Аму, на немъ невозможно, и что пароходъ *Перовскій* едва ли можетъ идти далеко вверхъ по рѣкѣ, ибо при обмелѣніи можетъ засѣсть въ оной на зиму, подвергаться же случайностямъ зимовья въ рѣкѣ съ флотиліей, капитанъ

1го ранга Бутаковъ считаетъ едва ли возможнымъ. Имѣя въ виду вышеизложенное и безполезность парохода въ рѣкѣ, при недостаточности топлива, и не считая себя въ правѣ принять на свою отвѣтственность, вопреки мнѣнія начальника флотиліи, опасность которой могъ подвергаться въ рѣкѣ пароходъ *Перовскій* съ баржей, при пребываніи въ Кунградѣ и плаваніи вверхъ по рѣкѣ до Чарджуя и до высоты Балка, до поздней осени, я согласился на предложеніе капитана 1го ранга Бутакова, тѣмъ болѣе что можно было предвидѣть что переговоры въ Хивѣ продолжатся не менѣе мѣсяца, то-есть до конца августа; а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, осенняя прибыль воды бываетъ незначительна и непродолжительна, плаваніе же по Аральскому морю позже 1го октября начальникъ Аральской флотиліи считалъ для своихъ судовъ крайне опаснымъ. На этомъ основаніи, я объявилъ Хивинцамъ въ Ургенчѣ что имъ доказано наше дружелюбіе и желаніе мирныхъ и пріязненныхъ съ ними сношеній; я отказываюсь, до личныхъ переговоровъ съ ханомъ, отъ своего требованія относительно пропуска нашихъ судовъ, и готовъ даже, ежели ханъ того желаетъ, послать приказаніе судамъ нашимъ отойти отъ Кунграда ближе къ морю, передавъ подарки на хивинскія барки. 16го числа утромъ, предъ отплытіемъ изъ Ургенча, послалъ я съ минъ-башей отношеніе къ капитану 1го ранга Бутакову, за № 50, въ коемъ просилъ его отправить на хивинской лодкѣ въ Хиву подарочныя вещи и находившихся на пароходѣ *Перовскій* чиновниковъ миссіи мнѣ ввѣренной и морскихъ офицеровъ, отойти ближе къ морю, и выславъ къ рѣкѣ Сыру баржу за запасомъ угля и провіанта, ожидать дальнѣйшихъ отъ меня извѣщеній въ Улькунъ-Дарьѣ. Совершенно возвратить пароходъ я считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе что присутствіе нашихъ судовъ въ устьѣ рѣки можетъ быть весьма полезно въ случаѣ совершенной неудобности и невозможности пройти прямо въ Бухару. Въ послѣдствіи, 2го августа, получилъ я бумагу отъ капитана 1го ранга Бутакова, который увѣдомилъ меня что хотя съ прибытіемъ 2й баржи, подошедшей къ Кунграду, у него образовался достаточный запасъ антрацита, чтобы подняться до Чарджуя и даже выше, но что онъ полагаетъ благоразумнѣе спуститься къ устью рѣки, ибо опасается что пока въ Хивѣ будутъ длиться переговоры, вода, упавшая уже на 2 дюйма, успѣетъ понизиться на столько что судамъ нашимъ заградится возвращеніе изъ р. Аму.

18го прибыла миссія мнѣ ввѣренная въ Хиву, а только 26го прибыли наши лошади и половина конвоя. 28го представился я хану и вручилъ высочайшую грамоту. На другой день передалъ письмо господина министра иностранныхъ дѣлъ мехтару. 1го августа привезены подарочныя вещи, а на слѣдующій день приступилъ я къ переговорамъ; подъ рукой, косвеннымъ образомъ, начались они, въ сущности, и прежде сего.

Настоящее положеніе дѣлъ въ ханствѣ самое невыгодное

для пріѣзда миссіи и окончанія съ Хивинцами предположеннаго договора.

Въ 1841 году, Магометъ-Рахимъ, вступивъ на престолъ во время пребыванія нашей миссіи, былъ слишкомъ неопытенъ и молодъ, чтобы не быть подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сановниковъ, управлявшихъ дѣлами ханства еще при отцѣ его, Алла-Кулѣ. При немъ первостепеннымъ вліяніемъ пользовался мехтаръ, ворочавшій дѣлами ханства, переживній нѣсколько хановъ, нажившій себѣ огромное состояніе и убитый со всѣми своимъ родственниками въ прошломъ году нынѣшнимъ ханомъ, считавшимъ себя дотолѣ не безопаснымъ на престолѣ. Стоило только условиться съ мехтаромъ, все могло быть устроено. Въ настоящее же время Сеидъ-Магометъ не довѣряетъ никому изъ своихъ подданныхъ, боится ихъ козней, хочетъ все дѣлать самъ и отстраняетъ возможность чтобы совѣтники его могли быть подкуплены и имѣть какое-либо вліяніе на рѣшеніе дѣла. Два лица только имѣютъ, по своему родству съ ханомъ, большій вѣсъ нежели прочіе приближенные, эмиръ, старшій братъ хана, и Кумъ-Беги; оба считаютъ себя обиженными нами, ибо у меня не было къ нимъ писемъ. Прочіе же сановники, не исключая и самого мехтара, хотя и занимаются дѣлами ханства, но трепещутъ предъ ханомъ и не имѣютъ большаго голоса въ совѣтѣ. Все доводится до свѣдѣнія хана, такъ что безъ его разрѣшенія никто въ Хивѣ даже переговорить съ кѣмъ-либо изъ Русскихъ не смѣетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сеидъ-Магометъ не имѣетъ достаточно твердости духа и увѣренности въ себѣ, чтобы самостоятельно обдумать и рѣшить что-либо самопроизвольно въ дѣлѣ государственномъ и потому прибѣгаетъ безпрестанно къ мнѣнію многочисленнаго совѣта, никогда не приходящаго къ какому-либо заключенію, пока ханъ не выскажетъ своей воли, и затрудняющаго еще болѣе дѣла. Стѣсненный съ одной стороны Туркменами, зная намѣренія Киргизовъ перейти въ русское подданство, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Бухарскаго эмира, коего онъ боится несравненно болѣе насъ, опасаясь между тѣмъ нашего сосѣдства и встревоженый нашими дѣйствіями въ степи, Сеидъ-Мегометъ видитъ въ каждой уступкѣ дѣлаемой Русскимъ конечную свою гибель и ущербъ собственному достоинству, тѣмъ болѣе что въ этомъ именно смыслѣ дѣлаются ему внушенія Бухарскимъ владѣтелемъ. Никто изъ Хивинцевъ, даже самые ближайшіе родственники, не смѣютъ говорить что-либо въ нашу пользу, боясь поплатиться жизнію, по подозрѣнію въ измѣнѣ.

Положеніе наше въ Хивѣ, въ первое время нашего пребыванія, было весьма тягостное. Недовѣріе къ намъ, и дурное расположеніе хана простиралось до того что подъ смертною казнію запрещено было жителямъ приходить къ намъ, останавливаться на улицахъ и говорить съ Русскими; требовали даже чтобъ я запретилъ чинамъ миссіи и конвоя отлучаться изъ дома и сада нами занимаемыхъ, безъ особеннаго ханскаго

разрѣшенія. Фазилъ-Хаджа попалъ въ немилость за то что смѣлъ хорошо отозваться о насъ, и ему запрещено съ нами видѣться; въ народѣ ходили самые нелѣпые слухи о дѣйствіяхъ Русскихъ и всякій проходящій Хивинецъ считалъ обязанностію ругать насъ и разсылать угрозы, напоминая о судьбѣ Бековича. Ханъ былъ въ недоумѣніи насчетъ миссіи, и ежедневно, въ теченіи болѣе недѣли, собиралъ многочисленный совѣтъ, на который были даже призваны торговые люди и нѣкоторые старшіе Туркмены и Киргизы. Въ совѣтѣ этомъ обсуждалось, всякій разъ нѣсколько часовъ сряду (не рѣдко съ 5 часовъ пополудни до утра), что съ посольствомъ дѣлать, какъ принять, какъ поступить и какимъ образомъ избавиться. Хивинцы, невѣжественно вообразивъ себѣ что я намѣренъ послѣдовать примѣру туркменскаго посланца, убившаго предшественника хана, Кутлу-Мурата, во время перваго торжественнаго пріема, долго разсуждали о томъ что меня совсѣмъ не слѣдуетъ допускать до хана, и вздумали было требовать чтобъ я отправляясь въ первый разъ къ хану, взялъ только одного переводчика съ собою и снялъ оружіе при входѣ. Сообщенія наши съ флотиліей и съ Россіей были прерваны, ибо Киргизовъ нашихъ запугали Хивинцы до такой степени что ни одинъ изъ нихъ не брался довезти почту, въ особенности послѣ того какъ Киргиза привезшаго намъ почту отъ генералъ-адъютанта Катенина, отъ 19го іюня, захватили было на другой день, посадили въ острогъ, долго допрашивали, дѣлали всевозможныя угрозы и возвратили только вслѣдствіе настоятельнаго и рѣшительнаго моего требованія. По всѣмъ дорогамъ ведущимъ изъ Хивы разставлены были караулы, чтобы не пропускать ни ко мнѣ, ни отъ меня разсыльныхъ. Присмотръ былъ таковъ что я не могъ до 2го августа найти случай отправить въ Бухару Киргиза, для разузнанія тамъ положенія дѣлъ и увѣдомленія бухарскаго визиря о моемъ слѣдованіи въ Бухару.

Въ Хивѣ мы не могли первоначально имѣть другаго средства добывать свѣдѣнія, какъ чрезъ прикащика Панфилова. Всѣ оказывавшіе какую-либо услугу намъ или нашимъ разсыльнымъ Киргизамъ, брались подъ стражу и допрашивались сановниками ханскими; тѣ изъ старшинъ киргизскихъ на коихъ пало подозрѣніе что они намъ рѣшаются сочувствовать и хотятъ перекочевать изъ ханства въ степь, были вытребованы въ Хиву и взяты подъ стражу.

Эсаулъ-баши изъ Кунграда безпрестанно доноситъ хану о враждебныхъ нашихъ замыслахъ, о томъ будто бы что пароходъ нашъ вошелъ силой въ рѣку, что на судахъ нашихъ множество орудій, боевыхъ запасовъ и людей, даже что съ нами какая-то подводная лодка, что много судовъ ходятъ въ Аральскомъ морѣ, что Кунграду угрожаетъ опасность отъ нашихъ двухъ судовъ, что на Усть-Юртѣ есть русскіе отряды и пр.

Съ рѣки Сыра дали знать будто собираются отряды въ Фортѣ № 1, чтобъ идти на Хиву, и что самъ генералъ-губер-

наторъ выступилъ въ походъ. Въ то же время распространилось въ Хивѣ извѣстіе о сношеніяхъ Дуакаринскихъ Киргизовъ съ генералъ-губернаторомъ, и 25го числа пришло извѣстіе что въ Кунградъ прибылъ третій пароходъ. Недоумѣніе Хивинцевъ возросло до того что ханъ прислалъ ко мнѣ, 25го вечеромъ, изъ своего совѣта двухъ чиновниковъ (одинъ изъ нихъ Якубъ-Мекремъ, старшій изъ его адъютантовъ) спросить меня положительно: считать ли меня за мирнаго посредника, прибылъ ли я съ дружелюбными намѣреніями или съ войной. „Мало-по-малу дѣла наши однакоже устроились. Хивинцы поняли наконецъ, отчасти, нелѣпость своихъ предположеній и замысловъ. Миролюбивымъ, но твердымъ образомъ дѣйствій, мы вселили въ нихъ нѣкоторое довѣріе и сильное опасеніе за послѣдствія ихъ образа мыслей, заставили выдать захваченныхъ Киргизовъ, допустить свободное хожденіе чиновниковъ миссіи и нижнихъ чиновъ по городу, измѣниться въ обращеніи съ нами, принять насъ должнымъ образомъ и наконецъ приступить къ переговорамъ, тогда какъ они намѣрены были, принявъ подарки, отпустить насъ безъ положительнаго отвѣта.

Дабы разъяснить дѣло относительно появленія третьяго нашего судна въ Кунградѣ, имѣть возможность передать Бутакову свѣдѣніе о нашемъ положеніи и выставить на видъ ему необходимость дѣйствовать болѣе осмотрительнымъ образомъ, пока ввѣренная мнѣ миссія находится какъ бы въ залогѣ у Хивинцевъ, а также для того чтобъ успокоить Хивинцевъ, высказавъ имъ наши миролюбивыя намѣренія, я отправилъ, 26го іюня, состоящаго при мнѣ чиновника по особымъ порученіямъ г. оренбургскаго генералъ-губернатора, Галкина, въ Кунградъ, сказавъ Хивинцамъ что третье судно вѣроятно прибыло изъ Форта № 1й за неполученіемъ давно извѣстій отъ меня съ почтой, такъ какъ сообщенія посредствомъ разсыльныхъ невѣрны. Ханъ, по моему настоянію, разрѣшилъ двумъ судамъ нашимъ, прибывшимъ съ подарочными вещами, стоять въ Улькунъ-Дарьѣ и послалъ къ мѣсту стоянки парохода чиновника для принятія и немедленнаго препровожденія ко мнѣ писемъ съ парохода.

Не стану утруждать ваше превосходительство описаніемъ всѣхъ подробностей пребыванія нашего въ Хивѣ, ханскихъ пріемовъ и веденныхъ переговоровъ. Ханъ насъ принялъ ласково и съ отличіемъ и изъявилъ желаніе вести со мной переговоры лично, не допуская прямыхъ сношеній миссіи ни съ мехтаромъ, ни съ Кумъ-Беги. Онъ нашелъ что несообразно съ моимъ достоинствомъ дѣлать лично визиты сановникамъ и просилъ посылать только въ случаѣ крайней надобности къ нимъ секретаря и драгомана. 2го августа, изъяснилъ я на аудіенціи Хану требованія наши и условія для заключенія дружественнаго трактата.

Съ тѣхъ поръ переговоры идутъ, но со свойственными всѣмъ Азіятцамъ, а въ особенности Хивинцамъ, медленностію и не-

добросовѣстностью. Переговоры замедляются преимущественно отъ частыхъ сношеній съ Бухарскимъ эмиромъ, требующимъ чтобы Хивинцы не смѣли пропускать въ рѣку нашего парохода. Хивинскій посланецъ отправился въ Бухару за два дня до нашего прибытія въ Хиву. Ханъ изъявилъ уже согласіе на всѣ условія, за исключеніемъ плаванія судовъ нашихъ въ рѣку Аму. Допуску нашихъ судовъ въ завѣтную рѣку противится въ особенности торговое сословіе въ Хивѣ. Весьма трудно толковать Хивинцамъ что они могутъ изъ перевозки по рѣкѣ Аму товаровъ на судахъ извлечь для себя пользу. Они не хотятъ видѣть въ этомъ предложеніи иной цѣли, какъ завоеваніе ханства и построеніе укрѣпленій на рѣкѣ Аму, на подобіе Сыръ-Дарьинской линіи, и предвидятъ что, при плаваніи нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму и перевозкѣ товаровъ водой, вся торговля неминуемо перейдетъ въ руки русскихъ купцовъ. Я хотѣлъ было взяться доставить въ Фортъ № 1, на нашей флотиліи товары оставшіеся, за недостаткомъ верблюдовъ, въ Кунградѣ, но торговцы рѣшительно отказались, объявивъ что согласятся лучше чтобы товаръ сгнилъ на мѣстѣ, нежели погрузить его на русскія суда. Побѣдить закоренѣлое невѣжество, недовѣріе и недоброжелательство цѣлаго народа нельзя силой доводовъ; нужно для сего силу физическую, а на трактаты полагаться нечего; ежели и удастся наконецъ заключить обязательный актъ, то этотъ вѣроломный народъ не исполнитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Намъ рано или поздно придется занять устья рѣки Аму и построить тамъ укрѣпленіе для облегченія плаванія нашихъ судовъ. Имѣя теперь въ виду что рано или поздно Русскіе войдутъ въ рѣку, Хивинцы уже въ настоящее время стали придумывать средства преградить намъ плаваніе; предполагаютъ построить къ будущей веснѣ крѣпость между Улкунъ-Дарьей и Талдыкомъ и прорыть каналъ для того чтобы рѣка близь Кунграда обмелѣла. Относительно пребыванія въ ханствѣ русскаго торговаго агента, ханъ изъявилъ желаніе чтобъ онъ былъ въ Хивѣ временно, пріѣзжая съ оренбургскимъ караваномъ и удаляясь изъ Хивы по окончаніи всѣхъ торговыхъ дѣлъ съ русскими подданными. Я не отстаиваю правъ постояннаго пребыванія въ Хивѣ нашего агента, потому что положеніе сего послѣдняго здѣсь было бы такъ затруднительно и безнадежно что для насъ выгоднѣе, во всѣхъ отношеніяхъ присылать временнаго агента, нежели держать здѣсь постояннаго, который будетъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Присутствіе агента породитъ неминуемо безпрестанныя столкновенія между нами и Хивинцами. Мнѣ кажется благоразумнѣе во всякомъ случаѣ начать со временнаго агента, и когда осмотримся вполнѣ въ Хивѣ, перейти, ежели обстоятельства сего потребуютъ, отъ караванъ-баши къ консульству.

Что касается до взиманія пошлины съ русскихъ торговцевъ, то я, пользуясь обстоятельствами, потребовалъ не только уменьшенія оной до 5% съ дѣйствительной цѣнности то-

варовъ, но и совершеннаго сравненія въ этомъ отношеніи мусульманъ съ природными Русскими, и взиманія только $2^1/_2$% съ товаровъ. При этомъ я возбудилъ вопросъ о способѣ оцѣнки товаровъ. Уменьшеніе пошлинъ въ ханствѣ ни къ чему не повело бы, ежели не ввести при этомъ болѣе справедливой оцѣнки товаровъ таможенными чиновниками, которые притѣсняютъ нашихъ торговцевъ, берутъ съ нихъ, подъ названіемъ подарковъ, сверхсмѣтную пошлину и оцѣниваютъ товары пристрастно, не рѣдко въ $1^1/_2$ и въ 2 раза болѣе, нежели продажная цѣна сихъ товаровъ, отчего взыскиваемая пошлина восходитъ до несравненно большей цифры, нежели назначенный процентъ съ дѣйствительной цѣнности товаровъ. Предложить условія оцѣнки принятыя въ другихъ государствахъ не соотвѣтствовало бы жалкому развитію ихъ понятій, а потому я ввелъ въ мое предложеніе о взиманіи пошлинъ обязательство производить оцѣнку не при ввозѣ, а послѣ распродажи товаровъ, сообразно состоявшимся цѣнамъ на товаръ. Это выгоднѣе для нашихъ торговцевъ, нежели самое уменьшеніе пошлинъ. Ханъ изъявилъ мнѣ уже свое согласіе на это весьма важное для нашей торговли условіе. Ежели бы намъ удалось добиться чего-либо подобнаго въ Бухарѣ, то первенство наше на среднеазіятскихъ рынкахъ и уничтоженіе перевѣса торговцевъ магометанскаго вѣроисповѣданія надъ природными Русскими были бы почти обезпечены, если правительство не оставитъ впредь поддерживать нашихъ торговцевъ въ справедливыхъ ихъ жалобахъ противъ могущихъ случиться отступленій отъ заключенныхъ условій. Прежде положенія начала новому порядку, товаръ присланный изъ Оренбурга съ прикащикомъ Панфиловымъ, прибывшій въ Хиву одновременно съ нами, былъ оцѣненъ послѣ распродажи товара и съ него взято $2^1/_2$% пошлины, то-есть Хивинцы согласились взять 105 червонцевъ, тогда какъ первоначально они потребовали было 520 хивинскихъ червонцевъ, то-есть 1.140 р.

Имѣю честь представить при семъ копію съ предложенныхъ мною хану условій.

Несмотря на всю слабость ханства, въ особенности соразмѣрно съ могуществомъ Россіи, Хивинцы ослѣплены до того что вѣрятъ въ недосягаемость свою, не видятъ необходимости въ уступкахъ и даже осмѣлились было предъявить съ своей стороны требованія: объ уменьшеніи у насъ пошлины съ товаровъ, объ опредѣленіи границъ согласно обѣщаній данныхъ будто бы Данилевскимъ, о правахъ на владѣніе Усть-Уртомъ, Araломъ и даже рѣкой Сыромъ, о возвращеніи въ ханство Каракалпаковъ перекочевавшихъ къ намъ и пр. Я прекратилъ всякое сужденіе относительно сего замѣчаніемъ что въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду предъявить также новыя требованія, и именно вознагражденія за разграбленныя въ 1847 и 1848 годахъ наши караваны, за грабежи въ степи, за нападенія на наши отряды послѣ заключенія дружественнаго акта въ 1841 году, за укрывательство нашихъ преступ-

никовъ и незаконное отправленіе ханскихъ фирмановъ къ подданнымъ намъ киргизскимъ и туркменскимъ племенамъ.

Относительно извѣстнаго вашему превосходительству вопроса объ опредѣленіи рѣки Сыра границей между Хивой и Россіей на востокѣ, я, согласно инструкціи данной мнѣ при отправленіи изъ С.-Петербурга, уклонился отъ какого-либо отвѣта, изъяснивъ что объ этомъ предметѣ Хивинцы уже извѣщены письменно изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Желая ввести однакоже въ заблужденіе Киргизовъ кочующихъ по Яны-Дарьѣ и на лѣвомъ берегу Сыра, Хивинцы послали тайкомъ людей распустить между ними слухъ что они формально признаны нами за Хивой. Хивинцы намѣрены позднею осенью послать собирать съ нихъ закятъ.

Стараясь сблизиться съ Бухарскимъ эміромъ изъ боязни Россіи, ханъ Хивинскій тѣмъ не менѣе не довѣряетъ ему и желалъ бы помѣшать нашему сближенію съ Бухарой, первоначально хотѣли меня заставить отказаться совершенно отъ намѣренія идти въ Бухару и вернуться сначала въ предѣлы Россіи, и оттуда уже идти въ Бухару, согласно съ желаніемъ эмира, выраженнымъ имъ будто Хивинцамъ. Когда провѣдалъ ханъ о намѣреніи Даукаринскихъ и всѣхъ вообще Киргизовъ кочующихъ на правомъ берегу Аму воспользоваться движеніемъ къ рѣкѣ Сыру миссіи, чтобы подъ защитой конвоя нашего откочевать изъ хивинскихъ владѣній, то ханъ началъ противиться моему слѣдованію по тому направленію и вздумалъ было потребовать отъ меня чтобъ я вернулся прежнимъ путемъ въ Россію, то-есть на Кунградъ и чрезъ Усть-Уртъ.

Тѣмъ не менѣе, 15го августа, на данномъ Кумъ-Беги отъ имени хана обѣдѣ для миссіи и конвоя, пять ханскихъ сановниковъ, коимъ поручено было переговорить со мною насчетъ предложенныхъ условій, объявили мнѣ что ханъ принимаетъ всѣ пункты акта, за исключеніемъ пропуска судовъ, и согласился пропустить меня въ скоромъ времени въ Бухару. Я отвѣтилъ что желаю знать причину несогласія на свободное плаваніе судовъ нашихъ въ рѣку Аму, ибо не рѣшаюсь довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества что ханъ отказалъ въ нашемъ требованіи и такимъ образомъ какъ бы не дорожитъ пріязнью Россіи. Послѣ трехчасовой конференціи, ханскіе сановники стали было колебаться, не находя уже отвѣтовъ на мои доводы и начиная понимать изъ моихъ словъ ту опасность которой Хива можетъ подвергнуться въ случаѣ если не согласится добровольно допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ по рѣкѣ Аму. Впрочемъ несмотря на всѣ мои усилія, мнѣ однакоже не удалось привести Хивинцевъ къ окончательному рѣшенію вопроса. Всѣ до того боятся эмира что не хотятъ изъявить своего согласія до полученія ожидаемыхъ ими новыхъ писемъ отъ Нафъ-Уллы и прибытія посланца изъ Бухары, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаются отпустить меня съ положительнымъ отказомъ. Отклоняю сдѣланное ими мнѣ предложеніе отправить съ нами въ Бухару

отъ Хивинскаго хана уполномоченнаго, коему поручено было бы подписать со мною дружественный актъ, какъ только эмиръ допуститъ плаваніе нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму. Требую положительнаго отвѣта: да или нѣтъ, и не соглашаюсь на заключеніе дружественнаго акта, безъ права свободнаго плаванія нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму.

Убѣжденъ почти что въ Бухарѣ буду имѣть такъ же мало успѣха, какъ и Бутеневъ въ 1841 году. Война съ Коканцами, какъ говорятъ, началась. 16го августа эмиръ предполагалъ выступить для осады Джизака и Ура-Тюбе; поджидаю только свѣдѣнія изъ Бухары чтобы еще болѣе поторопить здѣсь окончаніемъ переговоровъ и собраться въ путь. Постараюсь идти вверхъ по долинѣ рѣки Аму.

. . . .

Отчетливая глазомѣрная съемка отъ Усть-Урта до Кунграда, и рѣки Аму отъ самыхъ устьевъ до высоты Хивы, въ масштабѣ 20 верстъ въ англ. дюймѣ; половина конвоя миссіи прошла по совершенно неизвѣстной доселѣ мѣстности, которая также снята при семъ случаѣ. Прискорбно что болѣзнь астронома Струве лишила его возможности продолжать свои занятія. Послѣдній пунктъ опредѣленный астрономически Кунградъ.

Посольства изъ средне-азіатскихъ владѣній принимаемыя нами не имѣютъ никакихъ выгодныхъ для насъ послѣдствій, а стоятъ намъ очень дорого. Весьма мало пользы могутъ также принести и наши миссіи посылаемыя временно въ ханства. Это напрасная трата денегъ, которыя могутъ быть употреблены для достиженія той же цѣли въ этой же части Азіи, но инымъ образомъ, съ несравненно большимъ вѣроятіемъ успѣшнаго результата.

По полученнымъ мною на сихъ дняхъ довольно правдоподобнымъ свѣдѣніямъ, самый глубокій и удобный проходъ для нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму, не чрезъ Улькунъ-Дарью, а гораздо восточнѣе, чрезъ рукавъ Сасыкъ-Куль, впадающій въ озеро и изливающійся рукавомъ Джидели въ море, верстахъ въ 130 восточнѣе Улькунъ-Дарьи. Не имѣвъ еще возможности свѣрить всѣ данныя по сему предмету, воздерживаюсь отъ положительнаго заключенія относительно преимуществъ сего пути надъ остальными рукавами Аму-Дарьи.

Нельзя однакожь не предположить что этотъ путь доступенъ для Аральской флотиліи нашей въ рѣкѣ Аму. Хивинцы придумали построить двѣ крѣпости: одну близь соединенія Талдыка съ Улькунъ-Дарьей, противъ мели, гдѣ наши суда встрѣтили такъ много затрудненій, а другую на уроч. Курганъ, въ одной верстѣ противъ устья рукава Сасыкъ-Куль, верстахъ въ 90 отъ моря. Въ эту послѣднюю крѣпость будетъ переселено 900 узбекскихъ семействъ (для сего берется по пяти изъ каждаго хивинскаго города). Начальникомъ этой крѣпостцы — будущаго оплота Хивы противъ нашей флотиліи, назначенъ Мехремъ-Якубъ-Баба, братъ эсаула-баши кунградскаго. Тутъ же будутъ сбирать закятъ и гутуръ съ кочую-

щихъ на правомъ берегу Аму Киргизовъ и Каракалпаковъ. Постройка крѣпости начнется немедленно послѣ ухода миссіи въ Бухару.

Струве страдаетъ жестокимъ ревматизмомъ и находится въ такомъ положеніи что онъ рѣшительно съ нами слѣдовать въ Бухарію не можетъ.

Я вынужденъ отправить его на баркѣ внизъ по теченію рѣки до парохода *Перовскій*, вмѣстѣ съ больными, докторомъ Пекарскимъ и ротмистромъ Дучинскимъ и нѣсколькими нижними чинами. Посылаю съ ними это донесеніе.

XV.

Донесеніе капитана Бутакова полковнику Игнатьеву отъ 20го іюля.

Во исполненіе предписанія вашего высокоблагородія отъ 16го іюля, за № 50, полученнаго мною 19 числа въ 6 часовъ вечера, я отправляю сегодня на большой хивинской лодкѣ вещи посольства. При нихъ ѣдутъ: гг. штабсъ-капитанъ Салацкій, лейтенантъ Можайскій, подпоручикъ Муренко, топографы Недорѣзовъ и Щербаковъ, и кромѣ прислуги офицеровъ, пять казаковъ отпущенныхъ изъ Форта № 1. Всѣ означенные чины снабжены морскою провизіей, кромѣ мяса, по 1е августа.

11го іюля, при отправленіи отсюда на соединеніе съ вами поручика Зеленина и есаула Бородина съ лошадьми, я отпустилъ первому изъ нихъ на непредвидимые расходы (не полагаясь вполнѣ на искреннее доброжелательство Хивинцевъ) 10 полуимперіаловъ изъ суммъ флотиліи. Имѣю честь покорнѣйше просить васъ возвратить эти деньги при случаѣ. При первой встрѣчѣ моей съ отрядомъ нашимъ отъ Кунграда, я отпустилъ ему десять четвертей овса, изъ 25 привезенныхъ мною изъ Форта № 1.

При отправленіи отряда отсюда, я далъ одну четверть сухарей и для лошадей еще пятнадцать четвертей овса. Оба эти офицера отозвались что только отпущеннымъ мною въ первый разъ овсомъ они могли поддержать лошадей.

18го іюля, преодолѣвъ всѣ физическія препятствія, которыя, сознаюсь, я считалъ едва ли одолимыми, пришла баржа лейтенанта Колокольцова и стала на якорь въ 5 верстахъ отъ меня: топографъ Недорѣзовъ покажетъ вамъ на своей съемкѣ гдѣ именно Хивинцы, высланные правителемъ Кунграда на лодкахъ и верхомъ, хотѣли остановить баржу гораздо прежде, но лейтенантъ Колокольцовъ продолжалъ идти подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ, не слушая хивинскихъ чиновниковъ и отговариваясь что у него нѣтъ переводчика, а самъ онъ не понимаетъ по-татарски, но на одномъ крутомъ поворотѣ его прижало къ берегу, и Хивинцы, воспользовавшись этимъ случаемъ, ухватились за его снасти, и онъ, избѣгая всячески насилія, притворился что только тогда понялъ въ чемъ дѣло и остановился. Хотя оружіе было у него въ полной готовности,

но оно было скрыто, такъ что Хивинцы не видѣли никакихъ военныхъ приготовленій.

Хотя теперь у меня хорошій запасъ антрацита, съ которымъ можно бы подняться до Гарджуя и выше, но мнѣ кажется *благоразумнѣе* спуститься къ устью Улькунъ-Дарьи, ибо:

1) Судя по полученнымъ вами извѣстіямъ изъ Бухары, крайне сомнительно чтобы вамъ пришлось туда ѣхать.

2) Еслибъ эти извѣстія оказались несправедливыми, то несомнѣнно что Хивинскій ханъ, испуганный свободнымъ входомъ судовъ нашихъ въ Аму и просимый Бухарскимъ эмиромъ не пропускать ихъ вверхъ, ни за что̀ не согласится на такое плаваніе, и

3) Пока будутъ длиться въ Хивѣ переговоры, крайне сомнительнаго результата, о пропускѣ судовъ нашихъ вверхъ, вода, упавшая уже на два дюйма, успѣетъ понизиться настолько, что намъ заградится возвращеніе отсюда, ибо, не скрою отъ васъ, что мы съ трудомъ совершили послѣднюю часть пути нашего къ Кунграду по протоку который вамъ покажетъ топографъ Недорѣзовъ на съемкѣ: пароходъ едва могъ пройти по его мелководью. Въ такомъ случаѣ вы были бы *совершенно отрѣзаны.*

Отправившійся отсюда въ Оренбургъ хивинскій караванъ нашелъ съ величайшимъ трудомъ верблюдовъ, платя за нихъ весьма дорогую цѣну. Изъ этого я заключаю что вамъ будетъ несравненно труднѣе найти верблюдовъ для обратнаго пути, еслибы вы не пошли въ Бухару или для того чтобъ идти туда сухимъ путемъ; а потому мнѣ кажется что вамъ лучше всего возвратиться въ Россію водой, чрезъ Фортъ № 1, бросивъ или продавъ лошадей, изъ которыхъ многія, безъ сомнѣнія, падутъ до того времени. Нанявъ или купивъ нѣсколько хивинскихъ лодокъ, вы бы легко спустились по устью Улькунъ-Дарьи дней въ 7 изъ Хивы, а потомъ сѣли бы на суда, на которыхъ будетъ запасено достаточно провизіи для посольства и конвоя.

По крайней недовѣрчивости Хивинцевъ, старающихся прекратить всякое сообщеніе между нами, и при боязни мѣстныхъ жителей оказывать намъ услуги, хотя повидимому у нихъ нѣтъ на это недостатка въ доброй волѣ, мнѣ почти невозможно давать вамъ о себѣ извѣстія. Единственное средство еслибы вы повременамъ присылали надежныхъ гонцовъ, которые бы проѣхали къ намъ по мѣстамъ незаселеннымъ. Съ ними бы и я могъ сообщать вамъ извѣстія.

Я располагаю стать у раздвоенія Улькунъ-Дарьи, верстахъ въ 15 отъ устья. Хотя глубокая часть и начинается гораздо выше, но берега тамъ затоплены, заросли камышами, и испаренія отъ нихъ при долговременной стоянкѣ могутъ произвести лихорадки, а потому для сохраненія здоровья людей лучше стоять тамъ гдѣ берега твердые и гдѣ испаренія разгоняются морскими вѣтрами.

Еслибы вы возвращались водой, то я могу заблаговременно, получивъ отъ васъ извѣщеніе, пойти къ вамъ на встрѣчу.

О чемъ вашему высокоблагородію имѣю честь донести, присовокупляя что завтра же ухожу отсюда, и что по прибытіи въ устье Улькунъ-Дарьи, я немедленно отправляю баржу лейтенанта Ковалевскаго въ устье Сыра за провизіей и съ пакетомъ вашимъ подъ № 24, на имя г. директора азіятскаго департамента.

XVI.

Письмо полковника Игнатьева бухарскому визирю.

Въ поздравительномъ письмѣ присланномъ отъ высокостепеннаго эмира съ посланцомъ Мулла-Джаномъ, по случаю восшествія на прародительскій престолъ Великаго Государя моего, выражено между прочимъ желаніе эмира чтобы было послано въ Бухару отвѣтное посольство.

Избранный для сего назначенія, считаю долгомъ поставить васъ въ извѣстность что прибывъ 20го іюня въ Хиву, также по порученію Государя моего, я имѣю въ виду, оставшись непродолжительное только время въ этомъ городѣ, продолжать свой путь далѣе въ Бухарію и надѣюсь такимъ образомъ въ скоромъ времени прибыть въ предѣлы ханства.

За симъ прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и пріязненныхъ чувствахъ, а также въ искреннемъ желаніи употребить всевозможное стараніе къ скрѣпленію дружбы и пріязни издавна существующихъ уже между Россіей и Бухарой.

XVII.

Выдержка изъ предписанія полковника Игнатьева капитану Батакову отъ 27го августа.

....Что же касается до предполагаемыхъ вами переговоровъ, крайне сомнительнаго результата, о пропускѣ судовъ нашихъ вверхъ по рѣкѣ, то ваше письмо отъ 3го іюля и настоящій вашъ отзывъ о невозможности дальнѣйшаго плаванія парохода отъ Кунграда, заставили меня положительно прекратить тѣ переговоры съ Хивинцами которые я уже было началъ съ ними насчетъ немедленнаго пропуска *Перовскаго* вверхъ по Аму-Дарьѣ и обратить эти переговоры только въ требованіе открытія этой рѣки вообще для нашего судоходства съ будущаго года.

Въ настоящее время еще болѣе представляется препятствій къ плаванію парохода вверхъ по Аму: 1) наступающее позднее время года заставляетъ меня думать что если вы въ іюлѣ мѣсяцѣ находили, изъ опасенія обмелѣнія рѣки, дальнѣйшее движеніе парохода опаснымъ, то тѣмъ болѣе не рѣшитесь предпринять подобный походъ въ сентябрѣ, когда рѣка значительно уже обмелѣла. 2) Полученное здѣсь, чрезъ пріѣхавшаго изъ Кунграда хивинскаго чиновника, извѣстіе о томъ что будто бы вы приняли на пароходъ бѣжавшаго плѣннаго Персіянина и отказываете хивинскимъ властямъ въ выдачѣ этого человѣка, окончательно возбудило подозрѣніе хивинска-

го правительства насчетъ благонамѣренности дѣйствій нашей флотиліи и заставило его предполагать что при дальнѣйшемъ движеніи нашихъ судовъ по рѣкѣ, и прочіе Персіяне будутъ убѣгать на флотилію и найдутъ тамъ себѣ пріютъ и защиту, и 3) по позднему движенію въ Бухару, несмотря даже на самое кратковременное тамъ пребываніе миссіи, я не могу разчитывать вернуться оттуда ранѣе октября мѣсяца, то-есть того времени когда пароходу, за наступающею зимой, будетъ окончательно невозможно пробраться въ Сырѣ и онъ по необходимости долженъ будетъ зимовать въ Аму, что, какъ извѣстно мнѣ изъ словеснаго вашего объясненія на Усть-Уртѣ, было бы, по вашему мнѣнію, неудобоисполнимо. По всѣмъ этимъ причинамъ, я покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе оставаться съ пароходомъ въ настоящемъ мѣстѣ вашего расположенія до тѣхъ поръ пока по состоянію погоды вы найдете это возможнымъ, отнюдь только не уходя въ Казалу отъ устьевъ рѣки ранѣе 15го сентября....

Кромѣ извѣстія о Персіянинѣ, здѣсь получено также свѣдѣніе, сильно встревожившее Хивинцевъ, о производствѣ вашимъ высокоблагородіемъ съемки береговъ Аму, около мѣста вашей стоянки. Не зная до какой степени эти свѣдѣнія справедливы, я во всякомъ случаѣ прошу васъ производить промѣры и съемки возможно скрытнымъ образомъ, и не возбуждать и безъ того уже весьма сильныхъ подозрѣній Хивинцевъ на счетъ цѣли нашихъ дѣйствій. Что же касается до Персіянина, то я полагаю что если уже онъ разъ принятъ на наше судно, то выдавать его Хивинцамъ было бы нечеловѣколюбиво и несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи.

XVIII.

Выдержка изъ донесенія капитана Бутакова полковнику Игнатьеву, отъ 8го сентября.

....21го іюля, отправивъ изъ Кунграда на хивинской лодкѣ подарочныя вещи и при нихъ членовъ миссіи, отправился я съ обѣими баржами къ устью Улькунъ-Дарьи, куда прибылъ утромъ 26го іюля и сталъ противъ урочища Тенке-Куму, нѣсколько выше того мѣста гдѣ отъ Ульку къ Дарьѣ отдѣляется рукавъ Кичкене-Дарья.

1го августа, когда баржа лейтенанта Ковалевскаго была уже готова къ отплытію въ устье Сыра съ депешами и съ провизіей, прибылъ на хивинской лодкѣ коллежскій асессоръ Галкинъ, съ распоряженіями вашего высокоблагородія касательно устройства рода почтоваго сообщенія между посольствомъ и флотиліей, и стоянки судовъ. Иманъ-Ходжа, хивинскій чиновникъ, командированный съ тою же цѣлью ханомъ, прибылъ на отдѣльной лодкѣ на другой день и расположился въ аулѣ каракалпакскаго бія Муллы-Мамыта; на лодкѣ г. Галкина прибылъ другой хивинскій чиновникъ, мулла.

До пріѣзда г. Галкина, жителямъ близкихъ къ нашей сто-

янкѣ ауловъ было запрещено хивинскими чиновниками, посланными кунградскимъ правителемъ, торговать и входить съ нами въ сношенія; распоряженіе это въ особенности касалось Киргизовъ. Прибывшій съ г. Галкинымъ мулла немедленно снялъ это запрещеніе, и тотчасъ же явились къ намъ Киргизы и Каракаллаки съ дынями, баранами и др.

Предъ выѣздомъ изъ Хивы, для избѣжанія недоразумѣній, г. Галкинъ сообщилъ Иману-Ходжѣ чрезъ переводчика миссіи г. Батаршина, что онъ везетъ мнѣ, основанное на согласіи хана, приказаніе ваше: ждать около ауловъ Муллы-Мамыта съ двумя судами и отослать третье. Иманъ отвѣчалъ что все это дѣйствительно согласно съ желаніемъ хана. Утромъ 2го августа, Иманъ-Ходжа, не пріѣзжавшій самъ на пароходъ, прислалъ своего муллу справиться о здоровьи г. Галкина и спросить когда ему нужно приготовить лодку для возвращенія въ Хиву? Тотъ отвѣчалъ что желаетъ имѣть лодку утромъ 3го августа. Словомъ, все имѣло видъ самыхъ дружелюбныхъ сношеній.

На разсвѣтѣ 3го августа, когда бумаги г. Галкина были готовы, я отправилъ въ устье Сыра баржу лейтенанта Ковалевскаго, а пароходъ и другая баржа остались на прежнемъ мѣстѣ, у праваго берега Улькунъ-Дарьи.

Часовъ въ 10 того же утра, выѣхалъ на лѣвый берегъ рѣки, противъ парохода, Иманъ-Ходжа съ многочисленною свитой Хивинцевъ и Каракаллаковъ. Я послалъ къ нему шлюпку съ переводчикомъ, прося его пріѣхать къ намъ. Въ отвѣтъ на мою вѣжливость, онъ велѣлъ мнѣ объявить, что мы стоимъ не на мѣстѣ, что по волѣ хана я долженъ отослать и другую баржу, а съ пароходомъ держаться въ морѣ.

Я велѣлъ отвѣчать что онъ ни вчера, ни прежде не находилъ будто мы не на мѣстѣ, что посланникъ нашъ велѣлъ мнѣ стоять здѣсь съ двумя судами, что наконецъ если вышло недоразумѣніе, то чиновникъ нашъ долженъ немедленно возвратиться въ Хиву, и тогда все дѣло объяснится. Если вы не уйдете сейчасъ же, то чиновникъ вашъ не получитъ лодки.

Такую грубую и глупую угрозу, и такое наглое требованіе я оставилъ безъ отвѣта. Иманъ-Ходжа прождалъ еще нѣсколько времени на берегу и потомъ уѣхалъ, объявивъ строжайшее приказаніе чтобы никто изъ Киргизовъ и Каракаллаковъ не смѣлъ торговать съ нами и входить въ какія-либо сношенія. Для усиленія этого приказанія, онъ поставилъ недалеко отъ судовъ конный караулъ изъ Каракаллаковъ, которые дѣлали около насъ разъѣзды, били нагайками и прогоняли Киргизовъ, пробиравшихся къ намъ съ дынями. Дней черезъ десять, имъ надоѣло соблюдать строгій караулъ, а когда надзоръ ослабѣлъ, Киргизы стали снова приходить къ намъ.

Очевидно что Иманъ-Ходжа имѣлъ наставленіе найти предлогъ остановить г. Галкина. Такъ какъ онъ везъ сюда приказаніе ваше, нравившееся Хивинцамъ, то его и пропустили къ намъ, но потомъ, когда баржа ушла и порученіе это было исполнено, они задержали его, не желая чтобы вы имѣли съ

флотиліей сношенія. Трудно придумать для чего они это дѣлали. Они воображали у насъ какіе-то невозможные враждебные замыслы дѣйствовать противы Хивы заодно съ Туркменами, разграбить Каракалпаковъ; кругомъ насъ ходили слухи что у острова Николая I стоитъ множество русскихъ судовъ съ войсками, которыя ждутъ только знака для нападенія на Хивинское ханство...

Нѣсколько разъ, по просьбѣ г. Галкина, пламенно желавшаго присоединиться къ миссіи, я посылалъ къ Иману-Ходжѣ требовать лодки, но онъ постоянно отказывалъ.

Вечеромъ 31го іюля, когда уже совершенно стемнѣло, кто-то закричалъ на противоположномъ берегу чтобы за нимъ прислали лодку. Ожидая отъ васъ извѣстій, я поспѣшилъ послать шлюпку, и она вскорѣ привезла невольника-Персіянина, Гассана, убѣжавшаго отъ своего хозяина Каракаллака изъ окрестностей Кунграда. Онъ прошелъ къ намъ чрезъ камыши и болота, чуть не утонулъ нѣсколько разъ и умолялъ чтобы мы его взяли и не отдавали его хозяину, что его бы убили или замучили за побѣгъ, что въ аулѣ гдѣ онъ жилъ была русская женщина, лѣтъ 40, которая также хотѣла бѣжать, но ее перевели наканунѣ побѣга въ другой аулъ, что она лѣтъ 20 тому назадъ была захвачена Туркменами, что ее хотѣли обратить въ магометанство, но она не соглашалась, несмотря ни на какіе побои и принужденія.

Сознавая вполнѣ долгъ нашъ выручить нашу несчастную землячку и понимая очень хорошо что за извѣщеніе насъ о ея участи Гассану дѣйствительно угрожала бы смерть, я рѣшился взять его, съ тѣмъ чтобы немедленно отправить на баржѣ лейтенанта Ковалевскаго. Поступить иначе я считалъ противнымъ человѣколюбію и недостойнымъ чести русскаго флага. На другое же утро Персіянинъ былъ выбритъ, одѣтъ въ матросское платье и спрятанъ въ трюмѣ готовящейся къ отплытію баржи, на которой онъ и ушелъ 3го числа.

Не имѣя возможности донести вамъ объ этомъ происшествіи и не зная навѣрно пойдете ли вы въ Бухару, я поручилъ своему переводчику предложить за нашу землячку выкупъ хозяину ея, каракалпакскому бію Муллѣ-Мамыту. Тотъ не рѣшился отдать ее безъ Имана-Ходжи, и они сообща прислали мнѣ отвѣтъ что отдадутъ ее за 25 тиллей, съ тѣмъ чтобъ я заплатилъ за Персіянина 80 тиллей. Не имѣя никакого довѣрія къ Иману-Ходжѣ и такъ какъ, по разнесшимся вскорѣ слухамъ, посольство наше возвращалось къ флотиліи, я рѣшился дождаться васъ.

XIX.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 27го августа.

Настойчивыя мои требованія и объясненія заставили наконецъ до такой степени поколебаться ханскихъ сановниковъ

и самого хана что я начиналъ уже имѣть надежду заставить Хивинцевъ подписать обѣщаніе допустить свободное плаваніе судовъ нашихъ съ будущаго года. Снова неожиданно разрушились однакоже наши предположенія. 21го августа получено было въ Хивѣ донесеніе отъ кунградскаго градоначальника что съ парохода *Перовскій* посылаются лодки для производства съемокъ и промѣровъ, и что изъ Кунграда бѣжалъ на наше судно плѣнный Персіянинъ, коего хивинскіе чиновники напрасно пытались вытребовать у командира парохода. Опять собрался совѣтъ ханскій, и послѣ долгаго совѣщанія, пришли къ заключенію что пароходы наши рѣшительно вредно и опасно пускать въ рѣку: 1) потому что мы сдѣлаемъ подробную съемку рѣки и вполнѣ ознакомимся съ мѣстностью, съ тѣмъ чтобы при благопріятномъ случаѣ внезапно овладѣть ханствомъ; 2) ежели мы не имѣемъ прямыхъ враждебныхъ намѣреній, то разоримъ землевладѣльцевъ, сановниковъ и самого хана, увозя безнаказанно на судахъ нашихъ плѣнныхъ, первыхъ работниковъ въ ханствѣ, и что къ этому можетъ побудить насъ преимущественно искренняя связь наша съ Персіей, простирающаяся, по понятіямъ Хивинцевъ, до того что въ Персіи чеканятъ монету на имя Государя Императора, и шахъ при себѣ держитъ вмѣсто гвардіи русское войско.

Настоящій случай увоза Персіянина нашимъ пароходомъ Хивинцы считаютъ весьма пагубнымъ примѣромъ для всѣхъ племенъ имъ подвластныхъ.

Ханъ вечеромъ того же дня прислалъ мнѣ объявить полученное извѣстіе, требовалъ выдачи Персіянина и распоряженія о прекращеніи производства съемки въ устьѣ. Я отвѣчалъ уклончиво, сказалъ что не могу сдѣлать никакого распоряженія, такъ какъ не имѣю извѣстій съ парохода, а донесеніямъ хивинскихъ чиновъ не вѣрю, ибо нѣсколько разъ имѣлъ случай удостовѣриться въ ихъ преувеличенности; но что впрочемъ я напишу объ этомъ командиру судна и пошлю письмо съ больными чиновниками, коихъ необходимо отправить на пароходъ, по невозможности для нихъ продолжать путешествіе далѣе. Въ то же время получилъ я увѣдомленіе отъ хивинскаго правительства что титулярный совѣтникъ Галкинъ, посланный мною изъ Хивы, вмѣстѣ съ хивинскими чиновниками, въ концѣ іюня мѣсяца, на лодкѣ въ устьѣ Улькунъ-Дарьи, для объясненій съ Бутаковымъ и передачи писемъ, доѣхавъ до парохода, разсорился съ хивинскими чиновниками его сопровождавшими, вслѣдствіе объясненій относительно выдачи бѣжавшаго Персіянина, и долженъ былъ остаться на пароходѣ.

Не имѣя средства удостовѣриться въ истинѣ всего вышеизложеннаго, но видя что Хивинцы положительно не хотятъ согласиться на свободное плаваніе судовъ нашихъ въ рѣкѣ Аму, тѣмъ болѣе что не только эмиръ, но и ханъ Кокансій прислали Сеидъ-Магомету письма, въ коихъ совѣтуютъ не пропускать нашихъ пароходовъ, я рѣшился отказаться отъ дальнѣйшихъ безплодныхъ переговоровъ и поторопить только высту-

пленіе миссіи изъ Хивы. 23го я далъ отвѣтное угощеніе, съ иллюминаціей и фейерверкомъ, ханскимъ сановникамъ, въ саду занимаемомъ миссіей. Послѣ фейерверка, имъ розданы были подарки.

25го числа ханъ прислалъ мнѣ подарки назначенные для поднесенія Его Императорскому Величеству, а именно два аргамака съ полною сбруей и коверъ; въ то же время два приближенныхъ ханскихъ чиновника (одинъ изъ мехтаровъ и постельничій) передали мнѣ грамоту отъ хана къ Государю Императору, и на вопросъ мой: когда ханъ назначитъ прощальную аудіенцію? отвѣчали что вѣроятно онъ приметъ меня въ тотъ же день вечеромъ. Замѣтивъ что письмо ханское запечатано, я объявилъ хивинскимъ чиновникамъ что требую копіи съ онаго, и ежели не получу до аудіенціи, то непремѣнно буду лично просить о томъ хана. Каково было мое удивленіе, когда вечеромъ, напрасно прождавъ приглашенія ѣхать къ хану, узналъ я наконецъ что его высокостепенство, чтобы избѣгнуть объясненія со мною о необходимости дать какой-либо положительный отвѣтъ, удалился въ загородный дворецъ, поручивъ чиновнику своему пожелать мнѣ добраго пути. Я написалъ тотчасъ Кумъ-Беги что требую прощальной аудіенціи, желаю знать положительный отвѣтъ хана на предложенныя мною условія и прошу доставить копію съ письма писаннаго отъ хана къ Государю Императору.

26го числа послѣ полудня, Кумъ-Беги прислалъ мнѣ Дибанъ-Бабу съ отвѣтомъ что онъ не смѣетъ доложить моего письма хану. Получивъ извѣстіе что ханъ вернулся въ Хиву, я тотчасъ же послалъ секретаря миссіи Киливейна съ драгоманомъ прямо въ ханскій дворецъ, чтобы еще разъ словесно потребовать отъ Кумъ-Беги копію съ письма хана къ Государю и объяснить что я буду считать себя обиженнымъ, ежели не буду приглашенъ на прощальную аудіенцію, и повторить неоднократно уже выраженное мною требованіе о выдачѣ намъ уральскаго урядника, взятаго въ плѣнъ Джанъ-Ходжей и находящагося у Хивинцевъ. Застигнутый въ расплохъ во дворцѣ, Кумъ-Беги долженъ былъ принять Киливейна и объявилъ ему что ханъ не хочетъ дать мнѣ прощальной аудіенціи, потому что хивинскій посланецъ Фазилъ-Ходжа не былъ принятъ Его Императорскимъ Величествомъ болѣе одного раза, что я не могу считать себя обиженнымъ, ибо былъ принятъ съ почетомъ и отличіемъ, несравненно лучше нежели Фазилъ-Ходжа въ Петербургѣ, и наконецъ что мнѣ не дадутъ копіи съ ханскаго письма, потому что это не въ обычаѣ въ Хивѣ и что притомъ Фазилъ-Ходжѣ было неизвѣстно содержаніе письма Государя Императора къ хану, тогда какъ мнѣ словесно два раза были уже объяснены отвѣты хана на предложенныя мною условія для заключенія дружественнаго акта. Къ сему Кумъ-Беги присовокупилъ что въ письмѣ заключается повтореніе уже мнѣ извѣстнаго.

Вслѣдствіе вышеизложенаго, я рѣшился выступить 28го августа изъ Хивы, направляясь чрезъ городъ близь котораго я

переправлюсь черезъ Аму-Дарью, и затѣмъ пойду правымъ берегомъ на Кукертли, чрезъ Каракулъ въ Бухару.

Для сопровожденія насъ до бухарской границы назначенъ мнѣ былъ почетный конвой.

Хивинцы намѣрены, подъ предлогомъ желанія убѣдиться въ дружественныхъ видахъ Россіи относительно ханства, послать къ намъ новое посольство, которое, выйдя мнѣ на встрѣчу при возвращеніи миссіи мнѣ ввѣренной изъ Бухаріи въ Фортъ № 1, присоединится ко мнѣ и будетъ просить у Его Императорскаго Величества опредѣленія границъ между Россіей и Хивой по рѣкамъ Сыру и Эмбѣ и отпуска въ Хиву большаго числа мастеровыхъ и механиковъ для обученія Хивинцевъ различнымъ ремесламъ и искусствамъ и даже для построенія парохода на рѣкѣ Аму. Взамѣнъ этого, посланецъ изъявитъ согласіе, при исполненіи вышеизложенныхъ двухъ условій, допустить свободное плаваніе нашихъ судовъ въ рѣкѣ Аму и постоянное пребываніе нашего торговаго агента въ Хивѣ. Посланцемъ назначается Дарга, человѣкъ вліятельный, умный, ловкій, хитрый, пользующійся большимъ значеніемъ и выгоднымъ положеніемъ въ Хивѣ и отличающійся отъ всѣхъ другихъ узбековъ своею обходительностію и вѣжливостію. Онъ занималъ второе мѣсто между хивинскими сановниками. Совѣтникомъ Дарги будетъ, кажется, Диванъ-Баба, бывшій приставомъ нашимъ отъ вступленія въ Кунградъ до выхода изъ Хивы и назначенный теперь для препровожденія больныхъ нашихъ до парохода.

Несмотря на то что посольство это заслуживало бы, по составу своему, несравненно большее вниманіе, нежели обыкновенно присылаемыя въ Россію, но мнѣ кажется что слѣдовало бы не пустить Даргу далѣе Оренбурга, для того чтобы вселить въ Хивинцевъ убѣжденіе что мы никогда не допустимъ чтобъ они смѣли намъ въ чемъ-либо отказать. Въ такомъ случаѣ надлежало бы объявить Даргѣ въ Оренбургѣ, или даже въ Фортѣ № 1, что ни одно посольство Хивинское Его Императорскимъ Величествомъ принято не будетъ, пока Хивинцы не докажутъ что они умѣютъ цѣнить доказанное имъ вниманіе посылкой русскаго агента, поднесеніемъ Его Императорскому Величеству письменнаго согласія хана на всѣ наши условія безъ изъятія.

XX.

Выписка изъ письма полковника Игнатьева къ генералъ-адъютанту Катенину, отъ 20го августа.

Считаю долгомъ представить вашему превосходительству прилагаемую копію съ условій предложенныхъ мною хану Хивинскому, для заключенія дружественнаго акта.

Вслѣдствіе настоятельныхъ и рѣшительныхъ моихъ требованій, ханъ согласился на принятіе 1, 2, 3 и 5 пунктовъ, допустивъ не только уменьшеніе пошлины, но и совершенное

сравненіе въ дѣлѣ торговли правъ природныхъ Русскихъ съ мусульманами, а также самый выгодный для нашихъ торговцевъ способъ оцѣнки товаровъ. Относительно пребыванія въ Хивѣ нашего торговаго агента, подъ названіемъ караванъ-баши, ханъ также изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ чтобъ агентъ этотъ не жилъ постоянно въ Хивѣ, а пріѣзжалъ бы только на время изъ Оренбурга, пока наши торговцы имѣютъ дѣла въ ханствѣ. Я согласился на сіи условія, находя посылку временнаго агента выгоднѣе для насъ, нежели пребываніе постояннаго, который или былъ бы скорѣе вреденъ, нежели полезенъ, или же подвергался бы ежеминутной опасности и едвали успѣлъ бы въ чемъ-либо, безъ военной поддержки. Свободное плаваніе судовъ нашихъ въ рѣкѣ Аму Хивинцы не допустятъ, пока Бухарцы не согласятся на наше предложеніе. Не только эмиръ, но и Коканцы требуютъ отъ Хивинскаго хана чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на свободное плаваніе въ своихъ владѣніяхъ нашихъ пароходовъ.

XXI.

Изъ письма полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 1го ноября.

27го октября утромъ, эмиръ прислалъ намъ подарки и приглашалъ на торжественную прощальную аудіенцію. При этомъ эмиръ былъ къ намъ еще болѣе внимателенъ нежели при первомъ представленіи и выразилъ сожалѣніе что я не хотѣлъ остаться цѣлый годъ въ Бухарѣ или, по крайней мѣрѣ, наступающую зиму, а также высказалъ желаніе чтобы русскіе агенты чаще посѣщали Бухарію.

Стараніе мое убѣдиться въ томъ что обѣщанное словесно эмиромъ и сообщенное мнѣ письменно визиремъ, будетъ подтверждено бухарскимъ посланцемъ и упомянуто въ отвѣтныхъ грамотахъ и письмахъ, задержало насъ въ Бухарѣ до 31го октября. 30го вечеромъ получилъ я копіи съ грамоты эмира на Высочайшее имя и съ письма визиря его сіятельству министру иностранныхъ дѣлъ, а на другой день утромъ мы выступили изъ города Бухары.

Посланецъ бухарскій Неджиметъ-Джинъ-Хаджа выступилъ изъ города Бухары за мною и завтра насъ догонитъ. Узнавъ что въ Фортѣ № 1 готовится значительный отрядъ для встрѣчи въ Кизилъ-Кумѣ миссіи, отправляю поспѣшно Чабара къ коменданту съ просьбой отмѣнить, ежели сіе возможно, высылку большаго отряда, такъ какъ снаряженіе потребуетъ большихъ расходовъ, а позднее время года можетъ подвергнуть войска различнымъ напраснымъ лишеніямъ.

Мнѣ кажется что наступающая зима не дозволитъ довести слона, посланнаго эмиромъ въ подарокъ Государю Императору, до Оренбурга. Вѣроятно придется оставить слона на зиму въ Фортѣ № 1, съ тѣмъ чтобъ его весной довести чрезъ Оренбургъ до города Самары, а оттуда доставить по рѣкѣ Волгѣ въ Тверь.

